

10.335

1974

КОНТРОЛЬНЫЕ

ЭКЗЕМПЛЯРЫ

ՅԵՐԱՅԵՅԱՆ  
ՆՈՒՆԻԱԿՈՅՅՆ

# Ամերթայտիւնը

## Գրչիկը

8

1974

# Литературная Грузия

საქართველოს  
საბჭოთაო კავშირი

Ежемесячный  
литературно-художественный  
и  
общественно-политический  
журнал



Орган Союза писателей Грузии



АВГУСТ

19 Издательство 74  
ЦК КП Грузии

საბჭოთაო კავშირი  
საქართველოს  
საბჭოთაო კავშირი

511.001

# «ლიტერატურული გრუზია»

(რუსულ ენაზე)



საქართველოს მწიგნობართა კავშირის სახელმძღვანელო  
და საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

წელიწადი მე-18

№ 8

აგვისტო 1974 წ.

საქართველოს საბჭოთა მწიგნობართა კავშირის ორგანო

Главный редактор

**Георгий ЦИЦИШВИЛИ**

Редакционная

коллегия:

**Григол АБАШИДЗЕ,**  
**Тенгиз БУАЧИДЗЕ,**  
**Марк ЗЛАТКИН,**  
**Лавросий КАЛАНДАДЗЕ,**  
**Серго КЛДИАШВИЛИ,**  
**Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,**  
**Владимир МАЧАВАРИАНИ,**  
**Михаил МРЕВЛИШВИЛИ,**  
**Гурам ХАРАИДЗЕ**  
(заместитель главного редактора),  
**Владимир ХОМУТОВ**  
(ответственный секретарь),  
**Георгий ХУЦИШВИЛИ,**  
**Эммануил ФЕЙГИН,**  
**Алеко ШЕНГЕЛИА.**

*Год издания*

**18-й**

**АДРЕС РЕДАКЦИИ:**

ТБИЛИСИ, 380008, УЛ. ЛЕНИНА, 5

Приемная — 99-06-59

Главный редактор — 93-65-15

Заместитель главного редактора —  
93-13-57

Ответственный секретарь — 93-31-28

**ОТДЕЛЫ:**

Отдел прозы и очерка  
(редактор КОРИНТЭЛИ К. Н.) —  
93-31-43

Отдел поэзии и искусства  
(редактор ЗИНИНА В. Б.) —  
93-31-43

Отдел критики и публицистики  
(редактор ДОБРОДЕЕВА Л. Т.) —  
93-65-19

*Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются.*

Технический редактор Макалатия Г. Н.

Корректор Галионджян Н. А.

© «Литературная Грузия». 1974 г.

# Содержание:

## ПОЭЗИЯ

<b>ШОТА НИШНИАНИДЗЕ.</b> Поэтический календарь. Лирической музе. «Юноше кажется жизнь бесконечной пока...». «На этаже на высоком...». «Вот человек! Он совсем избалует сынишку...». Жизнь. «И в беде, и в удаче — ни с чем я...». Перевод Леонида Темина. Божья коровка. Перевод Аллы Беридзе. Сердце. Мы, коренные жители вечности. Перевод Владимира Леоновича . . . . .	5
<b>МОРИС ПОЦХИШВИЛИ.</b> Все то, что говорится громко... Цель. Золотой башмачок. Перевод Михаила Синельникова. Великое ярмо. Перевод Аллы Беридзе. «И опять высота пуста...» Перевод Яна Гольцмана . . . . .	9
<b>МАМИЯ ВАРШАНИДЗЕ.</b> «Когда растворяюсь я в незримом потоке...» Перевод Евгения Ильина . . . . .	8
<b>ШОТА РОКВА.</b> Земля. Перевод Евгения Ильина	10

## ПРОЗА

<b>НОДАР ДУМБАДЗЕ.</b> Белые флаги. Роман. Окончание. Перевод Зураба Ахвледиани . . . . .	11
<b>СЕРГИ ЧИЛАЯ.</b> Дети Екатерины. Роман. Авторизованный перевод Эммануила Фейгина и Бориса Гасса . . . . .	35

## ОЧЕРК

<b>ВЛАДИМИР АЛПЕНИДЗЕ.</b> Пути и встречи . . . . .	63
---	----

## КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ГРИГОЛ АБАШИДЗЕ. Писатель и история . . . . .	72
ТАРИЕЛ КВАНЧИЛАШВИЛИ. Нужен герой, достой- ный подражания! . . . . .	85

## ИСКУССТВО

ОТАР ДЖИКИЯ. Два художника — два театра . . . . .	88
---	----

## В МИРЕ КНИГ

ГЕОРГИИ НАТРОШВИЛИ. Творческий труд критика . . . . .	94
---	----



Шота НИШНИАНИДЗЕ

Поэтический календарь

Словьями поэтов считают одни (Радость, грусть отмеряют поэтовы дни), Но хотим, чтоб поэт — он и ангелом был, Вырывающим перья из собственных крыл.

Погибает Творец, но Творенье — живет И возводит монархию на эшафот!

Умирает Поэт, но — Поэзия есть, И свобода грядет, и готовится месть...

А поэты — о розе поют, как и встарь. Ради малой улыбки на милом лице Не шадят ни себя, ни тетради.

Хохот слышится с виселицы, а не стон — Это славный поэт и разбойник Вийон.

Вы слышали, должно быть: Поэт — это царь. Да, порою бывает поэт во дворце, Только чаще — на баррикаде!

Кто там тащит по дюнам свой призрачный груз, А лучи африканских зыбучих долин Вьются желтыми кобрами вслед?.. Это жаждет наживы бессмертный француз

Он бывал и судьей (по призыванию богов), Обвинителем, даже пророком, Только чаще всего был он бунтовщиком, Обвиняемым и одиноким.

(А быть может, Рембо не француз — бедуйн?), Он плохой коммерсант, но — поэт...

Впрочем, были цари — почитатели книг, Покровители слабых и горемык, И, наверно, незримо при этом Лилипутик-поэт жил в каждом из них На беду гениальным поэтам.

Верю я, что ахиллов блистающий щит Сердце Байрона в Греции спас! Разве только Испании болью звучит Песня Лорки в гибельный час?

Ну а те, что воспели дворцов маскарад, От царей ожидая бессмертья, То добились и лавров, и прочих наград, Но скончались задолго до смерти.

Все мы — с даром величия или же без, Тьмой пронзенные, светом ли алым, — Появлялись на свет под прибор «Марсельез», Умирали — с «Интернационалом».

Осторожно, ребята! Опасен чертог: На виду царедворцев и черни На кон ставят судьбу за лавровый венок, А венок на поверку — из терний!

Вив ля Франс! Я люблю твой немолкнувший гром, Негасимый твой пламень и гнев твой. И — привет, ураган, что рожден Октябрем,

Лепесточки стариннейшего календаря Облетают со звяканьем льдинок... Веер... ветер... карета... немилость царя... Туз... перчатка... и — поединок...

Левой! Левой! Левой!

В нас стреляют... И это зовется судьбой? И, втираясь в историю бесом, Вот бессмертье уже засоряет собой Эта пара — Мартьянов с Дантесом.

След бесчисленных пуль эта звездная пыль.

Подступает к порогу и сердцу пурга, Потому что в предутренней сини Мчат кареты. И кровоточат сквозь снега Две смертельные раны России...

Врете! Муза никем не убита: Поднимает отважный татарин Джалиль, Точно зная, «Тетрадь Моабита».

Всякий сущий талант нам от Родины дан, Он — Отчизны пожизненный данник, Был мальчишкою гвардии капитан Поседельный Мирза Геловани!..

В этом вихре минувших и нынешних лет, В легионе штурмующих небо Вижу с гордостью: Был кем угодно

Поэт. Палачом, палачом только не был!

## Лирической музе

Ты из звездного улья слетала,  
 Даль и время — твои два крыла,  
 То музыкою зримой звучала,  
 То незримою фреской была.

Спящий дом, как закрытая почка,  
 Трепетал под твоим шепотком,  
 От дыханья горячего — точно  
 Первоцвет — раскрываясь потом.

Да и я, как цветок, распускался  
 На полночном своем этаже:  
 Ведь с приходом твоим открывался  
 Мир, неведомый прежде душе,

И, исполнен молитвенной дрожи,  
 Так покорен и робок я был...

О, моя госпожа! Отчего же  
 Стал тебе я внезапно немил?

Скоро год, как попал я в немилость,  
 И закрытая почка — мой дом —  
 Постепенно в труху превратилась,  
 Ночи сыплются палым листом...

Ожидая тебя ежечасно  
 И судьбу свою злую кляня,  
 Я подумал: а, может, напрасно  
 Ты по городу ищешь меня?

Но ведь адрес же мой изменился!  
 И ты попросту можешь не знать,  
 Что уж год, как живу я в Ведзиси —  
 Канделаки, шестьдесят пять.

Юноше кажется жизнь бесконечной пока,  
 Но до чего ж кратковременна жизнь  
 старика!

Первый (неопытный!) быстрое время  
 торопит,  
 Он к перевернутому биноклю приник.

Старец же к мудрости трезвой за годы  
 привык —  
 Верно бинокли держать научил его  
 опыт.

«Мир мимолетный...» — сказал это  
 первым — старик.

На этаже на высоком  
 спросонok  
 Плакал ребенок — навзрыд, как умел.  
 Плач, как снежинки, прозрачен и тонок,  
 Прямо на набережную летел.

День был так свеж... Он, казалось,  
 вдыхает  
 Запахи детства и молока,  
 Как дню творения и подобает,  
 Легок он был и беспечен пока.

Может быть, ангельской стае слететься  
 Вдруг захотелось к деревьям вокруг,  
 Чтобы припомнить минувшее детство,  
 Слушая этот безгрешнейший звук?!

И невесомей, блаженней, чем вздохи,  
 Падали звуки, как божья роса,  
 Птицы их склевывали по крохе,  
 Чтобы звучали нежней голоса...

...Шел он. И по пути то и дело  
 Верхний этаж озирает с мостовой,  
 И оживало лицо, и светлело.  
 Шел. Улыбался. Качал головой.

И вспоминал нечто бывшее прежде,  
 Что-то такое, что, как ни зови,  
 Свято навек, равнозначно надежде.  
 Или же — вере. Или — любви.

Шел он. Лицо запрокинув, пытался  
 Это окно отыскать. Не нашел.  
 Шел,

останавливался,  
 улыбался  
 И головою качал он,  
 и шел...



## Божья коровка

Вот человек! Он совсем избалует  
сынишку:  
Цирк и кино, и зверинец, и снова — кино.  
Велосипед и коньки, и одежды, и книжки,  
Лыжи, игрушки, и сласти, и эскимо!..

Целыми днями — мальчишечий смех  
по соседству,  
И вечера отдаются веселой возне...

У человека-то попросту не было детства...  
Нынче — он старше отца,  
что погиб на войне...

## Жизнь

Мой родственник (ему почти сто лет!).  
Уже давненько помечает годы  
Свои  
на скорлупе пасхального яйца  
И шутит: «Проживу как раз я столько,  
Чтоб целиком яйцо изрисовать...».

Проходят годы...

На яйце пасхальном  
Еще так много белой скорлупы,  
И даты до того микроскопичны,  
Что, верно, удивились бы китайцы —  
Те мастера, что все ученье Будды  
На рисовом зерне вместить могли...

И в беде, и в удаче — ни с чем я  
Не валяюсь в ногах у судьбы.  
Мне бы только — способность прощенья,  
Покаянья, терпенья добыть.

Мне бы только — и впредь удивляться,  
Чтить любовь, как подарок творца,  
Если даже придется остаться  
Мне младенцем — всю жизнь, до конца.

Перевод Леонида ТЕМИНА

На поле цветом голубым  
Блестит фиалка... И завистник,  
Все шепчет ветерок в трилистник,  
Для встреч довольствуясь любым.

Вплоть до булавочной головки...  
Так это божьей же коровки  
Жар разгорается в костер!  
О как язык костра остер!

Вон, взмыв, провисла над черешней,  
Горя плодом. Еще поспешней  
Листу подвесила серьгу,  
Кружа в божественном кругу.

А там уж тает, мглясь за кругом...  
И вот в движении упругом  
Пытаюсь пуговку огня,  
Приштую к груди апреля,

Схватить и расстегнуть скорее —  
И нету страха у меня  
С ней осрамиться.  
Только пальцы  
Трясутся, путаясь в багрянце...

Перевод Аллы БЕРИДЗЕ

## Сердце

Нет, нет, мне счастья не дано!  
В простую радость я не верю:  
я в ней предчувствую потерю —  
свою, чужую — все равно.  
Нам — совершенства не дано.

Любовь ко мне обращена  
как свет — так щедро и так слепо.  
Но зрение мое — нелепо,  
но в полдень — полночь вкраплена,  
увы, несовершенство неба.

Когда я жив, когда люблю —  
волненья, страхи и заботы  
переполняют жизнь мою...  
О, я как бедствие терплю  
прекраснейшие в мире годы!

Как жить? Что, сердце, делать нам  
с любовью — страхом и бедою,  
с чужой беспомощной нуждою?  
Как тень, она бредет за мною,  
бредет за мною по пятам.





## Мы, коренные жители вечности

Дионис, пышнокудрый, обильный  
дарами  
бог румяный, на стенке марани  
рог подьемлет и баранью лопатку  
и на брюхо напускает блаженную  
складку.

Это он распекает Одоиа,  
орет в Цхенисцкали:  
будто корни скалою —  
полногласьем воспитаны связки!  
А когда у камина заводит он сказки,  
дом ковчегоподобный покидает устои.  
Кутаиси — величает Кутаиа...  
Слушай, слушай: это чаша звучит  
золотая.

Он в улыбке младенца и в осанке  
джигита.  
Это им, загулявшим, разбиты  
узкогорлые доки,  
а серебряной ночью с ним русалка  
играет в потоке  
и по нем изнывают ревнивые ведьмы  
Колхиды.

Слушай, нянька зовет:  
—Баахулиаа! Баааху!  
И горячий спросонок на вещее слово  
Бахус трехгодовалый, облаченный  
в рубаху,  
на балконе является нам в половине  
восьмого.

Оживает округа.  
Жизнь полна и упруга.

Солнце брызжет, и не выдержав дня,  
в половине  
наземь рушится так, что долина  
подобна давилъне.

От похмелья рассветного  
до веселья вечернего  
прибывает вино под рукой виночерпия,  
и народ Имерети крепок в вере,  
изобильно разлитой в крепогорлые  
квеври.

Ты бывал в Имерети? А видел  
пиры там?  
Надо видеть: такое во сне  
не приснится.  
Будешь крепок — узнаешь, как долина  
кренится

и плывет опрокинутым  
плоскодонным корытом.  
Тут умрешь. Но проспийся:  
не дадут умереть в Имерети.  
А долина лежит на рассвете  
книгой ясной и мудрой.  
На известке марани — могучий  
старик среброкудрый...

И тогда  
виноградники, храмы, деревья, балконы —  
станет песнею все.  
Слушай, слушай в оригинале  
лад библейский исконный.  
Этим кончим и с этого мы начинали,  
гости родины,  
вечности жители коренные,  
мы, иберы,  
мы, живущие ныне.

Перевод Владимира ЛЕОНОВИЧА

## Мамия ВАРШАНИДЗЕ

\* \* \*

Когда растворюсь я в незримом потоке,  
Оставив следы у предела,  
Хочу, чтоб стихов моих лучшие строки  
Красивая женщина пела.  
Теперь я уже не припомню начала —  
Ни слова, ни дела, ни даты.  
Поэзия, где ты меня отыскала,  
Зачем отыскала меня ты?  
О, родина, помыслы все не тебе ли?  
Готов я в тебе раствориться,  
Как капля дождя, как снежинка метели,  
Как легкого ветра частица.

Я все подбираю поласковой слово  
Для песни родимому краю,  
Пусть звезды осыпятся с неба  
ночного —  
Я звезды руками поймаю!  
Не знаю, какие отпущены сроки,  
Но если замру онемело,  
Хочу, чтоб стихов моих лучшие строки  
Красивая женщина пела.

Перевод Евгения ИЛЬИНА



Морис ПОЦХИШВИЛИ

### *Всё то, что говорится громко...*

Все то, что говорится громко,  
Я говорю,  
    едва дыша...  
Так тихо шепчется поэмка,  
Так листья сыплются шурша.

Ты хочешь подойти поближе  
К моей душе,  
    мои мечты  
Прочешь вчерне,  
    останови же  
И шум, и гомон суеты!

Взгляни:  
    стою у перепутья,  
У дерева путей моих,  
Их перепутанные прутья  
Так тихо мой колышут стих...

Все то, что говорится громко,  
Я говорю,  
    едва дыша...  
Так тихо шепчется поэмка,  
Так листья сыплются шурша.

### *Цель*

Луна одна,  
    как жеребенок белый,  
На холмах — лошадь Солнца..  
    Кровь зверей  
Хоть в этот миг, охотник оробелый,  
Смой с рук своих,  
    скрой с глаз моих скорей.

У всей вселенной —  
    сердце робкой лани..  
Далекой цели не ищи,  
    вот здесь

Убей меня,  
    на выжженной поляне,  
И свежевать на дерево повесь.

В округе пусто —  
    во вселенной целой..  
В меня прицелься,  
    бей наверняка..

Луна одна, как жеребенок белый,  
И лошадь Солнца топчет облака.

### *Золотой башмачок*

Узка дорога, узок мост, и грузно  
Зимы упали белые флажки..  
Я все узнал, но сам никем не узнан.  
Чей башмачок уносит гладь реки?

Я вспомнил все, и сам я был помянут,  
И все же не припомнен до конца.

И снег осел... Несется вслед туману  
Воспоминаний белая пыльца.

Узка дорога, узок мост... Мне грустно..  
Кто там с моста смеется надо мной?  
Я все узнал, но сам никем не узнан,  
И тот, кого узнал я, был другой.

Перевод Михаила СИНЕЛЬНИКОВА

### *Великое ярмо*

Отец и мать твои,  
как два быка,  
Впряглись в упряжку,  
напрягли бока.  
Дитя родное,  
это не игра!  
В дугу сгибает всякого гора.  
Упряжка

не игрушечный вагон.  
И в гору с ней,  
как в воду и в огонь, —  
не вниз ручьем,  
стремлящим мимо нас  
своим путем —  
ликуя и смеясь  
и голову бесечно очертя!..



Да-а, мы впряглись в ярмо  
чтоб ты, дитя,  
не чуя ног,  
закруженным мячом,  
стихал за нашим  
выжженным плечом  
Еще не раз  
укроем мы тебя,  
свое родное, светлое дитя.  
Нам лямку жизни  
надобно тянуть —  
чтоб ни гореть тебе и ни тонуть.  
Насколько можем,  
держимся пока,

И опять высота пуста.  
Только черный остов куста  
Да зеленый костяк платана, —  
Нет зеленого божества,  
Что светило нам неустанно.  
На бульварах горит листва.  
Догорает слева и справа,  
Но оплакать судьбу листа  
Не могу — не имею права.

Старый дворник метет, метет.  
По бульварам моим шагает,  
Листья красные поджигает,  
И тогда к небесам идет  
Дым, горчащий будто отрав.

## Шота РОКВА

## Земля

Все, что нас окружает,  
Что видим весной или летом,  
Все, что осенью видим,  
И все, что мы видим зимой,  
Все, что радует цветом  
И учит нас мудрым приметам,  
Век за веком зовем мы  
Негромко и кратко — землей.  
Золотые рассветы, колосья,  
Плоды золотые,  
Все, чем сердце полно —  
И кипенье страстей, и покой,  
Все, что стало привычным  
И что поражает впервые, —  
Это просто земля,  
Это просто зовется землей.  
И громадность горы,  
И прозрачность струи родниковой,  
И упорство тропинок,  
Ведущих в леса, и поля,  
Это — тоже земля,

улыбкой озаряя облака.  
С коляской кровной,  
в шествии чета, —  
чья нежность все ж надежнее счита.  
Из века в век, наверно, было так..  
Но если вдруг  
в пути замедлим шаг —  
ты обойди нас... не стегай кнутом, —  
дитя,  
все будет с горечью потом!  
Искус потех твоих,  
и вкус помех..  
Быков усталых бить тяжелый грех.

Перевод Аллы БЕРИДЗЕ

Что же мне остается теперь?  
Всюду думаю о тебе:  
О другой — не имею права.

Все мне кажется: строю дом  
Я — улитка среди улиток.  
Укрываюсь в скорлупку - свиток,  
Накрываюсь опавшим листом.  
Остыгает земное лоно,  
Горький дым к небесам идет.  
Спят скорлупки-дома по склонам.  
Старый дворник метет, метет..

Перевод Яна ГОЛЬЦМАНА

Это — ставшая жизни основой  
Колыбель человека,  
Его мастерская — земля.  
Желтизна кукурузы  
И матовый блеск винограда,  
И зеленое братство —  
Каштаны, дубы, тополя,  
Это наша награда,  
Надежда, краса и отрада,  
Это — наша земля,  
Наша с вами родная земля.  
Словно мать, она кормит  
От века весь род человеческий,  
Ей людские пути  
На чело, как морщинки, легли..  
Мы уже подросли,  
Мы готовы подставить ей плечи,  
И воздать ей трудом,  
И склониться пред ней до земли.

Перевод Евгения ИЛЬИНА

Նոճար Չումբաճձե

# ԲԵԼՅԵ ՓԼԱՂԻ

ՐՈՄԱՆ

— У тебя, Шошиа, оказывается, нет никаких дел, — прервал его Исидор, — можешь умирать спокойно!

— Как это — никаких дел! А все, что я перечислил, — это разве не дела? — воскликнул Шошиа.

— То, что другие могут сделать без тебя, нельзя называть делом. Дело — это то, что создано только для тебя одного, то, что должен сделать ты один и никто другой.

— Какие, например, дела?

— Таких не так уж много. Первое — создание семьи, детей. Второе... второе — отбытие наказания в тюрьме... Третье — смерть.

— А работа, служба, беготня, хлопоты, добывание денег, воспитание детей?! Все это, по-вашему, не дело?!

— Повторяю тебе: все, что могут сделать другие без твоего участия, — не дело!

— Что же это такое, по-вашему?

— Ничего. Так, просто, взаимоотношения, сотрудничество людей... Непонятно?

— Нет!

— Так я и знал... — вздохнул Исидор, вставая со стула. Шошиа полез на свою галерку.

— Значит, кроме смерти, ничего больше делать мне уже не осталось? — обиженно проговорил он.

Спустя несколько минут я посмотрел на Шошиа. Бледный, как-то вдруг съежившийся и сникший, он сидел на нарах, словно голодная птичка в клетке, и печальными глазами глядел куда-то вдаль, в знойное августовское марево.

Мне стал жаль его.

— Шошиа, ты чего приуныл? Дядя Исидор пошутил с тобой! Правда ведь, дядя Исидор?

Исидор понял меня и горько улыбнулся.

— Пошутил, конечно, пошутил! — отозвался он.

— Слышишь, Шошиа?

— Спета песня вашего Шошиа! — ответил он, не оборачиваясь ко мне.

— Что мне делать с этим? — спросил меня Тигран, показывая на оставшуюся котлету.

— Съешь!

Тигран подбросил котлету на руке и положил на место...

...Вечером неожиданно распахнулась дверь, и вошел надзиратель. Мы быстро присели на нарах.

Окончание. Начало в № 7.

— Лежите?  
Мы промолчали.

Надзиратель раскрыл журнал, с минуту что-то читал, потом поднял голову и спросил:

— Кто тут староста?  
— Нет у нас старосты! — ответил Девдариани.  
— Почему?

— Был Гоголь. Его увели. Нового мы не выбирали, да и не нуждаемся в нем.

— Как это не нуждаетесь? Порядок есть порядок! — это также было сказано вяло и беззлобно, ради приличия.

— Зачем пятерым нужен староста? — проговорил я.  
— Как твоя фамилия? — спросил надзиратель, заглянув в журнал.  
— **Накашидзе!** — ответил я.

— Вот ты и будешь старостой! — решил надзиратель. — Вы не возражаете? — обратился он к остальным.

— Если это обязательно, если он согласен и если тебе так хочется — мы не возражаем! — ответил Девдариани.

— В таком случае собери простыни и наволочки и шагай за мной. Поменяешь в прачечной!..

Постельное белье нам меняют раз в десять дней. Тогда же мы и моемся. Наши простыни и наволочки — это не белоснежные куски полотна, веселыми парусами развевающиеся на ветру. Тюремные простыни и наволочки шьются из серой, скучной материи, чтобы пачкались не так быстро. Впрочем, десять дней — срок вполне нормальный.

Каждый лишний шаг вне камеры, каждый лишний выход во двор — это для заключенного то же самое, что для вольного тбилисца — заграничная поездка или, по крайней мере, прогулка по проспекту Руставели. Поэтому приказ надзирателя был мною воспринят с большим энтузиазмом.

Надзиратель был тот самый, который раньше водил меня на допрос. Мы молча прошли коридор, спустились по лестнице, вышли во двор и направились к бане. Прачечная находилась рядом с баней, в подвале, оттуда всегда поднимались клубы пара и доносился женский гомон. Сейчас прачечная почему-то молчала.

Мы были уже почти у прачечной, когда из главного корпуса надзиратель вывел заключенного.

Подошли те двое. Надзирателя я узнал — он в прошлый раз разговаривал с моим.

— Привет Арсену! — поздоровался он.

— Привет! — ответил мой.

— Ты что не в духе? — спросил он.

— Отец помирает... — ответил мой.

— Что с ним? — забеспокоился он.

— Умирает...

— А что говорит врач?

— Вышел весь, говорит, износился...

— Сколько ему?

— Восемьдесят шесть.

— Ну, дорогой мой!..

— Отец как-никак...

— Да, конечно...

— А как твой пацан? Выздоровел? — спросил мой.

— Не говори!.. Выздоровел! Такой шалун, сукин сын!.. — Глаза у надзирателя радостно засияли.

— Дай бог ему здоровья!

— Спасибо! Вот вчера, вижу...

— погоди! — прервал его Арсен. — Ступай в прачечную, — обернулся он ко мне, — скажи, что из пятого-десятого, сдай по счету белье, забирай сменное, распишись. Понял?

— Вор? — спросил чужой надзиратель моего.

— Нет. Обвиняется в убийстве. А твой?

— Морфинист.

— Так что ты рассказывал?

— Да! Вчера вечером вижу, бежит он со двора. Левое ухо вспухло и так и горит, так и горит... Спрашиваю...

— Иди, чего ты ждешь? — повернулся ко мне Арсен.

Спустившись по лестнице в подвал, я чуть было не задохнулся от резкого запаха пара, уютного угара и паленой ткани. Освоившись, я ногой толкнул снабженную мощной пружиной дверь, которая тотчас же с громким стуком захлоп-

нулась за мной. Я очутился в тамбуре, дверь из которого вела в большую, полную влажного тумана комнату — прачечную. В противоположной стене прачечной еще одна — открытая — дверь в котельную, где с шипением стыли огромные котлы — видно, стирка уже закончилась...

В правом углу прачечной я увидел большой длинный стол, на котором лежали горы глаженных простынь и наволочек. У стола стояла обнаженная выше пояса красивая, ядреная, краснощекая женщина лет сорока. Черные как смоль пряди волос ниспадали на ее вспотевшее лицо и белые полные плечи. Из натянутого до предела лифа выпирали огромные, упругие груди. Женщина гладила.

Я покачнулся, словно одурманенный, и опустился на длинную скамью. И тут женщина заметила меня. Без тени страха или смущения она уставилась на меня удивленными глазами. Постепенно удивление в ее взгляде уступило место любопытству.

— Я из пятой-десятой, — выдавил я заплетающимся языком, — вот, принес белье... Здесь пять простынь и пять наволочек. Куда их положить?

— Положи там! — женщина оглянулась на дверь. — Ты один?

— Он ждет на дворе, — ответил я и положил белье на скамейку.

— Как тебя звать?

— Заза.

— Иди сюда!

Я вздрогнул, попятился.

— Иди, не бойся!

— Где взять белье?

— Здесь. Иди и возьми!

Я подошел.

— Где же? Я должен расписаться.

— Иди ко мне! — Женщина поставила утюг и протянула мне руки. — Иди, дурачок, пока не поздно! — Голос ее задрожал, грудь покрылась красными пятнами. — Иди, иди ко мне, скорей, скорей!..

Я подошел.

...Словно в сладком, сказочном сне я почувствовал на плечах и шее прикосновение ее трепещущих рук. Потом меня каленым железом обожгли ее горячие влажные губы и пылающая грудь. У меня подкосились колени, я помню лишь, как мы опустились на мокрый пол, как меня обдало жаром и как все вокруг поглотила тьма.

— Не уходи!..

— Нет...

— Ведь ты не уйдешь?..

— Нет!..

Где-то в извилинах моего мозга что-то сомкнулось... Сильный удар тока потряс меня... Теплая истома разлилась по всему телу, наполнив каждую клетку, каждый кусок моей плоти... Я почувствовал приятную прохладу, словно откуда-то подул свежий ветерок, и очнулся.

Она улыбалась и дрожащей рукой вытирала с моего лба холодный пот.

— Как тебя звать? — спросил я.

— Встань, пока он не пришел.

— Как звать тебя?

— Маро.

— За что сидишь?

— Вставай!

— Я принес белье.

— Знаю.

— И где-то должен расписаться?

— Не надо нигде расписываться. Бери вон со стола пять комплектов и уходи. А теперь встань!

Я встал.

— За что тебя арестовали, Маро?

— Мыло украли! — улынулась она.

— Неправда!

— А потом показала милиционеру язык.



- Нет, серьезно!
- Ты кто — заключенный или прокурор?
- Интересно...
- Я ведь не спрашиваю тебя!.. Бери белье и ступай!
- Я тебя больше не увижу?
- Сколько тебе лет?
- Двадцать.
- Оно и видно!
- А .. в городе?
- Ступай! Если захочется, найду тебя!

Она легко поднялась, потянулась. Я подошел к ней и поцеловал в щеку.

Щека была влажной и прохладной...

...Надзиратели мирно беседовали.

— Все? — спросил мой.

— Да! — ответил я.

— Так быстро?

— Да.

— Что с тобой, на тебе лица нет!

— Воздух там спертый!

— Это правда, — согласился он. — Вечно там воняет. Ненавижу ходить туда!.. Ну, пошли! Пока, Гоги! — попрощался он с надзирателем.

— Будь здоров, Арсен!

...Гулоян и Девдариани играли в шахматы. Исидор читал книгу. Шошиа сидел, застывший как мумия, и глядел в потолок.

— Ну что? — спросил меня Девдариани.

— Принес! — Я бросил белье на нары и в изнеможении прилег сам.

— Видел женщин?

— Каких женщин?

— Прачек.

— Нет, они уже ушли.

— Да-а. Однажды мне пришлось пойти за бельем... Хуже нет, как глазеть на полуголых баб! — Девдариани встал.

— Куда ты? Играй! — удивился Тигран.

— Что играть, кретин, через один ход тебе мат! — ответил Девдариани и улегся на нары.

Я и Девдариани лежим рядом. Спит он или нет — трудно понять. Руки подложены под голову, глаза закрыты... А мне опять не спится.

Девдариани спит... Шошиа? Нет, не стоит... Каждый раз после разговора с Шошиа мне хочется плакать, умереть, проклясть человечество!.. Тигран? Тигран — форменный бандит! Каждый его рассказ, о чем бы он ни был, обязательно кончается убийством. И что удивительнее всего: убийство выглядит у него таким простым и обыденным, словно бы речь шла о загородной прогулке... Исидор? О, беседа с Исидором — одно удовольствие! Но он спит, храпит всюю...

Я вздохнул и повернулся к стене. (Проклятая лампочка! Как она действует на нервы! Никак не привыкну к ее тусклому мерцанию!)

— Что с тобой, парень?

Девдариани! Значит, он все же не спит! Слава богу!

— Не спится, Лимон!

— Влюблен?

— Странная у меня натура, Лимон! Стоит увидеть женщину, перекинуться с ней двумя словами, и я уже влюблен!

— Несчастный ты человек!

— Хуже того: скажем, стою я на улице. Кругом — толпа. Идет незнакомая женщина, случайно посмотрит в нашу сторону, и мне уже кажется, что она выбрала именно меня и готова сейчас же выйти за меня замуж или, в крайнем случае, переночевать со мной, если я этого захочу... Ну скажи, разве не дурак я?!

— Ты счастливый человек!

— Почему?

— Потому что чувствуешь свою глупость.

— Вот сегодня... Увидел прачку и влюбился в нее... Так и стоит перед глазами...

— А Нуну разлюбил?

— Нет, но ту люблю более... как тебе сказать... физически!

— Красивая?

— Черт их разберет! Здесь, в тюрьме, все женщины красивы!

— Да, это так...

Наступило молчание... Потом Лимон заговорил — не со мной, а скорее сам с собой.

— А она была по-настоящему красива...

Я затаил дыхание. Понял, что мне сейчас предстоит выслушать исповедь Девдариани, откровенный рассказ о том, что у этого человека накопилось и наболело годами, что, прорвав, наконец, плотину, хлынет неудержимо.

— ...На Майдане жил один рыжий еврей — Ефрем Бабаликашвили, карманщик. Когда-то мы вместе работали на десятом номере трамвая... Потом он стал промышлять золотом. Так вот, однажды этот Бабаликашвили дал мне хорошее дело: Соллолаки, Коджорская улица, бельэтаж, квартира зубного врача... Было это лет десять тому назад, но помню как вчерашний день... Стоял июнь, жара в тени достигала сорока градусов. Весь Тбилиси словно вымело — люди спасались на дачах. А этот врач сидел дома, работал... В субботу, в приемный день, я пошел на дело. Один. С перевязанной щекой... В коридоре — полно народу. «Кто тут крайний?» — спрашиваю. Никто не отвечает. Такой вежливой очереди, как у зубного врача, ты не сыщешь нигде, каждый готов пропустить тебя вперед... Ладно. Присел к себе, молчу. Дождался, пока ушел последний пациент. Стемнело. Вдруг выходит из кабинета шупленький такой человек в белом халате с закатанными рукавами. Зажег в коридоре свет, увидел меня, кивком головы пригласил войти и вернулся в кабинет. Я вошел за ним. Врач молча показал на кресло. Я сел. При виде бормашины, щипцов и прочих живодерских инструментов я содрогнулся. Врач снял мою повязку, большим пальцем правой руки больно нажал мне на подбородок и заставил раскрыть рот.

— Ну-с, какой зуб у вас болит? — спросил он несколько удивленно.

— Никакой! — промычал я и отвел его руку.

— Зачем же вы ко мне пожаловали?

— Как сказать...

— Товарищ, некогда мне с вами шутки шутить! Говорите, что вам нужно! — сказал врач строго и стал снимать халат.

Я встал с кресла и почувствовал, как у меня задрожали колени и отяжелели руки. На таком деле я впервые был один, к тому же оно принимало неожиданной оборот.

— Мне нужны деньги! — выпалил я. — И золото!

— Какие деньги? Какое золото? — ошалел врач.

— Бумажные деньги и червонное золото! — улыбнулся я.

— Да вы с ума сошли! — воскликнул врач с удивительной искренностью. Отступить было поздно. Я распахнул пиджак и достал из-за пояса наган... Врач сперва поблдевел, потом пошатнулся и, чтобы не упасть, опустился в кресло.

— Подайте, пожалуйста, вон тот пузырек, — с трудом проговорил он, показывая пальцем на стеклянный шкафчик.

Я открыл шкафчик, взял пузырек, понюхал его и невольно улыбнулся: это был нашатырь.

— Пожалуйста!

Заметив на моем лице улыбку, врач приободрился. Он понюхал нашатырь и стал торговаться:

— Сколько вы хотите?

— Я пришел не взаймы просить! — ответил я. — Гоните все, и, если можно, побыстрей!

— Я крикну! — пригрозил врач.

— Кричите сколько угодно! Здесь живет зубной врач, который дерет у людей зубы. Так что крик никого не удивит!

— Нет у меня ни денег, ни золота... — простонал он.

Время шло быстро, пора было кончать спектакль. Я взвел курок и направил револьвер на врача. Наган, помимо безотказности, обладает еще и тем преимуществом, что из его открытого барабана на вас с убийственной убедительностью глядят семь пуль. Изумительный эффект! Поэтому я всегда предпочитаю идти на дело с наганом в кармане. Мой расчет оправдался и сейчас: врач сполз с кресла и повалился мне в ноги:

— Нет, нет! Вы не убьете меня!.. На черта нужны мне деньги, золото, серебро, платина!.. Берите!.. Вст деньги!

Он вскочил на ноги, подбежал к шкафу, извлек оттуда пачку сторублевых и бросил ее передо мной. Потом выдвинул ящик и достал несколько слитков золота:

— Вот вам и золото! Берите!

Потом он схватил меня за руку и поволок в другую комнату.

— Вот золотые часы мои, моей дочери, это — ее браслет, серьги, бриллиантовое кольцо, здесь два карата, тридцать тысяч рублей! Возьмите, берите все!



Я ходил за обезумевшим врачом, запихивая в карманы драгоценности. А он, покончив со штатуйками и ящичками, подбежал к буфету, распахнул обе двери и, словно директор комиссионного магазина, стал расхваливать товар:

— Вот хрустальная посуда, берите!.. Чешский хрусталь, фарфор баварский, саксонский, из антикварного магазина! Берите, все берите!..

Мною вдруг овладело отвращение к этому жалкому человечку и к самому себе. Дом, где я сейчас находился, показался грязной, смердящей свалкой, отвратительным, зловонным болотом, которое вот-вот засосет меня. Я поспешно засунул револьвер за пояс, застегнул пиджак и направился к двери. Врач еще нес какую-то околесицу, но я его уже не слушал... И тут случилось то, чему не верит никто из моих дружков, а если и верят, то считают это непростительной глупостью с моей стороны...

В висевшем около двери огромном зеркале я увидел себя и вдруг успокоился. Тебе это может показаться странным, но созерцание в зеркале собственного двойника действует на меня успокаивающе. Я испытал это на себе не раз: разговаривал с моим двойником, спорил с ним, даже дрался! И сейчас из зеркала на меня глядел мужчина, гораздо красивее, сильнее и смелее самого меня. Он как бы коснулся моего лба своей холодной зеркальной рукой, и прикосновение это было умиротворяющим. Я подошел ближе к зеркалу и тут только заметил в верхнем его углу закрепленный в рамке фотоснимок двух девушек. У меня помутилось в глазах! В одной из девушек я узнал собственную сестру — Лейлу!

— Кто эта девушка? — спросил я врача и сам не узнал своего голоса.

— Направо — моя дочь, Динара, а эта — ее университетская подруга Лейла Девдариани.

Я бросил снимок на крышку рояля и стал извлекать из карманов награбленное.

— В чем дело? — оторопел врач.

— У вас никто не был! Никто ничего не брал!

Я разложил на рояле деньги, часы, серьги.

— К вам никто не приходил!

На рояль легли браслет, кольцо.

— Что вы, что вы... — бормотал изумленный врач.

А я продолжал выворачивать карманы пиджака, брюк.

— Это не наше! Это ваш портсигар! — залепетал врач. — Я не курю... И это кольцо не наше, вы его сняли с собственного пальца... И вот платок тоже ваш... И спички ваши...

Я механически рассовал по карманам возвращенные мне вещи и двинулся к двери.

— До свидания! — бросился за мной врач. — Вам нездоровится? Может, дать вам капли?

Не успел я взяться за ручку, как раздался звонок.

Я вздрогнул, быстро огляделся. Выпрыгнуть в окно? Невозможно! Окна в квартире врача, как и на всех почти тбилисских бельэтажах, были с толстыми металлическими решетками.

— Не бойтесь, не бойтесь! — засуетился перепуганный врач. — Это ничего! Вы только не волнуйтесь, ради бога! Я ничего не скажу, клянусь вам!... Это, должно быть, сосед или пациент... Вот увидите, я ничего не скажу!..

Он открыл дверь...

— Вот видите, это моя дочь Динара! — воскликнул врач с неопишуемой радостью.

В белом платье, с черным воротником и черным поясом, с черными браслетами на руках в дверях стоял... улыбающийся ангел!

— Здравствуйте! — сказал ангел.

...Девдариани умолк. Прошла минута, вторая, третья. В камере раздавалось мерное дыхание заключенных. Я с нетерпением ждал продолжения рассказа Девдариани, но он молчал. Может, он думает, что я заснул? Я несколько раз повернулся с бока на бок. Девдариани молчал по-прежнему. Может, заснул он сам? Глупость!.. Так в чем же дело?

— Что же было дальше, Лимон? — не выдержал я.

— ...Тогда я уже не жил дома... — продолжал спустя некоторое время Девдариани. — Не жил уже два года... За эти два года мать трижды предавала меня анафеме в дидубийской церкви... Лейла встречалась со мной тайком, чаще всего — в Ваке<sup>1</sup>, в круглом садике. Придет, бывало, обнимет, расцелует, а потом начнет поносить меня, ругать на чем свет стоит. Кем и чем только она меня не обзывала — вором, бродягой, убийцей собственной матери, змеей, эгоистом, животным, людоедом... А потом прижималась головой к моей груди и долго, долго плакала...

<sup>1</sup> В аке — район в Тбилиси.

Говорила, что она — гадкая девчонка, лишенная самолюбия, иначе не стала бы встречаться со мной, и что стоит матери узнать об этих встречах, она убьет ее. Видишь ли, мне кажется, Лейла воспринимала всю мою историю несколько романтически и даже гордилась мною. Но мать... О, моя мать, урожденная Инал-Ипа, это такая гордячка!.. И все же я догадывался, что наши свидания происходили с ведома матери, и пока я с Лейлой находился в саду, она из какого-нибудь подъезда наблюдала за мной. Я догадывался об этом потому, что Лейла никогда не уходила из сада первой. И еще потому, что Лейла каждый раз приносила мне белый хлеб и холодные котлеты — я их обожал с детства, и мама отлично об этом знала...

Однажды я спросил сестру — почему она не выходит замуж. «Потому, — отвечала она, — что никто из наших парней не смеет даже заговорить со мной. Тебя бояться!..» Да, что и говорить, красивая была моя сестра Лейла... Сейчас она замужем... Трое детей... Но как она ни была красива, а Динара была еще лучше... Девдариани опять надолго умолк.

— Да не мучь ты меня! — взмолился я. — Говори, чем же все это кончилось!

— Кончилось... Кончилось тем, что чары Динары взяли верх, и я пошел домой на день рождения Лейлы, в надежде встретить там ее... Было это 29 августа...

— Потом?

— Я пришел утром. Дверь отворила Лейла и с воплем бросилась в комнату. Потом я целый час валялся в ногах у матери, выпрашивая у нее прощения, обещал исправиться, начать новую жизнь... В общем, нес разные глупости... Потом я глядел на счастливое лицо матери и... Так было до вечера... Вечером пришли гости. Какие, собственно, гости — несколько девчат и парней — товарищи Лейлы. Некоторые из них знали меня и поэтому здоровались со мной то ли испуганно, то ли удивленно... И вдруг появилась она! В том же платье, что и в тот день... Вошла, как богиня, озарив своим сиянием комнату!.. С ней был симпатичный парень в белоснежной сорочке и черном костюме. Динара держала в руках какой-то керамический предмет. Наши взгляды встретились. В ее черных как ночь глазах отразилось изумление, потом неопиcуемый ужас. Она побледнела и с немym вопросом уставилась на Лейлу. А я... я стоял оцепеневший, онемевший, опустошенный...

— Знакомьтесь, это мой брат Како, а это — моя подруга Динара с супругом, — донося до меня голос Лейлы.

Я увидел, как Динара выронила из рук какой-то предмет и как он разлетелся вдребезги у ее ног... Потом она закрыла глаза руками, повернулась и убежала из комнаты...

— Дальше?! — прошептал я.

— Все! Это был конец... Дом опустел. Гости разошлись, почувствовав, что произошло что-то странное, но не поняв — что именно. Об этом знал я один и смутно догадывалась Лейла. Потом мать валялась у меня в ногах, умоляя не уходить из дому или же уйти, предварительно пристрелив ее с Лейлой и спалив дом.

— И ты все же ушел?

— Ушел.

— Скотина ты, Девдариани!

— Знаю... Слабовольнее вора нет человека на земле. Напрасно люди думают, что воры народ сильный, с характером... У нас есть воля, но...

— Что — но?

— Есть там, где она вовсе не нужна! — сказал Девдариани, отворачиваясь к стене.

## ПРОШУ ВСТАТЬ, СУД ИДЕТ!

В зале находился единственный человек, обвиняемый. Председательствующий печально оглядел пустующий зал, кашлянул в кулак и кивком головы пригласил обвиняемого сесть.

Тот сел.

— Суд заранее приносит глубокие извинения уважаемому обществу и обвиняемому за то, что он по весьма серьезным и уважительным, к тому же не зависящим от него обстоятельствам лишен возможности соблюдения всех пунктов процессуального кодекса и, следовательно, полного этикета проведения судебного заседания. — Председательствующий рукавом вытер выступивший на лбу пот. Зал безмолвствовал.

— Сегодня, — продолжал председательствующий, — 12 августа сего года, рассматривается дело по обвинению Исидора Иосифовича Саларидзе в преступлении, предусмотренном 104-й статьей Уголовного кодекса Грузинской ССР.



Председательствующий сел.

— Обвиняемый, встаньте!

Саларидзе встал.

— Фамилия?

— Саларидзе.

— Имя, отчество?

— Исидер Иосифович.

— Возраст?

— Рожден в 6 часов утра 11 мая 1910 года, в городе Хашури. Имею высшее образование. Владею грузинским, русским, французским и немецким языками. По профессии экономист. Работал в статистическом управлении. Жена скончалась в 1960 году. Имею дочь и внучку. Жил на Вашлованской улице № 151. Член партии с 1930 года.

— Были членом партии, — поправил председательствующий.

— Был и есть! — повторил Саларидзе.

Председательствующий не возражал.

— Обвиняемый Саларидзе, получили ли вы обвинительное заключение и когда?

— Получил, в прошлую субботу.

— Обвиняемый Саларидзе, суд — не шатер кочующей гадалки! Уточните дату!

Обвиняемый уставился в потолок и задвигал губами — видно, он отсчитывал назад семь дней от 12 августа.

— Пятого августа!

— Ознакомились ли вы с обвинительным заключением?

— Да, ознакомился.

— Признаете ли себя виновным в предъявленном обвинении?

— Нет!

Ответ был для председательствующего явно неожиданным. Он обвел растерянным взглядом сидевших рядом с ним за длинным столом людей. Те утвердительно кивнули головой. Тогда председательствующий обратился к пустому залу:

— Приступаем к судебному разбирательству. Дело рассматривает Верховный суд в составе:

председателя Накашидзе,

государственного обвинителя Девдариани,

народных заседателей Гулояна и Гоголадзе.

Объявив о составе суда, председатель умолк и долго пристально смотрел на сидевшего на табуретке подсудимого — съездившегося, словно продрогший воробей, старика с припухшими веками и мешками под глазами.

— Подсудимый Саларидзе, у вас нет отвода против состава суда?

— Нет! — привстал Саларидзе.

— Имеете какие-либо претензии?

— Нет!

— При предварительном следствии вы отказались от защиты?

— Так точно!

— Может, желаете, чтобы суд назначил вам защитника?

— Никак нет!

— В таком случае, прошу вас дать суду показания по предъявленному вам обвинению и известным вам обстоятельствам дела!

Председатель оперся локтями о стол, положил голову на скрещенные ладони, закрыл глаза и приготовился слушать.

— Около часу ночи меня разбудил протяжный звонок в дверь, — начал Саларидзе. — Я понял — вернулся зять. Дочь, видимо, спала, звонок звонил не переставая. Наконец дверь открылась. Зять вошел, что-то напевая.

— Спишь? Не ждешь меня? — рывкнул он вызывающе и швырнул что-то на пол.

— Не шуми, ради бога, люди спят. Поздно уже, ложись и засни! — спокойно ответила дочь.

— Люди? Какие люди? Ах, твой папаша-экономист, да?

— И ребенок спит.

— Ребенок мой! Хочу разбуджу, хочу — нет!

Зять стал расхаживать в прихожей. Я понял — он был выпивший. Потом они ушли к себе в комнату. Я слышал громкие голоса, хотя слов не разбирал. Дочь о чем-то просила, уговаривала его, а он все более распалялся, бушевал, ломал что-то. Несколько раз раздавал жалобный женский крик, потом заплакал ребенок. Не было сомнения — он избивал мою дочь!.. Я не мог больше терпеть. Встал, зажег свет и вошел в комнату дочери и зятя. Дочь сидела на кро-

вати, утирая одной рукой сочившуюся из разбитой губы кровь и другой успокаивая ребенка.

— Убью вас, неблагодарные, мать вашу!.. — заорал зять. — Убирайся отсюда! Убирайся, старый хрыч, мать твою!..

Тогда я дал ему пощечину. Сперва он оторопел от неожиданности, потом ударил меня. Удар был сильный — я упал на пол. Дочь с криком бросилась ко мне.

— Скотина! Зверь! — рыдала она, приводя меня в чувство.

— Дедушка-а-а! — редела внучка.

Я кое-как поднялся, пошатываясь, вошел в свою комнату, снял со стены охотничье ружье двенадцатого калибра и вернулся. При виде ружья зять вздрогнул.

— Уходи из моего дома! — сказал я.

— Брось ружье! — крикнул он.

— Убирайся из моего дома! — повторил я.

— Брось ружье, старый идиот! — заорал он и двинулся ко мне.

У народного заседателя Гулояна от волнения взбухли жилы на шее и лбу, он порывисто встал. Государственный обвинитель Девдариани насилу усадил его. Председатель грыз ногти.

— Я приставил ружье к его животу и взвел оба курка, — продолжал подсудимый. — Он схватил дуло и стал вырывать ружье из моих рук. Я спустил курки... Выстрелов я не слышал. Я увидел лишь, как упала без чувств моя дочь и как хлынула кровь изо рта зятя. И увидел еще обезумевшие глаза внучки... Все происходящее мне казалось сном — и не было в тот миг человека на свете, кто бы сумел убедить меня в обратном.

— Почему? — спросил председатель.

— Дело в том, что ружье не было заряжено! — подсудимый вздохнул глубоко и с облегчением, словно кто-то снял с его плеч непосильную ношу.

Изумленный суд молчал.

— Как же это? — прошептал наконец председатель.

— Ружье не было заряжено! Два дня тому назад я собственными руками чистил его! Ружье не было заряжено! — твердо произнес подсудимый.

— Кто же его зарядил?

— Мой зять.

— Кто вам это сказал?

— Он сам. Перед смертью, лежа на моих руках, он сказал мне об этом глазами... Я понял. Никто другой не понял бы, но я понял!..

— Кто может подтвердить ваши слова?

— Никто!

— Дальше?

— Дальше все происходило без моего участия... Я ничего больше не знаю.

— У вас есть что добавить к сказанному?

— Ничего.

— Подумайте!

— Мне нечего добавить к сказанному.

Председатель пожал плечами и взглянул на государственного обвинителя. Тот также недоуменно развел руками.

— Может, вспомните какую-либо деталь? — настаивал председатель.

— Какую деталь? — не понял подсудимый.

— Деталь, обстоятельство, оправдывающее вас!

— Нет таких обстоятельств...

— В таком случае, — обратился председатель к пустому залу, — позвольте передать слово государственному обвинителю, старшему советнику юстиции, прокурору Девдариани. Прошу! — Председатель сел и приготовился слушать. Прокурор приступил к вопросу подсудимого.

— Подсудимый Саларидзе! Вы полагали, что ружье не заряжено? Так?

— Так точно.

— Объясните, зачем же, в таком случае, вам оно понадобилось?

— Для устрашения зятя.

— Вы уверены, что могли незаряженным ружьем напугать зятя?

— Нет, пустым ружьем его нельзя было напугать!

— И все же вынесли ружье?

— Он должен был подумать, что ружье заряжено.

— Какое это для вас имело значение? Вы-то знали, что это не так?

— Я был уверен, что он испугается и попросит прощения.

— Но этого не случилось?

— Нет.

— А если б он извинился, вы простили бы ему оскорбление дочери и ваше?

— Простил бы в том случае, если б увидел его на коленях! — ответил Саларидзе после продолжительного молчания.

— Саларидзе! Ваш зять не испугался ружья. Он пошел на вас, ли отсюда, что он был уверен в безопасности ружья, то есть знал, что ружье не заряжено?

— Так точно!

— Зачем же вы взвели курки? С какой целью? Ведь вы оба знали, были уверены, что ружье не выстрелит?

— Я... Я предпринял последнюю попытку...

— Саларидзе! Зять знал, что ружье для него не представляет никакой опасности... Оно не заряжено... Почему же он потребовал бросить его?

— Не знаю...

— Спуская курки, вы были уверены, что ружье не выстрелит?

— Безусловно!

— Зачем же вы спустили курки?

— Механически...

— Итак, вы знали, что выстрела не последует. Что же вы намеревались предпринять дальше?

— Не знаю...

— Зять мог отнять у вас ружье? Как вы думаете?

— Да.

— Саларидзе! Допустим, ружье было заряжено. Спустили бы вы курки? Повторяю вопрос: если б вы знали, что в стволах ружья лежат патроны... Прозвезли бы вы в таком случае выстрел?

Саларидзе попросил воды. Отпив глоток и обливав пересохшие губы, он отрицательно покачал головой, но произнес:

— Не знаю...

— Саларидзе! Думали ли вы раньше, до этого случая, что вы способны убить?

— По-моему, нет человека, кто бы не задумывался над этим!

— И к какому вы приходили выводу?

— Вывод не имеет значения, а факт — налицо: мой зять мертв!

— Нас интересует — это было умышленное или неумышленное убийство, — проговорил про себя прокурор, а затем продолжал громко: — Саларидзе! Еще один вопрос: пользовался ваш зять ружьем?

— Да, пользовался.

— Не предупредил ли он вас в последнюю минуту, в самую последнюю секунду, что ружье — заряжено?

— Нет! Нет! — воскликнул Саларидзе. — Это он сказал потом, сказал глазами, понимаете вы?! Он умирал у меня на руках и сказал об этом мне, только мне! Мне сказали правду его глаза!

Саларидзе закрыл лицо руками и застыл...

— Уважаемый председатель! У меня больше вопросов нет.

— Нет ли вопросов у уважаемых заседателей? — спросил председатель. Гуляян отрицательно покачал головой, Гоголадзе утвердительно кивнул.

— Пожалуйста, прошу вас!

— Подсудимый Саларидзе! Возвращался ли домой до того дня ваш зять в пьяном виде и в позднее время?

— Да, такие случаи бывали.

— Вы в своем показании произнесли такие слова: «Не было сомнения — он избивал мою дочь!» Не хотели ли вы сказать этим, что ваш зять бил жену и до этого случая?

— Не знаю... Насчет избияния — не знаю... Но за последнее время он часто пил, буянил, кричал и вообще, будучи пьяным, вел себя отвратительно!

— Уточните: часто пил, буянил или бил?

— Я уточню: пил, буянил, вел себя по-хамски! Что здесь непонятного!

— Подсудимый Саларидзе! Вы напрасно нервничаете! Мы хотим установить облегчающие вашу вину обстоятельства, поэтому не обижайтесь, если мы задаем вопросы даже незначительные! Все здесь делается в вашу пользу! — объяснил Гоголадзе.

— Благодарю вас! — ответил раздраженно Саларидзе.

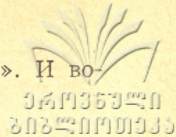
— Вот именно, вы должны быть благодарны нам! А теперь скажите, что значит: «за последнее время»?

— Не понял вас!

— Вы заявили: «За последнее время он часто пил...». Что вы подразумеваете под выражением «последнее время»: год, два года, позавчера, вчера?

— Год, примерно год...

— А что с вашим зятем произошло год назад? Почему он вдруг стал пить?



— Не знаю!  
— В своих показаниях вы сказали «комната моей дочери и зятя». И вообще, вы называете сперва дочь, а потом зятя.  
— Да, это так.  
— Почему?  
— Потому, что дочь — моя дочь и комната — дочери, а он перебрался к нам после ее замужества!  
— Так. Понятно.  
— Что значит — понятно? — взорвался Саларидзе. — А как, по-вашему, я должен называть комнату в моем доме — «комнатой зятя»?! Это, по-вашему, было бы правильнее?!

— Было бы правильнее назвать так: «их комната».

Саларидзе вздохнул.  
— Еще вопрос. Вы сказали государственному обвинителю, что крикнули зятю: «Убирайся из моего дома!». Так?

— Так!  
— Тем самым вы намекнули своему зятю, что он живет не в собственном, а в чужом, то есть в вашем доме?  
— Это он знал и без моих намеков!  
— Значит, в чужом доме, да?  
— Пока я жив, мой дом будет называться моим домом! А после моей смерти... — Саларидзе вдруг осекся, поняв, что сказал нечто глупое и ненужное. А заседатель, не дав ему опомниться, продолжал с видом победителя:  
— А не кажется ли вам, Саларидзе, что такая ваша позиция послужила причиной пьянства и хамского, как вы говорите, поведения вашего зятя?

— Нет, не кажется! — ответил упрямо Саларидзе.  
— Что же, в таком случае? Может, друзья?  
— Нет!  
— Может, он завел любовницу?  
— Нет!  
— Перестал заботиться о семье?  
— Нет.  
— Что же тогда, что?  
— Деньги!  
— Что? — Лицо Гоголадзе перекопилось от удивления.  
— Деньги!  
— Ничего не понимаю...

— Год тому назад мой зять был отличным парнем, тише воды, ниже травы... Однажды он вернулся домой навеселе, стал посередине комнаты с каким-то смущенным, но гордым, самодовольным выражением лица и небрежно бросил на стол пачку двадцатипятирублевых ассигнаций.

— Что это? — спросила дочь.  
— Моя доля! — ответил зять. Дочь унесла деньги в свою комнату.  
— Откуда это? — спросил я. — «Из тигриного зада!» — Так он ответил мне, уважаемый народный заседатель! — обернулся Саларидзе к Гоголадзе. Тот промолчал. — Вот с того дня и началось... Спустя неделю он заметил, что за обедом не было хашламы...<sup>1</sup> Потом он как-то заявил, что плевал на такую семью, где в подвале не сыщется хотя бы тонна вина, дюжина ящиков «Боржоми», две дюжины пльзенского пива да сотня сушеной воблы. В следующий раз, когда он опять принес деньги и опять я спросил — откуда они, он по-прежнему сказал про тигриный зад и добавил, что я только порчу свое место на работе и что вообще мое поколение не умеет жить..

— Минуточку! — прервал подсудимого председатель. — Спрашивала ли ваша дочь у мужа — где и как он добывает деньги?

— К несчастью, об этом жены не спрашивают мужей!  
— Дальше? — спросил председатель.  
— Я предупредил его, что в один прекрасный день его арестуют и спросят за все, что лучше ему следовать моему примеру и жить честно, чтобы, по крайней мере, спокойно спать. Он на это громко рассмеялся мне в лицо.

— Почему так?  
— «Давление 180 на 100, острая стенокардия, накопление солей, бронхиальная астма, эмфизема! Я и твоя дочь с минуты на минуту ждем твоего конца! И это ты называешь спокойным сном?» — вот как он ответил мне... Однажды он вдруг обнаружил, что у моей дочери, оказывается, низкая талия, редкие зубы и несимпатичный нос, что она, наподобие многих женщин, сплетница

<sup>1</sup> Х а ш л а м а — мясное блюдо.

и провинциалка и что читает она ночи напролет лишь для того, чтобы произвести в обществе впечатление умной, начитанной женщины... Ни я, ни моя дочь ни разу не напомнили ему, что в наш дом он явился в залатанных ботинках, в старых туфлях и перелицованном пиджаке и что на работу, откуда он сейчас таскал эти проклятые деньги, он пошел в моих брюках...

— У людей плохая память! — вставил председатель.

— Наоборот, память у людей настолько хороша, что они не забывают забыть все, абсолютно все!

— Оглядываться никто не любит. Люди боятся, как бы, оглянувшись, не провалиться в яму, — произнес прокурор.

— Поэтому, прежде чем оглянуться, следует остановиться! Нельзя оглядываться и бежать вперед одновременно! Тем более если впереди — яма, колодец, пропасть... Понятно? — спросил подсудимый.

— Подсудимый Саларидзе! Вопросы здесь задаем мы! — напомнил председатель и сам же смутился.

— О да, извиняюсь! — спохватился Саларидзе.

— Продолжайте!

Подсудимый задумался, припоминая, на чем он остановился, потом продолжал:

— Однажды он с сожалением констатировал, что моя дочь похожа на меня... Он деградировал с катастрофической быстротой... Приносил домой уйм-продуктов, одежды, обуви. Только за полгода купил жене три шубы, десяток сапог, сапожек и туфель, две дюжины платяев, дорогие кольца, браслеты... Все это он приносил пьяный и швырял на пол. Я забеспокоился не на шутку. А когда однажды испугалась и моя дочь, она и была избита впервые... Как-то ночью он изрезал все шубы и платяя жены, изрубил все ее сапоги и туфли и ушел из дому... Спустя месяц вернулся с товарищами, плача и извиняясь, и принес крупную сумму денег... Дочь моя тайла на глазах... Она стала избегать меня, а когда мы встречались, старалась казаться счастливой и беззаботной. В такие минуты мне хотелось плакать, хотелось умереть, потому что она была похожа на сумасшедшего, свикшегося со своим недугом и довольного своей судьбой... Это повторилось дважды — дважды он избивал ее... Я отсиживался в своей комнате — униженный, униженный, оскорбленный, поруганный, с оплеванной душой... Я не отпускал от себя внучку, старался оградить ее от страшной драмы, происходившей в нашем доме, но это было бесполезно... Ребеноч понимал все, понимал больше, чем я, ибо он хотел знать все, что творилось там, в комнате его матери и отца... Так длилось до того дня... В тот день он избил ее в третий и последний раз... Все кончилось... Больше я ничего не знаю... — Подсудимый сел и не вставал до тех пор, пока ему не было предоставлено последнее слово.

— Не желают ли уважаемый государственный обвинитель или уважаемые заседатели дополнить судебное разбирательство? — спросил председатель, не поднимая головы.

— Нет!

— Нет!

— Нет!

— В таком случае позвольте считать следствие законченным и предоставить слово государственному обвинителю. Прошу! — обратился председатель к Девдариани.

Девдариани встал.

— Уважаемые товарищи! Уважаемый председатель суда! Уважаемые народные заседатели!

В незапамятные времена, когда люди находились на стадии каннибальства, убийство человека человеком имело в глазах общества какое-то оправдание. Но теперь, когда мы не едим человечину, подобное деяние мне представляется совершенно непростительным и неоправданным грехом. На нынешней высокой ступени цивилизации, когда созданы комитеты и общества защиты прав не только человека, но и собак, кошек, мышей, рыб, птиц и даже, представьте себе, пресмыкающихся, — убийцу человека с полным правом можно назвать каннибалом — людоедом! В преисторическую эпоху было известно не более трех способов убийства — кулак, дубина, камень. Затем, с развитием цивилизации, происходила фантастическая эволюция и модернизация этих способов. Все — начиная с патефонной иголки и кончая водородной бомбой — стало служить этому, можно подумать, неотложному и срочному делу — убийству человека! На сегодняшний день существуют столько способов убийства, сколько и людей на этой грешной земле, и среди них поистине парадоксальный способ, ставший предметом настоящего заседания, а именно — убийство с помощью незаряженного ружья! — Прокурор обвел взглядом пустой зал, словно желая уловить реакцию присутствующих, но, встретив лишь удивленные глаза подсудимого, опустил голову и

продолжал: — Было бы наивно надеяться, что электрический стул, виселица и пуля способны положить конец убийствам. Убийство — это такая категория насилия, против которой бессильна сама смерть! Что же касается случайного, неумышленного убийства, то оно также неизбежно и вечно, как и естественная смерть. Поэтому мне кажется, что в отношении неумышленного, случайного убийцы общество должно ограничиваться порицанием, осуждением и другими аналогичными мерами нравственного воздействия. Но... Увы! Не исключено, что человек научится выдавать умышленное убийство за убийство неумышленное! И этим не преминут воспользоваться, злоупотребить профессиональными убийцами! Это страшно!..

Я не берусь утверждать, что рассмотренный сегодня факт убийства — беспрецедентен, но он довольно оригинален, ибо создает достаточно убедительную иллюзию неумышленного, случайного убийства. Преподанная нам сегодня форма убийства настолько своеобразна, что она даже не вмещается в формулу неумышленного убийства. Между тем этот случай более опасен, чем признанное преступником умышленное убийство. Почему? — спросите вы. Потому, что при рассмотрении дела об умышленном убийстве коэффициент возможности вынесения несправедливого приговора почти сведен к нулю. Из ста приговоров же, вынесенных по делам о неумышленных убийствах, пятьдесят являются спорными, и они могут оказаться для осужденного несправедливыми, пагубными и роковыми... Причем не только для осужденного — допущенная ошибка может оказаться роковой и для общества...

Как же следует поступить в таком случае?

Каким должен быть выбор?

Кому должно быть отдано предпочтение — обществу или личности?

Взгляд на историю человечества не даст определенного ответа, ибо баланс примерно одинаковый. История знает много примеров того, когда в жертву интересам общества принесли многие великие личности, гениальные умы, выдающиеся таланты. И наоборот — известно много случаев, когда по прихоти и по глупости, в угоду желаниям и страстям личностей погибали города и страны, народы и цивилизации... Трудно сделать выбор... Я лично ненавижу убийцу хотя бы потому, что он пользуется преимуществом — может убивать, а я не могу! Я ненавижу всякое кровавое насилие, я считаю величайшим преступлением насильственное лишение человека дарованной богом жизни, не только жизни, — даже одного дня! И эта ненависть во мне настолько сильна, что я все же делаю один-единственный выбор: я, Какое Девдариани, как гражданин и как государственный обвинитель требую — признать подсудимого Саларидзе виновным в предъявленном обвинении и присудить его к высшей мере наказания, предусмотренной 104-й статьей Уголовного кодекса Грузинской ССР, — к расстрелу.

Прокурор закончил свою речь. Он сел, заметно побледневший и долго не мог закурить — руки у него дрожали. Не менее взволнованный председатель растерянно взирал на заседателей. Гулоян нервно грыз ногти, Гоголадзе, раскрыв от удивления рот, испуганно смотрел на Девдариани. И лишь сам подсудимый не проявлял никакого волнения. Закрыв глаза и опустив голову, он медленно раскачивался на стуле и, предавшись своим думам, казалось, совершенно не интересовался происходящим.

— Саларидзе! — обратился к нему председатель.

Тот не откликнулся.

— Саларидзе! — повторил председатель громче.

Саларидзе поднял голову.

— Подсудимый Саларидзе, вам предоставляется последнее слово!

Саларидзе с минуту смотрел на председателя отсутствующим взглядом, затем кивнул головой и встал.

— У меня нет последнего слова! — Голос его звучал глухо. — У меня есть лишь одна просьба. Пять месяцев тому назад в доме № 151 по Вашлованской улице я оставил двух рыдавших над гробом людей — свою дочь Нателу и внучку Мэгги. Я заклинаю вас, ребята, именем ваших матерей, заклинаю всем святым для вас на свете, если вам когда-нибудь суждено выйти отсюда, присмотрите за ними!.. Больше мне нечего сказать...

Он снова сел, закрыл глаза и стал медленно раскачиваться на стуле, забыв обо всем происходящем вокруг.

Председатель протер глаза, проглотил подступивший к горлу комок, встал и объявил:

— Суд направляется для вынесения приговора!

— Подожди, Накашидзе! — вскочил Гулоян. — Подожди! Не будет никакого приговора! — Он вдруг обернулся к Девдариани: — Ты что это натворил, Лимон?! Значит, нет на свете ни справедливости, ни сострадания?! Где твое сердце, Лимон? Где твоя человечность?! Что ты наделал, Лимон!



— Тигран, ведь это все спектакль, игра, представление! — возразил смущенный Девдариани.

— Какой спектакль? Какая игра?! Что же ты тогда называешь настоящим судом?! Ведь ты на наших глазах убил человека! Посмотри, посмотри на него!

— Кончай базар, Тигран! Хватит тебе! — прикрикнул на Гулояна Девдариани.

— Нет! Не будет приговора! — заявил твердо Гулоян. Потом он подошел к Саларидзе, присел перед ним на корточки и взволнованно заговорил: — Ты не бойся, дядя Исидор! Ничего с тобой не случится! Ты не обращай внимания на Лимона! Лимон — сумасшедший! Не сойдет же с ума и суд?! Не бойся! А нет, так я возьму на себя убийство твоего мерзавца-зятя! Я буду отвечать! Мне-то все равно — что за одного, что за двух! Слышишь, дядя Исидор? Ты так и скажи на суде, что его убил я, Тигран Гулоян! — растроганный, заплаканный Тигран словно ребенка уговаривал и успокаивал Исидора, тот нежно гладил его по голове и тоже плакал. И вместе с ними плакали председатель суда Накашидзе, государственный обвинитель Девдариани и народный заседатель Гоголадзе...

— Встаньте! Проснитесь! Вставайте! — услышал я сквозь сон чей-то голос.

— Накашидзе, вставай! Девдариани, Гулоян, Гоголадзе, вставайте! — настойчиво повторял голос. Я понял, что это не сон, и быстро присел на нарах. Проснулись и остальные.

Посередине камеры, в одном белье, словно видение, стоял Исидор.

— Проснулись? — спросил он

— В чем дело, дядя Исидор? — спросил в недоумении я.

Исидор опустил голову и молчал минут пять, показавшихся мне пятью часами. Меня объял ужас. Оцепеневшие, побледневшие, стояли остальные. Никто не осмеливался нарушить это жуткое, потрясающее молчание. Наконец Исидор выпрямился и изменившимся до неузнаваемости, чистым, спокойным, проникновенным голосом начал:

— Со дня сотворения мира флаг был белым... Белый — благороднейший цвет на земле, и белый флаг — флаг благороднейшего цвета... Своей белизной, своей чистотой флаг олицетворял мир, любовь, братство и милосердие... На протяжении многих веков белые флаги ждут своего часа... Как белые снежные вершины, белые флаги должны возвышаться над миром... Огромный белый флаг должен развеваться на вершине Джомолунгмы символом всеобщего мира, любви и добра... Один огромный белый флаг!.. А теперь, — добавил Исидор после небольшой паузы, — ложитесь и засните, друзья мои!

Разинув рты, мы молча смотрели на Исидора. А он, кивнув то ли одобрительно, то ли недовольно головой, повернулся, пошел к нарам и лег...

...Я долго не мог сомкнуть глаз. Потом забылся мертвым, без сновидений сном.

Утром нас разбудили громкие вопли Шошиа:

-- Эй, вы! Вставайте! Смотрите!

Мы повскакали, словно сумасшедшие.

Исидор лежал на нарах с удивительно спокойным, белым как полотно лицом, с широко раскинутыми руками. Вены на обоих его запястьях были вскрыты. Бритва Тиграна лежала у него под правой рукой, а на полу чернела лужа крови.

Меня прошиб холодный пот...

— Это мы виноваты! — сказал Шошиа.

— Нет, это виноват я! — сказал Тигран.

— На его месте я поступил бы так же! — сказал Девдариани. Потом он подошел к двери и с остревенением забарабанил в нее кулаками.

## НЕ УЛЕТАЙ, ШОШИА!

Три дня Тиграна Гулояна водили на суд. На четвертое утро он попросил Шошиа:

— Шошиа, чует мое сердце, вижу вас в последний раз... Будь другом, спой песни Саят-Новы...

Шошиа закрыл глаза и запел. Как он пел, этот бродяга! Казалось, заплачут даже каменные стены тюрьмы!..

Вечером Тигран в камеру не вернулся. Пришел надзиратель и забрал его вещи. Мы поняли, что суд закончился. Что стало с Тиграном, сколько ему присудили, куда послали — узнать не удалось. Ночью Девдариани перестукивался с камерой осужденных — безрезультатно.

Утром увели на суд Девдариани, и больше мы его тоже не видели.  
В камере остались я и Шошиа.



Терпение у Шошиа почти иссякло, нервы у Шошиа почти оборвались, поэтому, наверно, он сегодня распахнул тайники своего сердца и дал мне заглянуть туда...

...Отец Шошиа — Климентий Глахунович Гоголадзе ранним утром 13 января 1925 года погиб в городе Самтредиа, в день рождения его единственного сына — Шошиа. Когда повивальная бабка сообщила старшему Гоголадзе о появлении на свет его первенца, обезумевший от радости отец бросился в комнату и снял со стены бездействовавшую годами кремневку... Ружье вдруг разорвалось, разнесся в куски череп Климентия Гоголадзе...

Спустя ровно год мать Шошиа — Мариа, усадив за стол собравшихся на поминки родственников и соседей, тихо вышла на балкон, заперла дверь снаружи и, облив дом керосином, подожгла его. Перегуганным поминальщикам с трудом удалось спастись через окна. В тот же день родственники отца забрали Шошиа в Тбилиси, а лишившуюся рассудка Мариам отправили в психиатрическую больницу...

В высшем учебном заведении Шошиа не учился. Не потому, что он был ленивым или глупым. Нет, Шошиа был сиротой. И, кроме того, там, где он работал, никто с него не требовал высшего образования. Главное, надо было уметь считать, и Шошиа научился отлично считать — до десяти, до ста, до тысячи, до миллиона и дальше...

Шошиа некрасив. Разве можно назвать красивым мужчину, похожего на скворца? Если б Шошиа был скворцом, он, безусловно, слыл бы за красивого скворца. Но с тех пор, как Шошиа научился считать до миллиона и дальше, он и похорошел, и поумнел. Он окончил два высших учебных заведения. Он женился на красавице, и дети у него родились писанные красавцы. Он обзавелся автомобилем, дачей, а потом и любовницей — Сирам.

Что же произошло?

Шошиа нашел волшебный камень?

Нет. Шошиа поймал золотую рыбку! «Отпусти меня, — взмолилась золотая рыбка, — и я выполню все твои желания!» «Нет, — ответил недоверчивый Шошиа, — сперва выполни мои желания, потом я отпущу тебя!» «Хорошо, — ответила золотая рыбка, — выкладывай свои желания!» И пошло, и пошло!.. Желаниям Шошиа не было предела. Начав, он не смог остановиться... Желания следовали одно за другим. Шошиа забыл про золотую рыбку. А она возьми и сдохни в один прекрасный день!

Теперь у Шошиа одно лишь желание. Одно главное желание. Все остальные вытекают из этого главного желания. Родилось оно давно — когда Шошиа лежал навзничь на нарах и наблюдал, как паук на своей паутине спускался с потолка... Вот тогда и захотелось Шошиа превратиться в паука. Хотя бы на час! Но потом он передумал. Во-первых, час — это мало. Ведь надо по паутинке спуститься с пятого этажа, пересечь двор, войти в административный корпус. Там вечно толкается народ, чего доброго, кто-то наступит ногой, раздавит паука... Поэтому придется ползти по стенам, добраться до ворот... Нет, одного часа не хватит, понадобится не менее двух часов!.. Во-вторых, не вечно же ему оставаться пауком? Что за жизнь паучья? Вот если бы превратиться в скворца! Расправил бы тогда Шошиа крылья и полетел бы куда душе угодно!.. И если даже придется всю жизнь оставаться скворцом — ничего страшного! Пусть он будет скворцом! Будет по несколько раз в день прилетать домой, любоваться детьми... А вдруг его убьют?! Очень просто! Пальнет кто-нибудь из ружья или, чего доброго, свои же дети уюкошат из рогатки! Да нет, глупости это! Где это видано, чтобы убивали скворцов! Наоборот, им строят скворечники, их кормят... А впрочем, к черту пауков и скворцов! Шошиа хочет быть человеком! Человеком! Дайте, дайте Шошиа волю, выпустите его отсюда, и он начнет новую жизнь! Шошиа переменит имя, фамилию, Шошиа родится заново!..

Увы! Для того чтобы родиться заново, человек прежде должен умереть... Увы! Шошиа не знает этого...

С добрым утром, мой Тбилиси дорогой!  
Хочешь звать — откуда плач и ропот мой?  
Подружился горемыка я с тюрьмой..  
Бедной пташке дайте, люди, крылья!..  
Бьет, гудит сионский колокол свягой,  
Простираю руки я к нему с мольбой!..  
Предан был я другом верным — не судьбой!..  
Бедной пташке дайте, люди, крылья!..  
Мтквари-матушка, великая река!

Глупо угодил я в сети рыбака!  
Пожалей же ты беднягу-бедняка!  
Бедной пташке дайте, люди, крылья!..  
Путь окончен мой, могилу вижу я,  
Тяжкий грех я уношу с собой, друзья!  
День и ночь я проклинаю сам себя..  
Бедной пташке дайте, люди, крылья!..



Сидит Шошиа на своей галерке и поет. Шошиа мечтает о крыльях. Но где их взять, крылья? В наши дни крыльев нет у самих ангелов, кто же их даст Шошиа? Знает, знает об этом Шошиа, и все же он поет... Если бы сейчас здесь был Тигран, он наверняка придрался бы к Шошиа, что эти стихи принадлежат Иэтим Гурджи! Шошиа и об этом хорошо известно. Но он все же поет, потому что Иэтим Гурджи плакал о своем, а Шошиа плачет о своем...

— Шошиа, будь человеком, перестань ныть и плакать, спой или расскажи что-нибудь веселое! — прошу я

— До ареста у меня было одно место на Майдане... Из грузин лишь я да еще несколько человек знали о нем... Раньше я не стал бы рассказывать тебе, теперь же нет смысла скрывать... Так вот, выйдешь отсюда, сходи обязательно! Назови мое имя — откроют в любое время дня и ночи...

— Да кто меня отсюда выпустит, Шошиа?

— Тебя выпустят!

— Почему ты так думаешь?

— Потому, что нет на свете тяжелее греха, чем держать в тюрьме невинного человека!

— Я не первый, не последний, Шошиа!

— Это верно. Половина всех заключенных мира сидит без вины... По крайней мере, попались они случайно... А тебя, вот увидишь, отпустят не сегодня, так завтра! — заверил меня Шошиа таким тоном, словно решение о моем освобождении лежало у него в кармане и он скрывал его лишь из боязни остаться в камере в одиночестве.

— Твоими бы устами мед пить! — обрадовался я.

— Так вот, про Майдан... Было у меня там одно место... Около Пестрых бань, если идти отсюда — по левой стороне. Одноэтажный дом, деревянные ворота выкрашены в голубой цвет. Внутри — крохотный дворик... Хозяина зовут Азиз. Запомни: Азиз, татарин... Выйдешь отсюда, сходи к нему и попей чаю. Учти только, чай у Азиза чуть дороже того, что подают в чайной напротив университета. Понял?

— Понял...

— В той комнате — пять маленьких столиков. Каждый столик — на двоих... Над каждым столиком висит клетка с канарейкой. Пять клеток... И каждая канарейка берет не меньше пяти октав, а то и больше. Цена такой канарейки от 150 до 200 рублей... Ты, наверно, слышал — соловей в году поет три месяца, начиная с мая. А канарейка поет круглый год! Теперь представь себе эту комнату. Полумрак... Воздух напоен ароматом чая, восточных пряностей и сигаретного дыма... В комнате тепло... Поют канарейки... Чай, канарейки и... любовь... А? Представляешь себе? Это был рай... Уходя, я оставлял Азизу, только Азизу сто рублей... Не вздумай только спрашивать — откуда да каким образом я доставал деньги... Доставал! Ведь терпят верующие? Терпят, мучаются, а почему? Чтобы после смерти попасть в рай! И я терпел, мучился, из кожи лез вон, чтобы попасть в этот рай... Ну, ладно... Канарейки, знаешь, они до того привыкают к клетке, если выпустить — умрут! Потому что не в состоянии прокормить себя. Если даже найдется канарейка, способная найти себе корм, все равно она погибнет — сожрет кошку. А почему, знаешь? Потому, что поющая канарейка забывает обо всем на свете. Она поет, закрыв глаза, не замечая ничего вокруг себя. И кошка легко подбегает к ней... Одним словом, канарейка и клетка — неотделимы. Но и в клетке канарейки умирают. Азиз жаловался мне, что его канарейки умирали через два-три месяца — не выдерживали табачного дыма и сперттого воздуха. Ты слышишь? Канарейки умирают в рай! А ты хочешь, чтобы я жил здесь да еще рассказывал тебе веселые истории? Нет, не получится, дорогой Заза!

— Что с тобой говорить, Шошиа, у тебя мозги набекрень!

— Кто же их должен выправить?

— Кто — не скажу, но тот, кто возьмется за эту операцию, должен иметь очень чистые руки. Знаешь, ведь, мозги — вещь нежная...

— Да не такой уж я безнадежный больной, Заза! Вот если случится чудо и меня простят...

<sup>1</sup> Иэтим Гурджи — популярный тбилисский ашуг.



— Простят?  
 — Ну, не простят, конечно, но... Если дадут мне мало...  
 — Сколько, например, Шошиа?  
 — Скажем, пятнадцать... Нет, пятнадцать — это много!.. Десять, девять  
 семь... Пять! — Шошиа взглянул на меня глазами побитой собаки. Я ответ  
 взгляд.

— Ладно, дали тебе гять лет... Что ты сделаешь?  
 — Как только вернусь, повидаю детей!  
 — Потом?  
 — Потом... Прогоню жену!  
 — Потом?  
 — Потом приду к Сиран и скажу: «Сиран, дорогая моя, пойдем ко мне?» —  
 Шошиа, точно поющая канарейка, закрыл глаза... Я громко рассмеялся.

— Ты чего?! — вздрогнул Шошиа.  
 — Знаешь, Шошиа, ты со своей Сиран напоминаешь анекдот про того су-  
 масшедшего, который бил окна...

— Какого сумасшедшего?  
 — О, это старый анекдот...  
 — Расскажи, для меня все анекдоты — новые! — попросил Шошиа.

— Ходил по Тбилиси один сумасшедший и бил стекла в окнах... Одевался  
 он чисто, был вежлив и добр, не попрошайничал. Вот только ходил и бил стекла.

— Как это — бил стекла? А куда смотрела милиция? — удивился Шошиа.  
 — Дай же рассказать!

— Ну, чу!  
 — Милиция его ловила, отводила в дом умалишенных. Держали его там  
 неделю, потом, видя, что он — человек вполне нормальный, брали с него рас-  
 писку и освобождали...

— Дальше?  
 — Дальше повторялось все сначала. Каждый день он разбивал не меньше  
 пятнадцати стекол. Только бил с умом — менял кварталы. В старых-то его уже  
 знали...

— Ты смотри! Как же он их бил, эти стекла?  
 — Стрелял из рогатки!

— Ва-а!  
 — Наконец поймали его и опять поместили в сумасшедший дом. На сей раз

продержали его долго. Ждал он месяц, другой, третий, год — видит, плохо де-  
 лать не выпускают. Пошел тогда он к врачам и спросил: «Что вы собираетесь де-  
 лать со мной дальше?» «А что ты сам собираешься делать?» — спросили вра-  
 чи. — Как ты себя чувствуешь?» «Я всегда чувствовал себя хорошо, а теперь —  
 просто отлично!» — обрадовал он врачей. «Вот и прекрасно! Сходим-ка к глав-  
 ному врачу!» «Как вы поступите, если мы вас сейчас отпустим домой?» — спро-  
 сил главный врач. «Так же, как и вы!» — ответил сумасшедший. «То есть?» —  
 заинтересовался главврач. «Пойду домой!» — объяснил сумасшедший. «Слыши-  
 те? — обернулся главврач к врачам. — А дальше?» «Поступлю на работу, по-  
 дыщу себе место этак рублей на четыреста-пятьсот в месяц — больше мне не  
 нужно, человек я одинокий — и заживу спокойно». «Да кто же тебе, дураку,  
 даст такое место!» — удивился главврач. «Почему же, уважаемый? — обиделся  
 сумасшедший. — Чем я хуже других дураков?» «Да нет, ничуть не хуже!» —  
 поправился главврач. «Потом я женюсь!» — продолжал сумасшедший. «Моло-  
 дец! — одобрил главврач. — Дальше?» «Справлю свадьбу». — «Потом?» «По-  
 том... — Сумасшедший смутился. — Потом, когда разойдутся гости, отведу жену  
 в спальню, погашу свет...» «Понятно, понятно!» — прервал его главврач. «Ког-  
 да разойдутся гости, — продолжал он, — отведу жену в спальню, погашу свет,  
 уложу ее в постель...»

— Потом, потом?! — подскочил Шошиа.  
 — «...Сниму с нее платье, сорочку, трусы, вытану из них резинку, сделаю  
 себе рогатку и пойду бить стекла!»

— Тьфу! Мерзавец! Дурак! Испортил все дело! — Шошиа был внае себя от  
 обиды.

— Ничего, Шошиа, он получил свое — его отравили снова в палату! —  
 успокоил я Шошиа.

— Потом?  
 — Потом, спустя год выяснилось, что наш сумасшедший был в сговоре со  
 стеклольщиком. Вот и все!..

— А при чем тут я? — спросил Шошиа.

— При том, что каждый раз, о чем бы ты ни говорил, в конце концов все сводится к тому, как ты прогонишь жену и женишься на Сиран! — объяснил я.

— Все равно прогоню! — вздохнул Шошиа...

94736740  
3034010133

## ВИДЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Сон заключенного должен походить на рай, где поют канарейки... Сон заключенного должен походить на мечту — пеструю и красивую, как радуга — не так ли, Шошиа?

Во сне должна сниться возлюбленная — красавица, прильнувшая к твоей груди, — не так ли, Шошиа?

Во сне ты должен быть вольным, как орел, и парить гордо над миром — не так ли, Шошиа?

Во сне человеку ложем должны служить цветы, подушкой — луна, а покрывалом — звезды — не так ли, Шошиа?

Во сне человеку должно сниться такое, чтобы ему не хотелось просыпаться, — не так ли, Шошиа?

Во сне человек должен превратиться в солнце, плыть по небу, согревать землю и людей — не так ли, Шошиа?

Во сне ты должен, как факел, держать в руках солнце — не так ли, Шошиа?

Но если и во сне я сижу в тюрьме, слышу твой плач, и во сне меня кусают клопы, и во сне я вижу через отверстие в двери настороженный глаз надзирателя, ем тюремную пиццу и жду, когда пробьет мою судьбу зажатый в руке следователя колокольчик, — что это за сон? Ведь такой сон ничем не отличается от яви — не так ли, Шошиа?

Вот и сейчас во сне я вижу тебя. Ты сидишь на своей галерке, смотришь в окошко, поешь свои песни и мечтаешь превратиться в скворца и улететь. А как же я? Неужели ты оставишь меня одного? Не улетай, Шошиа!

Шошиа отрицательно покачал головой:

— Не могу больше, Заза! Душа истомилась! Иссакли мои силы!

— Не губи меня, Шошиа! Не покидай меня!

— Я должен улететь, Заза!

— Не улетай, Шошиа!

— Не могу больше! Завтра начинается суд... Я не вынесу этой муки!

— Как же ты улетишь, ведь ты не птица?

— Улечу! Захочу и превращусь в птицу!

— Глулый ты, Шошиа!

— Захочу и превращусь в птицу! Хочешь, и тебя превращу в птицу?

— Зачем мне быть птицей, я ведь человек!

— Ну так гляди!

Шошиа стал спиной к стене и развел в стороны руки, как Христос на распятье. Долго он стоял так и потом стал постепенно уменьшаться.

— Что ты делаешь, Шошиа?! — воскликнул я в испуге.

Он не ответил, лишь хитро улыбнулся и продолжал уменьшаться.

— Шошиа, не надо, Шошиа!

Я бросился к двери, с плачем и криком заколотил в нее. Напрасно! Кругом стояла такая могильная тишина, словно и эта тюрьма, и этот город, и весь мир погрузились в воду. А Шошиа уменьшался. Вот он уже стал не больше моего кулака.

— Шошиа!

И вдруг Шошиа превратился в скворца. Скворец легко перепорхнул с нар на нижний оконный откос и оттуда взглянул на меня, по-птичьи склонив голову набок.

— Что ты наделал, Шошиа?!

Скворец свободно пролез сквозь оконную решетку и теперь снаружи глядел на меня, словно приглашая к себе.

— Не улетай, Шошиа!

Скворец раскрыл крылья, сорвался с окна и... улетел. Он описал круг над тюремным двором, над административным корпусом, пронесся мимо часового на вышке и взял направление к Арсенальной горе.

— Шошиа-а-а!..

Скворец быстро удалялся. Вот он уже стал похож на маленькую черную точку и наконец исчез в синеве неба где-то над Кукийским кладбищем...

— Гоголадзе, с вещами! — крикнул надзиратель.

Шошиа чуть было не хватил удар. «С вещами?» Это... Что же это такое?!.. Каждому известно: на суд заключенных ведут безо всяких вещей! Кроме того,

каждый заключенный заранее предупреждается о дне предстоящего суда... А тут... Без предупреждения, ясно и коротко: «С вещами!..».

Шошиа не шелохнулся, не откликнулся, словно приказ надзирателя касался не его, а кого-то другого, сидящего в другой камере, другой тюрьме.

— Гоголадзе, ты что, оглох? С вещами приказано! — повторил надзиратель и, чуть прикрыв дверь, отошел.

— Что... Что он сказал? — спросил, заикаясь, Шошиа.

— Зовут тебя! С вещами! — улыбнулся я.

— С вещами? Что за чудо?! — спросил он.

— Чудо! — подтвердил я.

— Кто сказал, что чудес не бывает?

— Я этого не говорил!

— Не ты, так кто-то сказал. Есть чудеса на свете! — У Шошиа задрожали губы.

— Есть, Шошиа!

— Есть на небе бог! — прошептал Шошиа, опускаясь на колени.

— Есть, Шошиа!

— Боже великий! — сказал Шошиа и умолк. Я не знаю, пропал ли у него голос или он возносил благодарность богу молча, про себя... Он долго молчал, потом быстро встал и заговорил скороговоркой: — Говори, где ты живешь? Впрочем, я знаю — Анагская, сорок два! К кому я должен прийти? Да, знаю, к твоей матери! Что ей сказать? Ну да, конечно, скажу, что ты чувствуешь себя отлично и чтобы она ждала тебя!

— Чтобы что, Шошиа?

— Чтобы ждала тебя!

— Сумасшедший ты, Шошиа!

— Ничего не сумасшедший! А как ее звать? Ах, да, знаю, Анико, тетя Анико, уважаемая Анико!.. Что еще надо сделать? Кого повидать? Хочешь, пойду к матери убитого, скажу, что не ты его убил?

— Нет, не ходи, Шошиа!

— Обязательно пойду!

— Гоголадзе, долго ты там?

— Ну, до свидания, Заза, дорогой мой! — Шошиа быстро обнял меня, прижал к груди, потом сломя голову выскочил в дверь, оставив меня наедине со своим горем, надеждой и сомнениями. Улетел сворец... Улетел Шошиа...

...Теперь я лежу на галерке Шошиа, у окошка, и часами, не сводя глаз, гляжу на открытый им кусочек моего города...

...Вот крохотная пивная будка, и в ней огромный, толстый продавец. Он похож на вставленный в рамку чай-то неоконченный портрет. Неоконченный — потому что я вижу лишь его контуры, разглядеть детали отсюда невозможно... Рядом с пивной — аптека. Бывают дни — аптека пуста, хоть шаром покати, иногда же она битком набита людьми. Вот и сейчас — хвост очереди извивается вдоль улицы. Видно, в городе эпидемия гриппа... Чуть дальше — парикмахерская. В каждой парикмахерской находятся два-три мастера, которых клиенты избегают. Есть они, видать, и в этой парикмахерской — вот те двое, которые день-деньской сидят на скамейке у дверей и у чем-то мирно беседуют, хотя в посетителях недостатка нет. В шапочном ателье народу обычно мало. Потому, наверно, что люди предпочитают покупать готовые фуражки, шляпы и кепи. И вообще, головные уборы выходят из моды, полгорода ходит с непокрытой головой. Раньше шапка считалась символом чести. Может, это так, а может — нет. Разве мало в Тбилиси честных, порядочных людей, разгуливающих без головных уборов? Сколько угодно! Вот хотя бы этот гражданин! Что плохого в том, что он без шапки? Ничего! Вот он вошел в аптеку... Вышел... Что-то держит в руке... Лекарство? Да! Положил на ладонь таблетку и быстро отправил в рот. Что? Не лезет в горло? Да вон же пиво, чудак! В двух шагах! Вот так! Подошел к будке, рукой показывает продавцу... Начал пить... Тянет пиво медленно, с наслаждением... Так. Выпил. Заплатил. Задумался. Что же он будет делать дальше?... Так. Подошел к парикмахерской, заглянул в дверь, потом повернулся, подвожал одного из сидевших на улице мастеров и вместе с ним вошел в парикмахерскую... Спустил десять минут он вышел, отряхнулся, провел ладонью по лицу... Он сейчас, конечно, пахнет пудрой и дешевым одеколоном... Так... Как он теперь поступит? Что сделает? А что, собственно, ему делать? Принял лекарство... Выпил пиво... Поборился... Самое время идти домой. Почему же он не уходит? А вот почему — он вошел в шапочную мастерскую! Правильно! Молодец, человек! Купи шапку! Надень шапку! Ведь недаром раньше шапка считалась символом чести... В ателье он задержался долго, слишком долго — я даже подумал, что он сам работает в ателье. Но нет, он все же вышел из мастерской. Но что это? Он без шапки! Вот, а что я говорил? Сейчас полгорода ходит без

головных уборов! Ну и что же? Разве поэтому этого гражданина можно упрекнуть в бесчестии? Почему, на каком основании? Иди, человек, со спокойной душой, ступай себе на здоровье...

...Здесь, на этом маленьком кусочке Тбилиси, за которым я могу наблюдать из моего окошка, все происходит точно так, как и во всем городе, как и во всем мире... Ходят, разгуливают себе в свободное время люди, принимают лекарства, пьют пиво, бреются, заказывают фуражки... Чем они заняты внутри закрытых помещений, этого мне отсюда не видно. Но этого не видно и с улицы... Так что этот крохотный кусочек города воспроизводит в миниатюре жизнь всего мира... Ах, как ты мала, наша планета!..

И вдруг во мне словно разлилось что-то теплое и горькое. Оно проникло в каждую жилку, каждую клетку моего тела и собралось в сердце глухой, ноющей болью.

С добрым утром, мой Тбилиси дорогой!  
Хочешь знать — откуда плач и ропот мой?

Пел Шошиа!

Это не было ни чудом, ни видением. Пел Шошиа, Шошиа Гоголадзе пел в корпусе осужденных...

Бьет, гудит сионский колокол святой,  
Простираю руки я к нему с мольбой..  
Предан был я другом верным — не судьбой!..  
Бедной пташке дайте, люди, крылья!..

Пел Шошиа, и вся тюрьма затаив дыхание внимала его печальной песне. Кто сказал, Шошиа, что бывают на свете чудеса? Кто сказал, Шошиа, что есть на небесах бог? Это сказал ты, Шошиа?

Не бывает на свете чудес, Шошиа!

И бога нет на небесах, Шошиа!

## Я ПОКИНУЛ КОВЧЕГ

Утром я поранил руку о гвоздь и попросил надзирателя вызвать врача. Через пятнадцать минут в камеру вошла улыбающаяся как солнышко Нуну.

— Здравствуй, преступник! — весело поздоровалась она со мной.

— Здравствуй, наш исцелитель! — ответил я и почувствовал, как что-то в груди начало оттаивать.

— Что с тобой? — Нуну сняла сумку.

— Вот, руку поранил, — ответил я.

— Ты смотри! — покачала она головой, расстегивая сумку.

Надзиратель распахнул до конца дверь и вышел в коридор.

— Остался один?

— Один... Что это?

— Перекись водорода... Совсем один?

— Совсем.

Нуну обмыла перекисью рану, достала йод.

— И тебе не страшно одному?

— Что ты, доктор! Огромное государство со своим войском, судом, прокуратурой и милицией защищает меня! Чего же мне бояться?!

— Да, квартира у тебя просторная! — Нуну полила рану йодом. Я чуть не взвыл от боли.

— А что, для одной души вполне приличная! Ни тебе хлопот о мебели, ни взятку управдому для прописки!

— Вода — бесплатно, свет — бесплатно, пища — бесплатно и медицинское обслуживание — бесплатно! — поддакнула Нуну.

— Вот именно! Просто жаль покидать такую квартиру!

Нуну громко рассмеялась.

— А что, доктор, почему сюда никого не приводят? Может, трудно с пополнением? Заключенных не хватает? — спросил я озабоченно.

— Ты — последний преступник на свете! — Нуну положила на рану огромный кусок ваты.

— Нет, серьезно?

— Карантин в тюрьме. Снимут карантин — приведут к тебе сразу тридцать человек. Радуйся! — Нуну достала из сумки бинт.

— Ну смотри, доктор, постарайся! Чтоб поскорее! — попросил я.

Нуну опять рассмеялась.

— Когда суд, Накашидзе? — спросила она и начала перевязывать мне руку.

- Не знаю. Следствие еще не окончено.  
— Говорят, тебя скоро выпустят!  
— Кто это говорит?  
— Люди говорят...  
— А откуда людям известно об этом?  
— Людям известно все, Накашидзе!  
— Ты рада?  
— Чему?  
— Моему освобождению?  
— Почему я не должна быть рада? А ты сам разве не рад?  
— Я — нет!  
— Почему, парень? — удивилась Нуну.  
— Потому, что не смогу видеть тебя каждый день...  
— А зачем тебе это нужно? — смутилась Нуну. Она крепко завязала бинт и задала обычный вопрос: — Болит еще что-нибудь?  
— Все болит! — ответил я, не поднимая головы. Нуну достала из сумки ножницы, срезала бинт, потом взяла две таблетки и протянула их мне:  
— Раз у тебя все болит, на, выпей два люминала!  
— Не уходи, доктор!  
— Сколько же мне тут сидеть?  
— Вот если бы меня ждала такая девушка, как ты... — я взглянул на Нуну. Она отвела глаза.  
— Тебя ждет мать!  
— Мать подождет...  
— Что с тобой, Накашидзе?  
— Влюблен я!  
— Здесь, в тюрьме, все влюблены... в меня.  
— Может быть, но не все одинаково!  
— Твои ровесники — все одинаково!  
— Почему так?  
— Потому что я здесь одна, одна-единственная красавица! — усмехнулась Нуну. — Понятно теперь?  
— Ничего не понятно! — ответил я, хотя и понял все отлично.  
— Выйдешь отсюда — поймешь!  
Нуну направилась было к двери, но вдруг повернула обратно, пристально взглянула на меня, а потом, потупив взор, спросила:  
— Накашидзе, как фамилия того заключенного?  
— Которого? — неприятная догадка пронзила меня.  
— Который стихи мне читал.  
— Не знаю!  
— Как его звать?  
— Не знаю!  
— Где он живет?  
— Не знаю!  
— Он женат?  
— Не знаю, не знаю, не знаю! — крикнул я и почувствовал, как кровь бросилась мне в лицо. Нуну помолчала, дала мне успокоиться, потом приблизилась ко мне.  
— Посмотри мне в глаза, Накашидзе!  
Я поднял голову и увидел два агатовых глаза, горевших на побледневшем лице Нуну.  
— Говори, Накашидзе, ты все знаешь!  
Я обмяк, словно лопнувшая тетива.  
— Заклинаю тебя матерью и твоей любовью!  
— Девдарнани Како, Лимон, холостой, бездетный, имеет замужнюю сестру, вдову-мать, которая живет в Тбилиси, на улице Арсена, пятнадцать...  
— Спасибо, Накашидзе!  
— Он вор!  
— Спасибо, Накашидзе!  
— Имеет возлюбленную!  
— Спасибо, Накашидзе!  
— Но она замужем!  
— Спасибо, Накашидзе!  
Нуну еще раз взглянула на меня погасшими вдруг глазами и вышла.  
— погоди, доктор! — крикнул я вдогонку.  
— Что тебе, Накашидзе? — вернулась Нуну.  
— Ту ночь, перед судом, я и Лимон... Мы не спали... Я спросил Лимона, почему он не спит...



- А он что?  
 — Сказал, что любит тебя. Так он сказал...  
 — Спасибо, Накашидзе, ты хороший парень!..

В полдень в мою камеру ввели нового заключенного. Худой, чуть сутулый, стриженный, с зеленым туристским рюкзаком в руке, он стал посередине камеры и уставился на меня темными испуганными глазами, как бы ожидая от меня указания о дальнейшем его поведении. Я улыбнулся. Он ответил недоверчивой улыбкой. Я не спустился со своей галерки. Он по-прежнему стоял и молчал. Я вспомнил свой первый день в тюрьме. Тогда и я, наверно, выглядел таким же растерянным.

- Ну что, остался там кто-нибудь? — спросил я.  
 Он пожал плечами.  
 — Остался там кто-нибудь, спрашиваю? — повторил я.  
 — Где — там? — не понял он.  
 — В Тбилиси!  
 — Кто?  
 — Люди!  
 — Конечно!  
 — Много?  
 — Очень!  
 — И долго еще они будут, ты не в курсе?  
 — Как это — долго? А что же с ними станет? — он растерялся вконец.  
 — Ладно... Карантин лопнул? — спросил я тоном старожилы.  
 — Лопнул!  
 — А что нового на воле?  
 — Что вас интересует?  
 — Почему на базаре мясо?  
 — Дорого!  
 — А соленые помидоры?

Новичок понял, что я издеваюсь над ним.

- Не знаю! — ответил он обиженно.  
 — Что слышно про амнистию?  
 — В карантине говорили — будет амнистия!  
 — Когда?  
 — К пятидесятилетию образования СССР.  
 — В политике разбираешься?  
 — А что вас интересует?  
 — Все!  
 — Знаете, я газеты редко читаю...  
 — Как дела во Вьетнаме?  
 — Там война!  
 — Не может быть! Когда она началась!

Парень смутился.

— Я больше «Сельскую жизнь» читаю... — проговорил он, словно провалившийся на экзамене студент.

Мне стало жаль его.

— Много вас было в карантине?  
 — Много. Сегодня утром у нас прошлись «шмоном». У меня в хлебе были лезвия. Забрали...

«Шмон» — значит обыск. Эге, да он всерьез собирается «купить» меня.

- Как тебя звать? — спросил я.  
 — Сандро.  
 — Фамилия?  
 — Замбахидзе.  
 — Хорошая фамилия!  
 — Ничего, — согласился он с улыбкой.  
 — Ляжешь вон там, внизу! — показал я рукой.  
 — Почему так близко от параши?  
 — От страха будешь часто мочиться. Тебе же удобнее!  
 — Столько свободных нар... — сказал он несмело.  
 — У этих нар свои хозяева.  
 — Где же они? — удивился он.  
 — Кто — расстрелян, кто — сослан, кто — умер своей смертью, кто — на суде, кто — на допросе. Скоро вернутся!

Замбахидзе недоверчиво взглянул на меня, однако послушаться не посмел и покорно лег на указанное мною место.

<sup>1</sup> З а м б а х и — по-грузински — ирис.

- Устал? — спросил я.
- От чего же мне уставать?!
- В таком случае, вставай! Здесь лежать в дневное время не разрешают!
- А в карантине разрешали...
- Карантин одно, камера — другое. Слушайся, когда говорят, иначе по-жалеешь! — предупредил я.
- Замбахидзе сел.
- Это что же, весь день так сидеть? — спросил он огорченно.
- До суда. Получишь срок — потом хоть вверх ногами ходи, воля твоя!
- Какой срок? За что срок? — вдруг взорвался Замбахидзе.
- Ты где работал? — спросил я, когда он немного остыл.
- На кожзаводе! Работал и буду работать! — ответил он запальчиво, словно в его аресте был повинен я.
- В чем тебя обвиняют?
- У, сволочи, аферисты! — Замбахидзе силой ударил себя в грудь.
- Ты про кого?
- Про директора и начальника АХО, чтоб им провалиться! У них, знаешь ведь, как делается? Каждый завцехом ворует кожу, продает и делится с директором и начальником АХО...
- А ты?
- Что — я? Черта с два бы я им дал! Я же не вор!
- Что же у тебя произошло?
- А то, что продали меня вместе с моим местом!
- За сколько?
- А я почему знаю? Вызвал как-то меня директор, предложил уйти с работы «по собственному желанию», написать заявление. Что я, дурак? Не стал я писать заявления!
- Молодец!
- Какого черта — молодец! Знаешь, что потом они со мной сделали?
- Знаю.
- Что?
- А вот что: в один прекрасный день тебя задержали в проходной, отвели в кабинет начальника АХО, обыскали в присутствии двух рабочих и нашли у тебя кожу.
- Не нашли, а подбросили!
- Это не имеет значения. Были свидетели.
- Лжесвидетели!
- Не важно. Были свидетели. Потом тебя сфотографировали вместе с украденной кожей и повели к директору. Так ведь?
- Так!
- Директор сидел, уткнувшись в газету. Увидев тебя, он встал. «В чем дело?» — спросил удивленно. Спросил?
- Спросил, собака!
- Ну вот. Потом начальник АХО ему доложил — так, мол, и так. «Не поверю!» — воскликнул директор. Тогда начальник АХО молча выложил перед ним украденную тобой кожу. Так?
- Так!
- Потом директор схватился за голову, опустился в свое кресло и долго сокрушенно молчал. Потом он встал и сказал тебе: «Товарищ Замбахидзе, что же это такое? Так ты оправдываешь доверие коллектива, доверие партии и правительства? Мы приняли тебя как родного сына, вырастили, вывели на широкую дорогу, дали тебе цех! А ты? Вместо того чтобы честно служить Родине, самоотверженно бороться за выполнение заданий пятилетки, экономить каждую копейку и тем самым способствовать развитию этой отрасли легкой промышленности — что ты делаешь? Воруешь? И у кого? У государства? Нет, Замбахидзе, этого мы тебе не позволим!». Ты хотел что-то возразить, но взволнованный директор не стал слушать и рукой приказал начальнику АХО вывести тебя. Так было?
- Точно!
- Что же оставалось делать следствию? Украденный товар — налицо, показания свидетелей — налицо. Будь ты на месте следователя, ты поступил бы точно так. Вот и посадили тебя. Продержали месяц в карантине, и теперь ты здесь, в камере, рядом со мной!
- Но откуда все это известно тебе? — спросил изумленный Замбахидзе.
- Э, брат, это очень просто: видно по тебе, что посажен ты без вины.
- А ты?
- И я, конечно!
- Почему же тебя не освобождают?

— Кто тебе сказал, что не освобождают?! Вот увидишь, не пройдет и часа, как меня выпустят отсюда!

...И свершилось чудо!

Открылась дверь камеры, и мой знакомый надзиратель, улыбаясь, гаркнул во все горло:

— Накашидзе, с вещами!!!

— ...Накашидзе, с вещами!.. Накашидзе, с вещами!.. — отозвалось эхо... С минуту я еще видел Замбахидзе, потом он исчез, исчезла камера... Все вокруг наполнилось розовым туманом, и я услышал низкий, ласковый, грудной голос знакомого старца:

— Ушли воды великие с земли нашей... Выйдите из ковчега и воздайте хвалу господу нашему... Размножайтесь и возрождайтесь и владейте миром сим!..

... — Кто сказал, Шошиа, что не бывает на свете чудес?

— Бывают на свете чудеса, Шошиа!

Часовой открыл ворота и сильно хлопнул меня по плечу.

— Жена есть? — спросил он.

— Нет! — ответил я.

— Жаль! — покачал он головой.

— До свидания! — сказал я.

— Прощай! — ответил он.

И за мной со скрипом закрылись огромные металлические ворота.

Она ждала меня на тротуаре напротив тюрьмы. В том же выцветшем коротковатом плаще, с той же синей в белую крапинку косынкой на шее, с тем же термосом в руках.

Она стояла и ждала.

Чтобы не разрыдаться, я прикусил нижнюю губу и проглотил подступивший к горлу комок.

Она стояла и ждала.

И я пошел к ней. Я пересек улицу и остановился перед ней.

Она взяла из моих рук котомку и положила на тротуар, потом уселась сама. Я присел рядом. Она открыла термос и налила в крышку горячий кофе, точно так, как тогда, во время свидания. Не спеша я отпил глоток, и приятное тепло разлилось по моему телу... И вдруг зашумела улица, задвигались автомобили. Кто-то засмеялся, кто-то крикнул. И я услышал дрожащий голос матери:

— Как ты себя чувствуешь, сынок?

— Хорошо, мама!

Она прижала к груди мою голову и долго-долго гладила меня по волосам и лицу. Потом я почувствовал на лбу ее горячую слезу, вторую, третью... Мы плакали, обнявшись, на тротуаре. Люди останавливались, удивленно глядели на нас, и никто нас не спросил — почему мы плакали в этот полный шума, тепла, солнца и радости день.

Мы сидели, обнявшись, на тротуаре и плакали, не стесняясь никого.

И вновь ночью ко мне явилось Солнце. Оно опоясало меня своим золотым лучом и притянуло к себе. И чем больше я приближался к Светилу, тем прохладнее становилось оно. Подойдя вплотную, я рукой коснулся Солнца, и Солнце не обожгло меня. Мы стали вместе взбираться по длинному крутому подъему — впереди Солнце, я — за ним. Мы поднялись высоко-высоко, на снежную вершину, в царство вечных, никогда не тающих снегов.

— Это — Джомолунгма! — сказала Солнце и протянуло мне белый флаг.

Я раскрыл флаг и высоко поднял его.

И над миром взвился белоснежный флаг — символ добра, милосердия и любви.

Огромный белый флаг развевался над миром!

Перевод Зураба АХВЛЕДИАНИ



Серги Чинлая

# ДЕТИ ЕКАТЕРИНЫ

РОМАН

## ВМЕСТО ПРОЛОГА

Мне он писал не часто, мой старший школьный товарищ. И вот письмо: «...С интересом прочитал твою хронику «Екатерина Чавчавадзе», но, когда дошел до последних слов «...княжеское судно отчалило от Орпирской пристани. Закрывалась последняя страница Мегрельского княжества» и когда я закрыл книгу, у меня возникло чувство некоторой неудовлетворенности. Не знаю, может, я и не прав, но кое-что важное, по-моему, ты не досказал. Кроме всего прочего, хотелось бы знать и о дальнейшей судьбе детей Екатерины. Хоть в эпилоге ты бы сказал несколько слов о них».

Прости, друг, я не ответил тебе на это письмо: в двух словах не расскажешь ни о судьбе детей Екатерины, ни о тех событиях, которые тебя интересуют. Кроме того, письмо твое пришло в те дни, когда я уже заканчивал работу над книгой «Дети Екатерины», первый экземпляр которой с радостью посылаю тебе, моему нетерпеливому и по-доброму заинтересованному читателю. Надеюсь, что ты найдешь в ней ответы хотя бы на некоторые твои вопросы, но хочу честно предупредить, что меня в данном случае интересовала не столько судьба отдельной семьи или отдельной личности, пусть даже такой сильной и яркой, как Екатерина Чавчавадзе, сколько историческая судьба моего народа.

Моя книга — не семейная хроника рода Даднани, а смею думать, что это хроника в какой-то мере историческая, поскольку я попытался осветить в ней события знаменательные и важные, оказавшие в прошлом, XIX веке влияние на жизнь нашего народа.

Так мыслил я, приступая к работе над книгой «Екатерина Чавчавадзе», на том стою и теперь, завершив наконец работу над книгой — о ее потомках.

Да, я непоколебимо убежден в том, что судьба и дела одного человека не равнозначны судьбе и делам всей нации. Однако не отрицаю я и того, что крупные, выдающиеся личности играют немалую роль в жизни народа, в формировании духовного облика своей эпохи. Долгие годы я готовил себя к работе над хроникой о Грузии XIX века, и мое воображение пленила Екатерина — дочь поэта Александра Чавчавадзе, муза нашего гения Николоза Бараташвили, поразившая своей необычайной судьбой и необычной красотой не только Грузию, но и Москву, и Петербург, и Париж.

Биография этой незаурядной женщины — а Екатерина была не просто блистательной светской дамой, но и государственной деятельницей, предводительницей амазонок в годину вражеского нашествия, дружила или враждовала со многими выдающимися людьми того времени — вобрала в себя наиболее типичные черты современного ей грузинского общества.

Она была сложной натурой, Екатерина Чавчавадзе, да и время было сложное, смутное. Но судьба не отвернулась от Грузии: в XIX веке ее знамя под-

няли и вокруг него сплотились достойные сыны отечества и повели за собой народ. Истинные патриоты начертали на нем не только национальные, но и социальные лозунги.

И тут разошлись пути старой и новой Грузии. Екатерина Чавчавадзе начала лишь обижалась на вожаков новой Грузии, но затем рассердилась и прервала с ними всякие отношения.

Смерть Екатерины, скончавшейся в возрасте шестидесяти шести лет, неизмеримо сильнее, чем многих других, опечалила глубокого старца Григола Орбелиани — духовного отца и предводителя старой, уходящей Грузии. Смерть забирала у него друзей одного за другим: сначала ушел Платон Иоселиани, затем умер Каплан Орбелиани, с которым старый поэт каждое утро совершал длительные прогулки по Тбилиси, предаваясь воспоминаниям о «добрых старых временах» и горько сетуя на беспокойный нынешний век. И вот не стало и Екатерины — последней его радости на земле. «Померкла Грузия», — тоскливой жалобой вырвалось из груди поэта. После смерти Екатерины Григол Орбелиани прожил совсем недолго — 21 марта 1883 года он ушел из жизни, и вместе с ним ушла из жизни Грузии целая эпоха.

Знаменосцами новой эпохи, духовными отцами и предводителями нового поколения были Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели. Они оказывали величайшее влияние на всю жизнь грузинского общества, на все слои грузинского народа — через газеты и журналы, через Общество по распространению грамотности среди грузин, через банк, основанный Ильей Чавчавадзе, через театры, через своих последователей и сподвижников. Грузинский народ смотрел на них с надеждой и верой.

Но прошло время, и картина общественной жизни вновь изменилась — пришло новое поколение, проповедующее идеи социализма, и повело наступление на деятельней шестидесятых годов. И с новой силой вспыхнула непримиримая борьба поколений. Сейчас «старым поколением» стали называть сподвижников Ильи и Акакия. Молодежь со свойственным ей пылом пыталась принизить значение дел и заслуг последователей Ильи и взять в свои молодые руки национальное знамя. Это поколение стало называться «Месаме даси» — «Третьей группой». Ее оружием в борьбе с Ильей Чавчавадзе и газетой «Иверия» стала сначала газета «Квали», а затем журнал «Мнатоби».

Члены группы «Месаме даси» были первыми грузинскими марксистами. И если даже в девяностые годы, вопреки явлениям и фактам действительной жизни, шестидесятники продолжали утверждать, что нужна национальная консолидация для наступления на царизм единым фронтом, что в Грузии нет никаких предпосылок для обострения классовой борьбы, то месамедасцы утверждали марксистское положение, что движущей силой развития общества является борьба классов и что сейчас в Грузии происходит ожесточенная классовая борьба и примирить враждующие классы не может никакая сила — даже знамя национального единства. Принципу национальной консолидации они противопоставили принцип консолидации трудящихся, угнетенных классов всех стран. Таким образом, четко обозначились два пути — борьба с царизмом на основе национальной консолидации и путь классовой консолидации для борьбы под руководством рабочего класса против царизма и всякого угнетения.

Тогдашнее грузинское общество решительно размежевывалось, различные группировки сшибались друг с другом, как волны в штормовом море. И детей Екатерины не могло не вовлечь в этот водоворот. Мне, автору этой хроники, судьба детей Екатерины во многом помогла разобраться в чрезвычайно сложных и запутанных явлениях общественной жизни Грузии девяностых-девятисотых годов.

Итак, обратимся к фактам и прислушаемся к голосу людей той, ушедшей эпохи.

## НАСЛЕДНИК БЕЗ ТРОНА

Еще при жизни Екатерины заколебались и дали трещину стены княжеского дворца в Мегрелии. Во время последней болезни владетельницы трещины эти угрожающе углубились, и Екатерина все пыталась и никак не могла понять, что это за неведомая сила разрушает основы ее власти.

После смерти Екатерины все в ее дворце и ее семье быстро распалось. Похоронив мать, дети тотчас же разъехались: Андро держал путь в Италию, Саломе, даже не вернувшись из Мартвили в Горди и холодно попрощавшись с братьями и невестками, уехала вместе с Мюратом в свое поместье. Единственный из детей Екатерины, кто безропотно взял на себя все заботы о делах семьи Даднани, был князь Нико. Злая судьба лишила его трона, взамен ко-

торого российский император пожаловал ему титул Мегрельский, тем самым оставив еще Нико какую-то надежду вернуть себе династические права. Последник уже несуществующего трона, он денно и ночью мечтал об отцовской короне. Эта неуосуществившаяся мечта и вовсе лишила покоя, а временами чуть не доводила до безумия и без того слабого нервами князя.

Когда, справив поминки по Екатерине, родственники разъехались, Нико вызвал к себе управляющего княжеским двором. Это высшее прежде придворное звание лишь формально осталось за Арчилом Дадияни, а в действительности он был таким же заурядным дворецким, какие имелись в каждом помещичьем доме.

— Что ждет мою семью, дорогой Арчил, может, ты мне это скажешь? — обратился князь к управляющему и, не дождавшись ответа, сказал: — Господи, как быстро, можно сказать, в одно мгновение рухнуло наше княжество, а ведь его созидали веками. И ты ведь знаешь, дорогой Арчил, да и все это знают, что ни моя мать, ни мой отец не сделали ничего дурного нашей Мегрелии. Наоборот, они, не щадя себя, трудились ради ее блага. И чем же их отблагодарили бесчестные люди?! Мою мать свела в могилу беспрестанная тревога за судьбу княжества. И мои дела, как ты знаешь, Арчил, тоже идут вкривь и вкось. После смерти императора Александра II меня и вовсе оттеснили. Те же бесчестные люди, которые погубили мою мать, не допускают меня теперь к императорскому трону. Не пускают, не лезь, мол... Они косо смотрят на инопородцев, вот что ты должен знать, дорогой Арчил. Трудно теперь сказать, что меня ждет, куда меня забросят эти подлые интриганы. И вот я решился, Арчил: ждать не буду, поеду в Петербург. Тебе хорошо известно, что творится сейчас в Мегрелии, и я, да и не только я — вся моя семья целиком доверяем-ся тебе. Я всегда полагался на твою верность, и не приведи господь потерять мне эту последнюю опору в жизни.

Говоря это, Нико смотрел на управляющего чуть ли не с мольбой и более того — заискивающе. Но даже и это, казалось бы, не тронуло управляющего — ничто не изменилось в его лице. Но князь Нико как будто и не ждал никакого ответа от Арчила — все так же торопливо, но как человек, обладающий правом приказывать, а скорее как проситель — он продолжал:

— Долги, которые остались после нашей несчастной матери, и те, в которые мы влезли в связи с ее похоронами, мы должны до осени обязательно погасить. Иначе позор и гибель — все опшнут, всего лишат. В Петербурге я первым долгом обращусь к императору за помощью и, можешь не сомневаться, тут же перешлю тебе деньги. А до этого постарайся как-нибудь вывернуться, дорогой Арчил. Ты ведь сам говорил, что ожидается хороший урожай — вот и поддержка нам от самого бога. Все так и будет, я не сомневаюсь, а пока мне с женой предстоит нелегкая поездка, и ты должен достать на все это деньги, Арчил, должен...

Вот тут-то управляющий впервые поднял глаза на князя и сказал:

— Где их достать? Откуда? Казна пуста — в ней и медного гроша не осталось. Ну, а насчет моей преданности и верности можешь по-прежнему не сомневаться. Я готов...

— Постой, постой, — перебил его Нико. — Я слышал, что у тебя на днях был человек от Чахава и будто они просят, чтобы я продал им марсильское поместье. Так вот, я согласен — продаю.

— Не торопись, князь, Чахава — люди хитрые, они хотят за бесценок получить прекрасные марсильские угодья.

— А что мне делать, дорогой Арчил? Искать других покупателей? Но вспомни нашу поговорку: человек, который отказывается от двугривенного, должен иметь в кармане хотя бы сорок копеек. А у нас в кармане... Да что тут говорить! Одним словом, я тебя прошу: выручай нас, дорогой Арчил. Как хочешь, но выручи.

Управляющий покрутил ус и проговорил с подчеркнутой почтительностью:

— Воля ваша, князь, как прикажете, так и сделаю.

Нико, улыбаясь, подошел к управляющему и дружески похлопал его по плечу. Судьба марсильских угодий, что простирались у берегов Абаши, была решена.

Третий калач — управляющий сразу понял, что эта улыбка и этот жест жаждущего денег князя никак не связаны с превратностями судьбы. Скорее всего — это проявление детской веры, что кто-то другой все для него сделает. Ну что ж, блажен, кто верует, — усмехнулся в усы управляющий и, поклонившись князю, удалился. Во дворе он отдал необходимые распоряжения слугам на текущий день, затем вскочил на коня и ускакал куда-то по делам, которых у него было много. Он был весьма деловым человеком, этот княжеский управляющий Арчил Дадияни.

В те времена торговля землей стала в Мегрелии обычным делом. После отмены крепостного права денежные люди, чаще всего купеческого сословия, стали скупать земельные угодья у крупных помещиков, не умеющих вести большое хозяйство в новых условиях. Крупные землевладельцы-феодалы хотели вести по-прежнему широкую и беззаботную жизнь, для этого нужны были деньги, и они охотно продавали наследственные поместья тем, кто больше платил. Крестьянину, который всегда мечтал иметь собственный клочок земли, тоже как будто открылась возможность приобрести ее у помещиков, и он откладывал заработанную копейку, но земля по-прежнему оставалась в руках помещиков и богачей. Самыми богатыми помещиками в Мегрелии были князья из рода Дадиани, но лучшие, обширные земельные угодья принадлежали детям Екатерины. И вот Нико, не зная, как извлечь из них по-иному доходы, пустился, как говорится, во все тяжкие — часть земли он заложил, часть продал, а сейчас велел управляющему продать одно из лучших наследственных имений — прибрежные марсильские земли.

Покинув княжеский дворец, управляющий направился к селению Бомботи, вблизи которого стоял на возвышенности его просторный каменный двухэтажный дом. Фасадом своим дом этот был обращен к Абаше, на другом берегу которой тоже на возвышенности стоял Мартвильский храм. С балкона своего дома Арчил мог видеть раскинувшиеся по обоим берегам реки села Бомботи, Налесао и Сергиети, а позади дома, у подножья горы, приютились деревни Чабурта и Нахунао.

Арчил чуть придержал коня на довольно крутой тропе, ведущей к его дому. У ворот Арчила встретил управляющий его собственного имения и доложил обо всех новостях — хозяйственных и домашних. Поднявшись на балкон, Арчил увидел поджидающего его Чахава из Сергиети и очень обрадовался этому гостю.

Азнаур из Сергиети Теймураз Чахава был очень богатым человеком и за последнее время приобрел столько земли, как никто в этих краях. Это было явной удачей для Арчила — встретить вот так сразу денежного туза. Марсильские угодья надо продать быстро. Вот и попробуем сладить с Теймуразом. Правда, денежный этот человек крепко держится за свою мошну, он складывает в нее и свои немалые личные доходы, и даже те деньги, которые он выклянчивал у сына, работавшего техником в Тбилисских железнодорожных мастерских. И сегодня Теймураз пришел к Арчилу не для праздной болтовни, а в надежде, что вдруг да наклонится какое-нибудь выгодное дельце. Уж он-то хорошо знал, что ничто в Мегрелии нельзя ни купить, ни продать без участия в этом деле дорогого Арчила. Руки у княжеского управляющего были цепкие и загребущие. Но Арчил тоже знал, с кем имеет дело, и без лишних слов приступил к торгу. Арчил предложил Теймуразу на выбор два участка — один на берегу Абаша, другой — у Искии.

Чахава хорошо знал эти места и, не задумываясь, выбрал более плодородный и почти примыкающий к его именно участок у Абаша.

После продолжительного и упорного торга они сошлись, наконец, на цене в двести золотых рублей. На следующий день чуть свет Чахава привез Арчилу деньги, и они оба составили купчую, которую Арчил повез на подпись Нико Дадиани. Конечно, в бумаге этой ни слова не было сказано о том, сколько перепало самому Арчилу за посредничество.

Когда управляющий вручил Нико Мегрельскому деньги, у того радостно заблестели глаза. Но, оставшись один, князь вдруг опечалился — ему вспомнилось, как покойная его матушка дрожала над каждой десятиной земли. При ней и думать нельзя было о продаже какого-нибудь наследственного имения. Уже будучи больной, в последние дни своей жизни, Екатерина приложила все усилия, чтобы окончательно закрепить за детьми права на родовые земли. И вот ее любимый сын Нико за бесценно распродает угодье за угодьем, и все, что так берегла Екатерина, вот-вот пойдет прахом.

Горькое чувство непоправимой вины охватило князя Нико, до поздней ночи он не мог успокоиться. Гнетущая тишина стояла в огромном парке, окружавшем дадиановский дворец в Горди. О, как непохожа была эта тишина на ту, прежнюю, которая способна была умиротворить даже самое беспокойное, встревоженное сердце! Казалось, она ушла отсюда в час смерти Екатерины, та ласковая тишина. Да и во дворце все печально изменилось после смерти матери, — вздыхая, подумал Нико. Уже много часов лежит он так на балконе, а сон все не идет к нему, горестные мысли вконец истерзали сердце.

Ночь выдалась темная, безлунная, большие фонари во дворе уже погасли, и только у самых ворот тускло мерцал небольшой фонарик. Нет, не заснуть

мне уже, подумал Нико и, спустившись по лестнице, направился туда, где в темноте слышалось негромкое журчание родника. Освежив лицо холодной водой, Нико подставил под струю ладони и жадно стал пить.

В дворцовом парке били из-под земли пять родников, и самый холодный, самый щедрый из них называли родником Екатерины. Он как бы притаился в глубине парка за дворцом, неподалеку от стен церкви. Екатерина любила это укромное место и много мирных вечеров провела здесь у родника, сидя на удобной каменной скамье. Нико вспомнил, как приходил, бывало, к тому роднику и подолгу беседовал с мудрой матушкой обо всем, что его тогда волновало. И сейчас его властно потянуло к роднику Екатерины. Он медленно, задумчиво шел по аллее к роднику и вдруг, подняв глаза, увидел церковь. Нико остановился и даже попятился, и сердце его сжалось от страха. Что это? — холодея, подумал он и тут же понял, что страх, охвативший его, идет от церкви. Из упрямства, желая преодолеть в себе постыдный страх, Нико пошел уже не к роднику, а прямо к церковной двери. Она была закрыта неплотно, Нико лишь слегка притронулся, и дверь тотчас же отворилась. Где-то в глубине церкви, у иконостаса, догорала свеча — желтый свет ее так отражался на иконах в золотых и серебряных окладах, что казалось, будто это не догорающая свеча, а сами иконы освещают просторный церковный зал.

Нико перекрестился. И тут послышался шорох.

— Кто тут? — сердито крикнул Нико, и голос его громким эхом прозвучал под высокими сводами. Нико стало неловко — разве можно так громко кричать в божьем храме. И еще более неловко стало князю, когда у самых ног шурша пробежал к двери добрый ежик. Нико улыбнулся: страхи, страхи, глупые ночные страхи — и вышел из церкви. Он посидел на каменной скамье у родника, думая о матери, прислушиваясь к неумолкающему пению бессонного соловья. Но даже знакомые соловьиные трели показались князю на этот раз какими-то тревожными. Нет, и здесь не найти мне покоя, подумал Нико, и все же, вернувшись к себе на балкон, он как-то неожиданно сразу уснул. Наверно, это был уже предрассветный час, когда ему приснилась мать. Они встретились в парке под липой, Екатерина была в белом одеянии, он склонил перед ней голову, и она провела рукой по его волосам. «Милый мой Нико. Я ушла от вас, так и не успев осуществить мое самое заветное желание — вернуть тебе отцовский трон. Твой отец рассердился на меня за это, когда мы встретились там, на небесах. И вот я пришла к тебе, мой Нико, чтобы сказать: сделай все возможное, чтобы вернуть себе мегрельский трон. Ты должен править Мегрелией. На это у тебя есть законные права. И более того — ты рожден для этого. Ты умен, образован, ты пользуешься поддержкой нашего народа...

Ты человек военный и, знаю, не оробеешь в трудный час. Конечно, с императором Александром нелегко бороться, но раз уж правда на нашей стороне, господь бог поможет нам в борьбе за правое дело. Собери сподвижников, объедини свой народ и дай решительный бой бесчестному врагу. Тебя поддержат в этом святом деле все мои дети: твой брат Андро, твоя сестра Саломе и ее муж Мюрат. Будьте всегда вместе, дети мои, будьте в жизни такими же неразлучными, как неразлучны вы в душе моей, и тогда вы непременно достигнете цели».

Проснувшись, Нико уже до самого утра сидел на тахте и думал, что ему делать, что предпринять, чтобы выполнить материнскую волю. Как ему вернуть мегрельский трон, если даже мать его, умная, дальновидная государыня, не смогла удержать в своих руках власть? Как и чем я одолею российского императора? Как вырву из его рук отцовскую корону? Нет, это трудно, и даже не просто трудно — это невозможно. Мне не выдержать всего этого, лучше уехать куда-нибудь, исчезнуть, иначе тени отца и матери будут являться ко мне каждую ночь с упреками, сердце мое вконец истерзают стоны моего пораженного народа. Ох, как тяжело и стыдно, когда люди верят в тебя, надеются на тебя, а ты не в силах оправдать их надежд, их веры.

Слезы выступили на глазах удрученного, измученного тяжкими думами князя Мегрельского, и он в порыве отчаяния упал на колени и, воздев руки, обратился с сыновней мольбой к покойной матери:

— Матушка моя милая, мудрая госпожа наша, если бы только видела ты, каким я без тебя стал беспомощным и неразумным! К тебе, к душе твоей бессмертной обращаюсь я в горький час одиночества и скорби. Подскажи мне, государыня, внуши обездоленному сыну твоему, как помочь страдающей отчизне нашей, как спасти обреченную ныне на погибель нашу семью? Матушка, дорогая, заклинаю тебя, выведи скорее детей своих на правильный путь.

...Утром князь Нико вызвал управляющего и велел приготовить все для поездки в Мартвили — ему захотелось побывать на могилах матери и отца.



Уже наступила осень, но небо над Мегрелией было таким же безмятежно чистым, как в те весенние дни, когда Нико предавал земле останки своей любимой матушки.

Мартвильская дорога была усыпана пожелтевшей листвой, конь бежал по ней почти неслышно. Солнце еще палило по-летнему, но то и дело налетал прохладный, пахнувший осенними цветами ветер, и тогда по обеим сторонам дороги начинали шелестеть высокие кукурузные стебли. К полдню князь Нико поднялся на Мартвильскую возвышенность — балконы крестьянских домиков были увешаны чурчхелами, и воздух насыщен пьянящим запахом «изабеллы» — чудесного черного винограда.

Осень все вокруг перекрасила в свои яркие цвета. Неподалеку от храма зеленел пушистый, как пчелиные лапки, клевер, но стебли его у оснований были молочно-белыми. А у самой монастырской ограды кустарник, высаженный мартвильскими старцами, был усыпан фиолетовыми цветами — они во множестве появлялись в эту пору осеннего созревания. Они — эти цветы — были чем-то похожи на мерендеру, которая появляется на склонах Мартвильской горы с самой ранней весны, высовывая из-под снега свои фиолетовые головки. На склонах Мартвильской горы вообще много цветов почти во все времена года — едва только сойдет снег, как все вокруг покрывается фиалками, и только здесь, у Мартвильской возвышенности, можно видеть такое море белого мака.

Поросшая плющом монастырская ограда была похожа на мангал, потому что цветы его рдели, как пылающие угли.

Радуюсь этим дорогам ему с детства картина осеннего пиршества природы, князь Нико въехал во двор монастыря, спешился и, сделав несколько шагов, остановился почти у самых дверей храма — им снова овладело то странное ощущение, которое так испугало его минувшей ночью у родника Екатерины. Но как и вчера, стыдя себя за нерешительность и глупые страхи, он заставил себя войти в храм.

Горели свечи в высоких шандалах, но они не могли побороть пугающую тьму, и Нико вспомнил слова Руставели: «Страх рождает любовь». А ведь верно — я всегда боялся матери, боялся и безмерно любил ее, а понять этого не могу: как это страх и любовь могут в таких случаях жить вместе, словно они близнецы. Да что я — моей покойной матушки побаивалась вся Мегрелия. И все-таки ее уважали, считали с ней не только в Грузии, но и при императорском дворе — боялись и любили. Опять, значит, страх в обнимку с любовью. А кто посчитается со мной? Кто убьется меня?

Нико подумал о том, что матушка не похвалила бы его за такие унылые мысли. Она сердито отчитала бы за них сына. «Не забывай, Нико, — сказала бы она, — что человек всегда стоит на грани света и тьмы. Достаточно ему чуть-чуть отступиться, как его душу безвозвратно поглотит тьма. А я не хочу, сын мой, чтобы она тебя поглотила. Кто будет продолжать наше дело? Я молю тебя, не робей и отважно сражайся за жизнь».

Нико подошел к могиле Екатерины. Теплились, должно быть, совсем недавно зажженные свечи, и на надгробной плите лежали свежие цветы. И снова страх овладел князем, больно сжалось сердце, перехватило дыхание, и Нико даже обрадовался, когда увидел стоящего чуть поодаль от могилы дьякона Зосиме.

— Выйдем отсюда, отец Зосиме. Я чувствую, что задыхаюсь.

— Выйдем, князь, — охотно согласился дьякон и подал Нико руку. — Мне понятна твоя скорбь, Нико. Такую матушку потерять! Для всех нас это невозместимая потеря, и ничто уже не утешит наши сердца. Но именно сейчас, князь, ты должен проявить терпение и спокойствие.

Зосиме еще что-то продолжал говорить тихим голосом, таким тихим, будто боялся нарушить тишину, но князь уже не слушал его. Когда они вышли из храма и дьякон посмотрел на князя — он испугался: ни кровинки в лице, посиневшие губы, и только вздрагивающие ноздри свидетельствовали о сильном волнении.

Нико огляделся и заметил прижавшихся к церковной стене детей. Они с любопытством и даже с некоторым страхом следили за каждым его движением.

— Это вы принесли цветы? — спросил Нико у детей. Те смущенно промолчали, и вместо них ответил дьякон:

— Да, это они, князь.

Каждый вечер, когда дьякон Зосиме начинал в храме заупокойную молитву по усопшей государыне Екатерине, из дома священника Осидзе выбежала маленькая девочка. Она кликала своих друзей, и они, собрав за монастырской стеной букет цветов, клали его на могилу матери Нико.

Князь хотел сказать детям какие-то ласковые слова, но не успел, детишки вдруг сорвались с места и стремглав выбежали за ворота.

— Чьи они? — спросил Нико у дьякона.

— Та, что верховодит ими, дочь священника Осидзе. — ответил дьякон. Князь, думая о чем-то своем, поморщился. Наверно, ему неприятно эту фамилию, решил дьякон и продолжил: — Странная, я вам доложу, девчонка, я ей говорю, кто тебя просит приносит каждый день цветы, да еще с клевером. А ей говори-не говори — все одно.

— Не надо, не запрещайте ей, — вдруг горячо вступился за девочку князь.

Переночевав в монастыре, Дадияни ранним утром отправился к себе в Горди. Опустив поводья, он медленно ехал, любуясь мартвильскими садами и полями. Как все разумно и гармонично в природе, думал князь. Природа не собьется со счета, не перепутает, и вслед за зимой обязательно наступит весна. И в человеческой жизни такой же нерушимый порядок: быстротечная весна, знойное лето, недолгая осень и — зима. Но, может, дети — это наша нескончаемая весна. Им-то и суждено любоваться вместо нас фиалками и подснежниками, которые вырастут здесь на склонах когда-нибудь, в какой-то веселый и счастливый весенний день. Ну что ж! Пусть будет так! Пусть никогда не прекращается этот разумный порядок. А иначе и жить не интересно.

\* \* \*

Нико Дадияни торопился в Петербург. С этой поездкой к императорскому двору он связывал все свои надежды на возвращение ему мегрельского трона. Там, в северной столице, он попытается во что бы то ни стало повернуть колесо своей судьбы.

Ехать, как можно быстрее ехать! И все же придется задержаться в Мегрелии до сороковин — он обязан как следует почтить пышными поминками память матушки.

Саломе и Андро тоже принимали участие в подготовке к сороковинам, но самые большие заботы и труды выпали на долю Нико. Поминки по Екатерине ее дети устроили во дворе Мартвильского монастыря, затем вся семья вернулась в Горди, где еще раз оплакали покойницу.

Андро в тот же день отправился в Италию, он был советником русского посольства в Риме. В то время Андро уже серьезно занимался шахматами и участвовал в европейских турнирах. Его ничуть не волновала судьба утерянного отцовского трона, это дело Нико, пусть он и ломает копыя.

Саломе же задержалась в Горди еще на несколько дней, поскольку решила поговорить с Нико до отъезда его в Петербург о разделе материнских драгоценностей.

— Значит, послезавтра ты уже уезжаешь в Петербург? — спросила она брата.

— Да, думаю, что послезавтра. Если, конечно, управляющий не подведет и достанет денег на дорогу.

— Достанет, — усмехнулась Саломе. — Говорят, ты уже и сергийские земли продал.

— А что мне делать? Ты же сама видишь, что на нас все беды валятся. Ни княжества у меня, ни денег, ни даже доходной должности. Ничего! Хоть волком вой — так не везет. Если на этот раз император не смилостивится, мне одно останется — на паперть с протянутой рукой.

— Тебе, конечно, не весело, Нико, понимаю. Но ты и в наше положение войди. Оно, уверяю тебя, в сто раз хуже твоего. Видно, дьявол нас попутал, когда мы начали строить дом в Чгадуаши. А все почему? Чтобы оставить материнский дворец тебе. Все, что было, мы потратили на этот дом. До копейки. А теперь и в долги залезли. А на что нам надеяться? — Саломе испытующе посмотрела брату в глаза. — Разве что на матушкины драгоценности, — продолжала она. — Но ты так торопишься в Петербург, что, наверное, не захочешь заняться сейчас их разделом. Наша несчастная матушка так и не успела оставить завещание и распорядиться своими драгоценностями.

Нико молчал с таким видом, словно и не слышал, о чем говорит ему Саломе. Но она не отступала.

— Когда же мы все-таки решим дело с матушкиной сокровищницей? Скажи мне, Нико? Я же должна знать. Должна.

— О каком дележе ты болтаешь, Саломе? — резко оборвал сестру князь. — Наследник я, и никто иной, ты слышишь, никто иной не имеет никаких прав на наследство. Я повторяю — я наследник всего, что оставили отец и мать. А ты замужем, ты свое получила, когда выходила за Мюрата.

— Ну и что ж, что замужем! Что ты мелешь, Нико? Разве мне не принадлежит часть материнского наследства? Кто, скажи, кто отменил мое законное право на него?

— Не обижайся, сестра, но я должен тебе напомнить, что к твоему приданому матушка прибавила немало и моего имущества. Или ты забыла об этом? Мне до сих пор казалось, что приданое и есть твоя доля родительского наследства. А матушка на приданое не поскупилась — ты и Мюрат получили больше, чем вам полагалось.

— Больше чем полагалось? — возмутилась Саломе. — Что ты имеешь в виду, князь Нико Мегрельский?

— Салхино и часть Зугдидского поместья, дорогая сестра. Разве вы не используете эти земли, разве они не приносят вам доходы? Вот о какой доле я говорю, мадам.

— Нет, дорогой Нико. Это — отцовское наследство. И каждый из нас получил свою долю. Я говорю о личной собственности нашей матери.

— О какой личной собственности ты говоришь? Одумайся, — сказал Нико. — И еще подумай о том, из чьего кармана тратились деньги на похороны, помини и сороковины. Ты хоть копейку дала на это?

— Пожалуйста, давай разложим эти расходы поровну — на тебя, на меня и на Андро. Но матушкины драгоценности — это в сто раз больше. Где же твоя справедливость, князь Мегрельский?

Кто знает, как далеко зашли бы в этом нештучном споре брат и сестра, если бы в кабинет князя не вошел управляющий Арчил.

— Хорошо, мы еще посмотрим, на чьей стороне правда, — с угрозой сказала Саломе и вышла, хлопнув дверью.

Час спустя она уехала к себе в поместье.

Через несколько дней Нико с женой тоже покинули Горди.

В Петербурге князя Нико Мегрельского приняли хорошо, оказали всяческие почести и надавали с три короба обещаний, и все же беспокойство не покидало Нико: он тосковал по оставленной родине, по родной Мегрелии.

Вообразая себя рыцарем, он все же мечтал о сражениях за свои права на мегрельский трон и потому пошел даже на тайную встречу с живущими в Петербурге Багратиони. Понаторевшие в политике, а вернее, в политических интригах царевичи не без интереса ознакомились с замыслами Нико, дали ему немало, надо сказать, подстрекательских советов. Нико наивно поверил в то, что эти люди способны поднять весь народ и возродить семизнаменную багратионовскую Грузию. Верил Нико и в то, что император не ведает, что творят в Грузии его чиновники, раздирая на части и обрекая на гибель страну.

Находясь при петербургском дворе в ожидании императорских милостей, князь Нико Мегрельский как-то получил письмо от Василия Мачабели. Известный общественный деятель Василий Мачабели по поручению председателя Общества по распространению грамотности среди грузин просил князя передать обществу знаменитое дадиановское собрание рукописей и книг.

Нико, хотевший прослыть истинным патриотом, в тот же день ответил Мачабели: «Князь Василий! Я давно вынашиваю мечту все рукописи и книги, касающиеся истории, географии, литературы Грузии или одной из областей нашей родины, передать нашему Обществу по распространению грамотности, которое, без сомнения, имеет материальные возможности принести этим пользу нашему народу значительно большую, чем частное лицо. Но по разным причинам это мое желание до сегодняшнего дня оставалось неосуществимым. А сейчас прошу вас передать от моего имени правлению вышеупомянутого Общества, что я отдал распоряжение дворянину Константину Давидовичу Нижарадзе доставить всю мою библиотеку в город Тбилиси, к редактору «Дрозба», где уполномоченные Обществом лица смогут принять такие книги, которые они усмотрят полезными и нужными.

Если с помощью этого моего дара Общество принесет какую-либо пользу нашей родине, я сочту себя счастливым.

Уважающий вас князь Мегрелии Николоз.  
28 февраля 1885 г., Петербург».

19 марта 1885 года газета «Дрозба» опубликовала передовую статью под броским заголовком: «Поистине царский подарок».

«Человеку всегда трудно жертвовать тем, что накапливалось многими поколениями его семьи, теми сокровищами, которые достались ему от предков, как самое дорогое наследство. Таким сокровищем были для мегрельских правителей те самые рукописи и книги, которые нынешний князь Мегрелии щедро пожертвовал Обществу по распространению грамотности. Такое решение он не мог

бы принять, если бы отчетливо не понимал разницы между моим и нашим, между личным и общественным. Мы вправе были ждать подобного поступка от князя Мегрелии, как от лица сознательного и просвещенного. Будем надеяться, что этот пример хотя бы теперь приведет в чувство некоторых людей, в чьих руках как бесценные книги превращаются в пыль, людей, которые не хотят открыть свои сокровища обществу. Может, сейчас проснется у обладателей наших древних книг и предметов желание собрать все эти национальные реликвии в одном месте — чтобы сохранились они для внуков и правнуков.

Собранные воедино древние рукописи требуют от Общества по распространению грамотности особой осторожности и бдительности, энергии и распорядительности, чтобы уберечь эту национальную сокровищницу от угрозы и пожара. В данный момент Общество по распространению грамотности должно позаботиться о соответствующем здании, в котором наши реликвии будут обеспечены должным уходом.

К этой на редкость приятной вести надо прибавить и то, что мы имеем каталог дадиановской библиотеки, который несколько лет тому назад по просьбе мегрельского правителя был составлен Акакием Церетели».

В течение почти двух лет «Дрозба» и «Иверия» публиковали на своих страницах различные отклики по поводу дара, сделанного Нико Дадиани.

### 22 марта 1885 г., «Дрозба»:

«Сегодня, в пятницу, в Мегрелию отправились уполномоченные Обществом по распространению грамотности лица для принятия от мегрельского князя подаренной им библиотеки. В состав этой комиссии входят: Илья Чавчавадзе (председатель), Давид Эристави, Иона Меунаргия, Васо Мачабели, Григол Кишидзе и Самсон Кипиани».

### 6 апреля 1885 г., «Дрозба»:

«Уполномоченные Общества по распространению грамотности, ездившие в Мегрелию для принятия от мегрельского князя подаренной им библиотеки, уже вернулись в Тбилиси и привезли с собой всю дадиановскую библиотеку. Она состоит из 179 томов, среди которых множество бесценных рукописей, в том числе X и XI веков».

### 23 апреля 1885 г., «Дрозба»:

(Из статьи историка Дмитрия Бакрадзе «Библиотека князя Николоза Мегрельского»).

«Подробный отчет о библиотеке мы откладываем на другое время, а я лишь пользуюсь сейчас случаем, чтобы выразить от имени всей Грузии и грузинской археологии сердечную благодарность князю Николаю за передачу нашим ученым своей сокровищницы... Мы не сомневаемся, что примеру Мегрелии последуют и другие. И это подтверждено тем, что Григол Давидович Гуриели подарил Обществу по распространению грамотности драгоценную рукопись XI века».

### 1 июля 1886 г., «Иверия»:

(Из статьи священника П. Карабелашвили «Записанные на пергаменте песнопения IX века»).

«В сентябре минувшего, 1885 года в Тбилиси заседала под председательством Д. Бакрадзе комиссия в составе г. г. Н. Мтварелишвили и Т. Жордания для составления каталога тех книг, которые пожертвовал Обществу по распространению знаний сын мегрельского правителя. Среди этих книг значится названная выше книга, рассмотреть которую мне было поручено комиссией. Эта рукопись — такое изумительное сокровище грузинской словесности и истории грузинской церкви, в частности, каких не так уж много у нас в стране. Только благодаря счастливому случаю она сохранилась. Одним лишь этим подарком сын мегрельского правителя уже заслужил всеобщее уважение. Рукопись эта особенно дорога нам вот чем: историческими библиографическими примечаниями числом 21 и самими нотными знаками, которыми записаны песнопения.

Правда, сохранилась всего лишь половина рукописи, но даже в таком виде она замечательна».

Много и других статей, рассказывающих о подарке князя Нико, было напечатано в грузинской и русской прессе. Имя князя Нико становилось все более

популярным. 2 июня 1885 года «Дрозба» сообщала, что «...общее собрание членов Общества по распространению грамотности среди грузин единогласно избрало князя Николоза Мегрельского почетным членом и Председатель сообщил ему об этом в Петербург телеграммой. В ответной телеграмме князь Нико написал: «Моем давним желанием было видеть, что среди грузин распространяется грамотность. И так как я вижу, с какой энергией Общество выполняет свою святую обязанность, я считаю себя счастливым отныне принадлежать ему и по мере сил своих способствовать его деятельности. Прошу вас, многоуважаемый господин Председатель, передать Обществу мою сердечную благодарность за ту высокую честь, которую оно мне оказало. Князь Мегрельский».

11 августа 1885 года газета «Дрозба» писала: «В скором времени перед оберпрокурором Святейшего Синода Победоносцевым предстанет депутация Закавказья (академик Д. И. Чубинашвили, князь Н. Д. Мегрельский и князь И. А. Накашидзе), которой доверено от имени дворянства Каргли—Кахети—Имерети ходатайствовать о возвращении грузинам Иверийского Афонского монастыря».

Идея сосредоточить в Тбилиси все еще сохранившиеся древние грузинские рукописи и реликвии принадлежала Илье Чавчавадзе, и он был особенно рад щедрому подарку князя Мегрельского. Илье Чавчавадзе уже давно было известно, что в библиотеке дадиановского дворца хранятся редчайшие рукописи, и, имея целью познакомиться с ними, он дважды ездил в Мегрелию, не считаясь ни с состоянием своего здоровья, ни с препятствиями, которые ему чинили. И когда князь Нико сообщил о своем решении передать библиотеку Обществу, Илье сам отправился за нею и успокоился лишь тогда, когда она в полном порядке была доставлена в Тбилиси. Правда, тут возникли у Ильи Чавчавадзе новые заботы — уберечь рукописи от любой случайности, могущей погасить этот светоч духовной культуры грузинского народа. Илье принялся изыскивать средства для постройки здания-хранилища. Возглавляя Общество по распространению грамотности среди грузин и Грузинский дворянский банк, Илье намеревался использовать их для выполнения этой благородной задачи.

Жившему в Петербурге князю Нико становилось все труднее следить за состоянием своих мегрельских поместий, и они начали приходить в упадок, давая все меньше и меньше доходов. Это злило князя. Но еще больше раздражало Нико отношение петербургского двора — его там ласкали, ему оказывали всяческие почести, но Нико ясно понимал, что этим его, искателя мегрельского трона, хотят просто-напросто успокоить и приручить. По мнению Нико, для той же цели ему посулили болгарский княжеский трон.

О новом претенденте на болгарский трон в Петербурге говорили уже совершенно открыто, и русские газеты разных направлений стали печатать биографию и портреты Нико Дадиани. Был момент, когда Нико и сам вдруг всерьез поверил в эту шумную кампанию и несколько воспрял духом. Тесть Нико, министр императорского двора, друг детства Александра II, граф Адлерберг подтверждал намерения русского правительства дать наследнику мегрельского престола болгарскую корону: «Не сегодня-завтра тебя обязательно посадят на княжеский трон Болгарии, и я уверен, что ты своей мудрой политикой прославишь нас, — говорит он Нико. — Только не забывай, что Турция по-прежнему зарится на Болгарию. Двести лет господствовали турки в этой стране, а сейчас Россия выгнала их. Не думаю, чтобы турки с этим примирились — они будут ждать удобного случая, чтобы вернуть себе болгарские земли». «Турцию я хорошо знаю, — сказал тестю Нико. — Она враг и моей Мегрелии. Мне никогда не забыть ее коварства. Они отравили жизнь отцу моему и матушке, эти нечестивцы, и мой долг отомстить им за мою родину. Мне бы только хотелось получить возможность, и я уж воздам им должное. Они пролили немало крови в Болгарии, Грузии и Армении, и уж большего врага, чем я, Турция иметь не будет».

Беседу Нико с тестем прервал офицер, сообщивший, что император приглашает к себе князя Мегрельского.

Александр III принял Дадиани весьма приветливо.

— Большое доверие мы тебе оказываем, большое. Шутка ли — Болгария. Верю — ты оправдаешь наши надежды, — сказал император, положив руку на плечо князя Нико. Князь Дадиани молча приложился к руке самодержца Российского. Александр III повел князя в залу, где давался обед дипломатическому корпусу. Император официально представил собравшимся князя Нико как кандидата на болгарский княжеский трон: — Господа, вот тот человек, которого Россия желает видеть на болгарском престоле. Он потомок грузинских царей, просвещенный и уважаемый князь, воспитывавшийся при дворе моего отца.

Эти слова Александра III были встречены одобрительными возгласами и аплодисментами. Российские вельможи и послы иностранных держав поздравляли князя Нико Дадиани, поднимая в его честь бокалы с шампанским.

Слова Александра III, сказанные на этом обеде, разнеслись вскоре по всей империи. Нико Дадияни вновь оказался в центре внимания. Русская и иностранная печать посвятили множество корреспонденций и статей кандидату на болгарский престол.

Само собой разумеется, что весть эта не замедлила докатиться до Грузии. Уже в ноябре появилось в газете «Иверия» сообщение о том, что «Россия действительно решила выдвинуть мегрельского князя Николоза в болгарские князья». Вслед за этим сообщением уже в каждом из последующих номеров газеты печатались сообщения из Англии, Австрии, Турции и других государств по этому поводу.

«Весть о том, что князь Николоз назван кандидатом на трон Болгарского княжества была встречена нами с удовлетворением, — писала «Иверия», — князь Николоз, зять Адлерберга, российский министра, потомок славного и древнего грузинского рода, он именно тот человек, который вполне соответствует интересам России и не уронит ее достоинства».

В конце этого сообщения «Иверия» все же спрашивает: «Согласится ли Дадияни на это предложение русского императора?»

В делах болгарских в ту пору царила полная неразбериха. Слишком много было у нее врагов внешних, да и внутри страны не было ни спокойствия, ни единства. Поэтому принцы, которым предлагали болгарскую корону, не очень-то спешили воспользоваться этим предложением. А мировая пресса, конечно, живо обсуждала эту проблему.

В «Иверии» в номере от 16 ноября появилась телеграмма из Берлина о том, что распространились слухи, «будто мегрельский князь уже дал согласие княжить в Болгарии». Тогда же в «Иверии» появилась уже напечатанная во многих других газетах статья барона Зутнера. Барон вспоминал то время, когда он находился в Мегрелии, бывал в семье Дадияни и сдружился с князем Нико. «Если Россия решила венчать голову мегрельского князя болгарской короной — то это решение объясняется не только политическими соображениями России, а еще и тем, что Россия хочет подтвердить свое уважение семье блистательного князя».

Затем в статье барона Зутнера дается подробное жизнеописание Екатерины Чавчавадзе, Давида Дадияни и их детей. Особенно много места Зутнер уделяет характеристике Нико. Князь Нико, по словам Зутнера, человек добропорядочный, талантливый и хорошо образованный. Образование он получил в Петербурге и в Париже. Весьма ошибаются те, кто считает князя Николоза «восточным принцем».

«Лето Николоз обычно проводит в Мегрелии, в своей прекрасной вотчине, — писал Зутнер, — где он любит жить как сын природы и истинный мегрелец, и мегрелы с большой любовью относятся к нему и открывают ему свои сердца».

В целом европейская пресса положительно оценивала кандидатуру Дадияни, но появились уже и другие мнения. Австро-Венгрия, например, требовала сначала объединить Болгарию с Восточной Румынией, а затем уже решать вопрос о правителе этого государства. Имели хождение слухи и о том, что русский император предлагал болгарскую корону не только Дадияни, но и другим. Будто вначале она была предложена русскому послу в Берлине графу Шувалову, который от нее отказался.

В номере от 22 ноября «Иверия» писала, что одна «...берлинская газета настойчиво утверждает, будто Россия уже официально назвала мегрельского князя Николоза правителем Болгарии». А 25 ноября «Иверия» посвятила этому вопросу передовую: «Австро-Венгрия и Англия чинят всяческие препятствия избранию князя Болгарии. Первая из них, Австро-Венгрия, желает сначала решить вопрос объединения Румынии и Болгарии, Англия же присматривается к общей обстановке и прислушивается к голосу Турции». Разговор на эту тему в мировой прессе продолжался. Печатались подробные описания, где и как воспитывался князь Нико, как он учился в России, как изучал немецкий язык в Гейдельберге, как жил вместе с матерью в Гамбурге и Висбадене, а также о том, какой он отзывчивый, умный, добрый человек. И что он во всех отношениях достоин болгарской короны.

Илья Чавчавадзе в статье, опубликованной 17 декабря в «Иверии», подробно рассмотрел ситуацию, сложившуюся в связи с выдвижением кандидатуры Нико на болгарский трон. «На болгарский трон ныне имеются две кандидатуры, — писал Чавчавадзе. — Один из претендентов — князь Николоз Мегрельский, другой — принц Кобург-Готский. Сегодня для всех ясно, что кандидатуру князя Мегрельского поддерживают Россия, Германия и Персия, а принца Кобург-Готского — Австро-Венгрия, которая его и выдвигает». Говоря далее о принце Кобург-Готском, Илья Чавчавадзе замечает, кстати, что тот по вероисповеданию ка-

303000000000

толик, и если он желает занять болгарский трон, то сперва должен принять православие. То, что князь Мегрельский православный, дает ему большое преимущество перед принцем-католиком.

В канун нового, 1887 года «Иверия» напечатала письмо из северной столицы, подписанное псевдонимом «Петербуржец». «Вот уже несколько дней, как в Петербурге, — сообщал корреспондент, — повсюду, куда я ни зайду, только и слышу о двух сыновьях Грузин. Один из них — мегрельский князь Николоз Давидович, которого Российское правительство избрало своим кандидатом на болгарский престол. Сейчас весь Петербург говорит об этом. Но говорят в столице и о другом нашем соотечественнике, молодом ученом, профессоре Иване Романовиче Тархншвили, чьи лекции покорили Петербург».

По поводу всех этих событий сам Нико написал 11 января 1887 года Георгию Теймуразовичу Агиашвили следующее:

«Дорогой мой друг Георгий! Благодарю тебя за добрую память, о чем свидетельствует твое письмо. С тех пор как я приехал в Петербург, у меня ни минуты свободного времени, с утра до вечера меня окружают люди, и забот у меня хоть отбавляй.

То, что ты написал мне о моих делах, останется между нами. Сейчас повсюду, во всем мире толкуют о болгарском деле. И если оно даже и выйдет, поверь, я не очень-то стремлюсь взвалить на свои плечи такую ответственность. Но разве это зависит только от моего желания. И если все же придется мне поехать туда, я постараюсь показать себя, ибо Россия, избрав меня, оказывает мне большое доверие. Стараясь не допустить ни одной ошибки, я выполню все пожелания государя императора. К тому же Россия такая могущественная империя, что с ее избранныком шутки плохи. Может, в ближайшее время исполнятся эти мои слова. Мы всегда будем идти по прямому и честному пути, но если кто посмеет помешать России, тот непременно получит пинок.

На Кавказе, наверно, многие удивляются тому, что выдвинули именно мою кандидатуру.

Некоторые наши люди не избрали бы меня даже сельским старостой. А Россия, как видишь, другого мнения обо мне, и за это я всю свою жизнь буду ее покорным слугой и исполнителем ее желаний. Всяк, у кого есть голова на плечах, поймет, что значит государю дать такое обещание частному лицу. Исполнится или не исполнится задуманное дело, для меня все одно это такая награда, больше которой и не бывает на свете.

До встречи или в Горди, или в Варне.

Уважающий вас князь Мегрелии Николоз.

11 января 1887 г., Петербург».

Разумеется, весь шум вокруг кандидата на болгарский престол происходил в так называемых высших кругах тогдашнего общества, простой народ такими делами мало интересовался. Мегрельские крестьяне не могли знать, о чем мечтает и чего так добивается в Петербурге наследник Давида Дадияни. Но они хорошо и за тысячи верст из северной столицы чувствовали его тяжелую княжескую руку. Поскольку хозяйственные дела в поместьях Дадияни шли не ахти как, Нико выместил свои обиды за это на ни в чем не повинных слугах и крестьянах. Наняты им адвокаты и приказчики, словно хищники, набросились на мегрельских земледельцев. Дело заключалось в том, что по высочайшему повелению в частном владении князя Мегрельского остались те земли и то недвижимое имущество, которое принадлежало его предкам не по княжескому праву (то есть не коронные земли и имения), а на правах собственности частного лица.

Как известно, по этому указу Николоз Мегрельский стал просто частным владельцем частного имения, да к тому же объявленного майором. Чтобы не отдать земли и имущества, принадлежавшие ранее дадиановской короне, Нико и нашел дорогих адвокатов, которым платил в год восемь тысяч рублей для ведения тяжбы. Одним из таких адвокатов был Исаак Тер-Степанов — кляузник и проныра, полный презрения к пахарям. Он-то и затеял тяжбу по поводу Квибийской возвышенности в горной Мегрелии. Эти угоды еще Григол Дадияни подарил семье Гегелиа за большие заслуги в войне с турками. Этот дар князя Григола подтверждался соответствующими документами. Тер-Степанов и княжеский управляющий Ахвледияни «усомнились» в подлинности этого документа и представили дело так, будто Григол Дадияни вовсе не дарил Гегелиа эту возвышенность навсегда, а лишь дал ее им во временное пользование. А коли так, то ее пора было вернуть законному владельцу, а именно: князю Нико Дадияни.

Земледельцы из рода Гегелиа, конечно, не могли согласиться с таким произволом, и тогда адвокат и управляющий вызвали стражников. Земледельцев из рода Гегелиа силой изгнали с Квибийской возвышенности.

Дело поступило на рассмотрение Кутаисского суда. Адвокаты перевели дарственную с грузинского на русский язык так, как им было выгодно, и предрешили приговор суда в пользу Нико Дадiani. Гегелиа обратились к Димитрию Туманишвили, знатоку обоих языков, который сразу же обнаружил подлог и возбудил против Тер-Степанова судебное дело. Туманишвили привлек к этому процессу таких известных людей, как Рафаэл Эристави, Якоб Гогешвили, Михо Джанашвили, и попросил их объяснить суду, насколько перевод соответствует оригиналу дарственного документа. В «Дрозба» были опубликованы статьи Джанашвили, Гогешвили и Эристави, которые доказывали, что согласно дарственному документу Квибийская возвышенность действительно принадлежит земледельцам из рода Гегелиа. Тогда ловчили Тер-Степанов и Ахвледiani сумели каким-то образом заполучить подлинник дарственной и объявили его пропавшим. Проделки адвокатов возмутили многих честных людей. Вскоре в газете «Кавказ» появилась пространная статья Дмитрия Бакрадзе «Несколько слов о научной экспертизе». Дело о Квибийской возвышенности получило такую огласку, что его перенесли для рассмотрения в Тбилисскую судебную палату. «На сегодня, 11 ноября, — сообщала «Дрозба», — в Тбилисской судебной палате назначено слушание очень интересного дела по спору между князем Мегрельским и семьей Гегелиа из-за Квибийской возвышенности, о которой на днях уже велся в нашей газете весьма подробный разговор».

Князь Мегрельский проиграл это дело, однако, по совету своих адвокатов, с решением Тбилисской судебной палаты не согласился и продолжал извлекать доходы с Квибийской возвышенности.

Но и это не помогло князю Нико — имения его все более и более приходили в упадок.

Еще в 1876 году Дадiani вынуждены были значительную часть своих земельных угодий сдать в аренду. Однажды в «Дрозба» промелькнуло сообщение о том, что князь Мегрельский намеревается сдать половину своей земли в аренду на тридцать шесть лет строителям потийского порта В. У. Флокенгу и Вахметьеву. Арендаторы должны якобы выплачивать князю по сто тысяч рублей ежегодно.

Дадiani жили широко, никаких доходов с поместий не хватало, и князь Нико пускался на всякие ухищрения, чтобы выжать из крестьян последние соки. Еще в 1883 году один колобанский крестьянин написал в газету «Шрома» письмо, жалуясь на действия каких-то людей, которые от имени князя Мегрельского потребовали от него дополнительной платы за взятую у князя в аренду землю. Это письмо обсуждалось на страницах и других грузинских газет, и так широко, что князь Нико был вынужден дать объяснение в печати. Правда, весьма туманное и уклончивое: «Господин редактор! Ходят слухи, будто я не допускаю к себе жалобщиков и просителей. Дверь моего дома всегда открыта для них. Они могут также и написать мне.

Уважающий вас князь Мегрельский.

27 мая, Петербург».

Нико Дадiani был среди тех, кто подписал проект Земельного банка и считался одним из его основателей и потому пользовался немалыми привилегиями. Но князю они казались далеко недостаточными, а крестьянам, наоборот, непомерно большими, и на этой почве возникали бесконечные споры и тяжбы между крупным помещиком князем Мегрельским и безземельным мегрельским крестьянством.

Дело дошло до того, что князь Нико Мегрельский подал в суд на своего бывшего опекуна Димитрия Кипиани. «9 апреля Тбилисский окружной суд, — писала «Дрозба», — рассмотрел весьма интересное дело, возбужденное по просьбе господина Н. Мегрельского (бывшего правителя Мегрелии Дадiani). Господин Н. Мегрельский через своего адвоката господина Полторацкого предъявил иск господину Д. Кипиани на сумму 122.867 рублей 14 копеек, которые тот, будучи опекуном несовершеннолетнего князя, якобы присвоил себе».

В суде дело было решено в пользу Д. Кипиани, который предъявил неопровержимые оправдательные документы. Но факт остается фактом.

Наследник владельца Мегрелии попытался сорвать что только можно и с ближних, и с дальних, лишь бы избежать полного краха. Однако история давно обрела этого наследника уже несуществующего престола. Все надежды Нико были связаны с обещанием императора посадить его на болгарский трон. Этой надеждой в обстановке газетной и светской шумихи, поднятой вокруг «болгарского дела», Нико жил почти год. Но все кончилось тем, что болгарским правителем был избран австрийский принц Фердинанд Кобургский. Это было весьма серьезное поражение царской дипломатии на Балканах. А для Нико Мегрельского оно стало почти катастрофой. Оставаться в Петербурге уже не имело смысла, надо было ехать домой в свое поместье.





16.03.2010 10:33

\* \* \*

Мрачный, павший духом, Нико Дадзиани вернулся в Мегрелию. Некоторое время он никого не принимал и не проявлял никакого интереса к тому, что происходит за стенами дворца. Но жизнь тысячами забот сама вторгалась в его уединение. И как только он начал действовать и общаться с людьми, в грузинской прессе вновь замелькало его имя. То оно упоминалось в связи с благотворительными делами, то в связи с какими-то спорами и тяжбами.

В свое время Нико Дадзиани объявил территорию города Зугдиди своей личной собственностью. Дворец с парком в сто кцева<sup>1</sup> были обнесены стеной. Но и в остальной части города князь никому не позволял вновь селиться или вновь строиться. И потому Зугдиди быстро пришел в упадок. Недовольные этим купцы подали на князя жалобу, требуя, чтобы он если не бесплатно, то хотя бы за деньги уступил заинтересованным лицам земельные участки в черте города.

В 1888 году Нико Дадзиани распродавал территорию города по частям купцам и мещанам, взяв за это большие деньги. Город сразу ожил. Дела Нико поправились, но в семье его все еще было худо — мир между детьми Екатерины так и не наступил, и разногласиям не было видно конца.

Саломе Мюрат по-прежнему была обижена на старшего брата и то и дело жаловалась на него родственникам и близким знакомым, обвиняя его в том, что он все оставленное матерью наследство взял себе и ничегошеньки ей не дал. В письме к брату Андро она так написала о старшем их братце:

«На что это похоже, все движимое и недвижимое имущество в Зугдиди, Горди, Салхино и Абастумани он присвоил себе и даже близко не подпускает нас к ним. Разве можно все это терпеть? Приезжай, брат, оставь свои чертовы шахматы и хоть немного позаботься о своем благосостоянии. Ты же видишь — он все у нас отнимает. Приезжай и помоги мне, иначе никто нам не поможет. Нико по наущению своей жены Мери сейчас хочет до нитки нас обоборать. Он говорит, что император и наша матушка все имущество за ним одним утвердили, а вам, мол, и того хватит, что тогда вам по восемь тысяч рублей положили в карман. Этим, мол, мы полностью рассчитались с вами, так что же вы еще требуете, говорит он. Надеюсь, ты понимаешь, Андро, что наш старший братец сейчас уже и вовсе потерял совесть. Так и знай, что все это козни нашей проклятой невестки, она внушает нашему брату поступать с нами так бессердечно. Нет, сам, по своей воле он не позволил бы себе такого.

Я написала им обоим письмо, обругала, никого из них не пощадила. Ответа пока нет, но я заранее знаю — ничего из этого не выйдет.

Приезжай, помоги. Если он по доброй воле не отдаст нам наше, то есть ведь на свете закон и справедливость. Приезжай домой, иначе у меня сердце разорвется».

Это было не единственное письмо такого рода, Саломе часто писала Андро, не скупясь на ругательства в адрес Нико и его жены. Но делу это не помогало — Нико не обращал никакого внимания на ругань и жалобы сестры, а жена его Мери грозилась, правда, проучить клеветницу, но тоже ничего не предпринимала, а лишь проклинала золовку.

Некоторые родственники тоже сочли своим долгом вмешаться в эту семейную распрю детей Екатерины.

Но князь Нико отмахнулся от их советов. Тогда в семейный спор вмешалась пресса, и 5 сентября 1889 года на первой полосе «Иверии» среди наиболее важных новостей была напечатана такая заметка: «Наша общественность, вероятно, осведомлена о том, что уже около семи лет, а возможно, и больше, идет спор между членами древнейшей и богатейшей грузинской семьи — князем Мегрельским Николозом и его сестрой принцессой Саломе Мюрат. Дело в том, что покойная правительница Мегрелии Екатерина Александровна Дадзиани, которая скончалась в 1882 году, оставила огромное состояние. Только движимого имущества — драгоценных камней, золота, серебра, платины оставлено по оценке принцессы Мюрат не менее чем на шестьсот тысяч рублей. Именно из-за этого движимого имущества и возник спор между братом и сестрой, и за эти семь лет они никак не могут прийти к соглашению. Как и всякий семейный спор, и этот спор повлек за собой множество неприятностей и кривотолков. И кто знает, как далеко зашла бы эта вражда, если бы князь Мегрельский не поручил дело присяжному поверенному господину В. Г. Мачабели, который недавно закончил всю эту многолетнюю тяжбу примирением сторон. В силу принятого соглашения князь Николоз уступил своей сестре принцессе Мюрат поместья в Зугдиди и Салипартано, а остальные поместья и движимое имущество князь оставил себе.

<sup>1</sup> Кцева — грузинская мера, равная 900 кв. саженей, или 2,5 гектара.

Это соглашение на днях было утверждено в нотариальном порядке».

Странно, но это соглашение между Нико и Саломе по-прежнему оставило ни с чем их брата Андро, который разъезжал по европейским странам, развлекался игрой в шахматы и не интересовался никакими семейными делами.

В натуре Нико Дадяни удивительно сосуществовали два разных характера — жестокость крепостника и тяга к благотворительности. В селении Горди, где находилась одна из дадиановских резиденций, 13 мая 1890 года дотла сгорела школа. На другой день после пожара к Нико Мегрельскому пришла учительская депутация. Нико обещал помочь. И вот 22 июня 1890 года в «Иверии» появилась заметка учителя гордской школы Гобечиа, который сообщал, что князь Мегрельский нанял за свой счет помещение, где продолжают учебу гордские школьники. Кроме того, князь дал строительный материал для возведения нового школьного здания.

Та же «Иверия» писала и о другом благотворительном акте князя Нико — в своем гордском дворце он открыл бесплатную аптеку для местных жителей.

Газета «Квали» в 1891 году сообщала о намерении князя Николоза Мегрельского построить американскую фабрику по производству ситца: «...Если князь Мегрельский доведет это дело до конца, то оно будет иметь огромное значение для нашей промышленности. Надо надеяться, что, поскольку в Европе рабочие работают по восемь часов в день, у нас будет заведен такой же порядок... Что же касается спроса на ситец, то не только американская фабрика будет давать у нас прибыль, но и если найдется наш земляк, открывающий бумажную фабрику, то и она принесет крупный доход».

К князю нередко обращались с такими, например, проектами: «Уважаемый князь Николоз Давидович. Заранее прошу прощения за то, что позволяю себе обратиться к вам, но я надеюсь, что, поняв мои побуждения и обстоятельства, вы простите меня за причиненное беспокойство. Вот уже год как в Тбилиси существует неофициальный маленький кружок, поставивший себе целью записать грузинские церковные песнопения и издать эти ноты. Кружок существует и действует, в Гурию послан Филимон Коридзе, который записал там песнопения превосходного исполнителя Антона Думбадзе, однако это благородное дело затягивается из-за отсутствия необходимых средств».

Мы обращаемся к вам, светлейший князь Николоз, — помогите нам сохранить для мира те песнопения, с которыми обращались наши предки-грузины к Создателю.

Мы давно наблюдаем за вашей деятельностью. Ваш дар грузинской библиотеке и ваша помощь сенакской школе — большая услуга нашей стране, которая никогда этого не забудет. Но в возведенном вами храме молящимся нужны песнопения, и это является сильнейшим побуждением нашим обратиться к щедрости светлейшего князя Николоза... Посылаем вам номер газеты «Иверия», в котором сказано несколько слов о наших церковных песнопениях. Пожертвование мы поручаем принять от нас врачу Поликарпэ Ивановичу Чхиквишвили, подалу сего письма.

Ваш покорный слуга Аристовле Васильевич Кутателадзе.

10 июля 1894 года».

Спустя год в газете «Дрозба» было напечатано письмо представителей обществности города Зугдиди, в котором они просили князя Мегрельского ходатайствовать перед правительством о постройке железной дороги, которая соединила бы Зугдиди с портовым городом Поти. «Часть расходов мы возьмем на себя, — писали зугдидцы, — и даже уже приступили к сбору денег». Вслед за этим письмом появилась заметка в газете «Иверия»: «Князь Н. Д. Мегрельский сейчас ведет переговоры с некоторыми крупными банкирами и промышленниками России, чтобы они на свои средства проложили железнодорожную ветку между Зугдиди и Поти, а также занялись бы осушением и очисткой болот».

На первой странице одного из номеров газеты «Квали» за апрель 1896 года был напечатан портрет Нико Дадяни в военной форме. Рядом с портретом шла статья: «Николоз Давидович, князь Мегрельский, родился 4 января 1847 года и российский императором был наречен Николаем. Император пожаловал новорожденному чин поручика лейб-гвардии казачьего полка. В 1853 году, после смерти Давида Дадяни, Николоз был утвержден правителем Мегрелии. В 1856 году, во времена Воронцова, он был произведен во флигель-адъютанты. В 1867 году он уступил свое княжество. В войну 1877 года князь Николоз был при императоре во время перехода через Дунай, затем был в армии, которая преодолела Балканские горы. За мужество и храбрость он был награжден золотой саблей и орденом Владимира с мечами. После отречения принца Баттенберга от болгарского престола князь Мегрелии Николоз был объявлен государем императором кандидатом на болгарский престол. На родине князь Нико проживает в своем имении, проявляя себя как меценат».

Образование князь Николоз получил во Франции. Имея немалый жизненный опыт и щедро одаренный природой, князь Николоз может оставить заметный след в жизни, если пожелает того. Он много жертвует с благотворительной целью, но разговора об этом не любит. Хотя его благотворительность распространяется главным образом на частных лиц, он охотно откликается и на общественные нужды. Он подарил Обществу по распространению грамотности среди грузин свою библиотеку, а сенатская дворянская школа существует благодаря его заботам. Одним словом, не было случая, чтобы он отказал кому-либо в помощи. Он любит повторять мудрую поговорку: «Доброе дело должно быть завязано в тайный узел».

\* \* \*

Человек образованный, начитанный, трезво наблюдающий за всеми зигзагами сложной жизни Российской империи, горячий патриот своей родной страны, готовый для блага ее на любые жертвы, князь Нико в то же самое время был снедаем тщеславной, безумной жадной вернуть себе трон.

Обозначенный бесконечными неудачами на этом пути, одолеваемый тоской, он теперь, страшно устав от суетной жизни, нередко замыкался в себе и, теряя интерес ко всему на свете, становился безвольным и слабым.

Каждый раз, разочаровавшись в Петербурге и разуверившись в добрых намерениях императора, Нико уединялся в своем Горди. Воспоминаниями о прошлом и каждодневными заботами о близких людях и своих поместьях он пытался заглушить и злость, и тоску, и неудовлетворенное тщеславие. И только охота на медведей в дальнем Турчском лесу и охота на женщин в близлежащих местечках и селах по-прежнему радовали его, и на них-то в такие времена он и растрачивал свои незаурядные способности и энергию.

Кровь князей Дадияни подстегивала его честолюбие, и он денно и нощно грезил о короне. И все ж таки в его жилах текла уставшая кровь, слишком древняя и потому уставшая — князь не чувствовал в себе той воли, какая необходима человеку для достижения большой цели, он метался из края в край, ездил в Петербург и Москву, и временами казалось князю, что нет ему места во всей обширной Российской империи. В Петербурге он скучал по Горди, а в Горди томился, начинал тосковать по Петербургу.

Ко всем бедам, свалившимся на искателя трона, добавилась болезнь жены. Их считали прежде великолепной парой — блистательную великосветскую красавицу Мери и князя Мегрельского Нико. Заботы о детях, болезни, а также бесконечные похождения мужа удручали княгиню, и она страдала, дурнела и старела. С годами появилась тяжкая болезнь, Мери так опухла и отяжелела, что уже с трудом передвигалась. Ее много лечили, но помочь не смогли. В конце концов больная женщина смирилась со своей судьбой, перестала обращать внимание на молву о похождениях своего беспутного мужа, а Нико только и надо было, чтобы жена оставила его в покое.

В один из воскресных дней Нико вместе со своим управляющим Арчилем посетил Мартвильский храм. По окончании службы к Нико подошел священник Осидзе и в весьма почтительных выражениях пригласил его к себе домой.

Священник жил тут же, рядом с храмом, в красивом, просторном доме. У калитки их встретила дочь Осидзе, девушка лет восемнадцати, и повела желанных гостей в комнаты.

— О, какая прелесть эта девушка! — шепнул Нико своему управляющему. Арчил нахмурился, и князь, заметив это, спросил:

— Ты что помрачнел? Не понравились тебе мои слова?

— Как вам объяснить, мой господин... Эта девушка моя крестница и... она уже просватана.

— Тем лучше, мой Арчил, тем лучше, — смеясь, сказал Нико.

К гостям вышла жена священника. Нико почтительно поцеловал руку молодой, еще красивой хозяйке. И, конечно, не поспешил на комплименты. Слушая княжеские любезности, хозяйка вся зарделась, однако от ее опытных глаз не укрылось, что Нико то и дело поглядывает на ее дочь. Под конец он настолько смутил нескромными взглядами девушку, что она вдруг поспешно выбежала из комнаты.

Гостей пригласили к столу. Прислуживала им все еще не оправившаяся от смущения хозяйская дочь Ита.

Князь Нико пожелал быть тамадой за этим столом. После того как гости выпили первые тосты, Нико потребовал, чтобы Ита не стояла у стола, как прислужница, а села за него вместе со всеми.

— Рано ей еще сидеть за одним столом со взрослыми, — возразила мать. Но Нико не уступал, и девушку все-таки усадили за стол. Под взглядами подвыпившего князя Ита чувствовала себя неловко и скованно, она то и дело краснела, но убежать во второй раз не решилась.

Нико поднял рог за ее здоровье. Какими только словами не восхвалял там да красоту юной поповны! Мать девушки едва дождалась, пока князь закончит свою чрезмерно затянувшуюся речь, и тут же взглядом приказала дочери Ите. Ита схватила опустевшие кувшины и медленно вышла за дверь. Теперь ей очень хотелось остаться здесь и слушать, долго слушать, как говорит о ней князь, — но матушки послушаться невозможно.

Захмелевший князь каждую минуту спрашивал, где же маленькая хозяйка, куда ее дели. Без Иты, говорил он, веселье не веселье и вино не в радость. Пиршественный стол, по его словам, лишился самого большого украшения.

Неизбалованная, истинное дитя природы, Ита впервые слышала от мужчины такую похвалу своей красоте, и что-то еще неясное самой девушке притягивало ее в ту комнату, где шел пир. Но раз матушка не велит...

Князя рассердил молчаливый отказ хозяйки позвать Иту, он встал и, уже никому не говоря ни слова, сам нашел девушку и за руку привел ее к столу. Хмелея, он все более откровенно и бесцеремонно ухаживал теперь за Итой, и, конечно, отцу и матери это не нравилось, но они не осмеливались упрекнуть в чем-нибудь князя Мегрелии. Тогда эти решил сделать вместо них управляющий Арчил Дадiani. Воспользовавшись тем, что уже сильно опьяневший князь запутался в очередном тосте, Арчил отечески обнял Иту за плечи и увел из столовой. А вернувшись, он сказал князю:

— Нам пора, дорогой Нико, иначе мы и к вечеру не вернемся в Горди.

Но князь и слушать не захотел об этом.

— Я хочу видеть Иту, где Ита? — закричал он гневно. Его и на этот раз не посмели удерживать, когда он направился в комнату девушки. Князь обнял Иту, прижал ее к себе, и девушка испуганно вскрикнула. Священник бросился на помощь дочери, схватил пьяного князя и буквально выволок его из дому. При помощи Арчила он с трудом усадил орущего, буйного во хмелю князя в коляску и, когда та выехала за ворота, облегченно вздохнул.

Проснувшись на следующее утро, князь обрушился на своего управляющего:

— Как вы посмели! Я, князь Мегрелии, снизошел до дочери какого-то жалкого попка... а вы... Вы еще сочили это за оскорбление. Сейчас же, сию минуту притащи сюда этих Осидзе. Я хочу, чтобы они — и поп, и попадья, и поповна — молили меня о прощении.

Он еще долго бранил всю семью Осидзе, так и не вспомнив при этом, что дочь священника Ита была той самой девочкой, которая так трогательно приносила каждый день свежие цветы на могилу его матери, княгини Екатерины.

Управляющий вздохнул, по давнему своему опыту зная, что дело это добром не кончится.

Вечером того дня, когда разбушевавшегося князя увезли из дома Осидзе, дочь священника Ита встретилась на пригорке с Гиви Гегечкори. Это был тот самый юноша, которому Миха Мебуке велел сохранить знамя Уту Микава.

Гиви Гегечкори учился в Тбилисской духовной семинарии, куда его с большим трудом устроил дядя Васо — живущий во Мцхета купец-арендатор. Этот Васо Гегечкори был известен каждому, кто ездил по железной дороге Тбилиси — Потн. Никто и не мыслил себе проехать мимо станции Мцхета, не отведав знаменитых пирожков Васо Гегечкори. Он был добрым человеком, Васо, и заботливо опекал не только своих бедных родственников, но и всякого, кто обращался к нему за помощью, а особенно охотно помогал он тем, кого преследовал царизм, — революционерам. Революционером был и его племянник Гиви. С детства Гиви много читал, учился он очень хорошо, так как был необыкновенно жаден до знаний, но еще превыше этого жаждал он справедливости и свободы, и это, естественно, привело его в кружок молодых революционеров. Кружок этот был зачатком того марксистского кружка, члены которого впоследствии не раз потрясали своей деятельностью устои Российской империи. Гиви Гегечкори вместе с другими революционно настроенными молодыми людьми был недавно исключен из семинарии. В то лето Гиви жил в Мартвили, где вновь встретился с подругой своего детства Итой Осидзе. Они уже давно знали, что любят друг друга. Влюбленные встречались почти каждый вечер, им было что поведать друг другу, и они все никак не могли наговориться. И, конечно, Ита не скрыла от Гиви того, что произошло в тот день в их доме. И как оскорбительно по отношению к ней вел себя князь Нико. Сбивчивый рассказ девушки необыкновенно взволновал Гиви.

— Ах, негодяи эти Дадiani! — воскликнул Гиви. — Князю Нико недостаточно, что его отец погубил моего отца. Теперь эти Дадiani и у меня хотят отнять мое счастье. Но я с ними еще рассчитаюсь!.. За кровь отца. И за все!

Ита с трудом успокоила возлюбленного. Они условились, что на следующую неделю уедут из Мартвили и тайно обвенчаются. Они уже больше не хотят и не могут жить врозь.

Так они и поступили. В условленный день Ита и Гиви встретились на пригорке и спустились по тропинке к берегу Абаши. Там они нашли брод, сняли башмаки и перешли на ту сторону. Путь их лежал к Бомботской церкви, священником которой был родственник Гиви Гегечкори. Он и обвенчал тайно Иту и Гиви.

\* \* \*

Князь Нико постоянно был в кого-то влюблен. Он считал, что жизнь не удалась, что на троне ему не сидеть, и пытался украсить существование свое любовными похождениями. Бесконечную эту игру в любовь он вел скорее из упрямства, чем из романтических побуждений. Донжуанский список его все время пополнялся.

После неудачи с Итой, которую этот смутьян Гегечкори увел у него прямо из-под носа, князь тут же затеял очередной роман в семье Эки Чичуа, верной подруги своей матери. Прекрасная юная дочь Эки стала жертвой этого сластолюбца.

Дзабули — дочь Давида Чиковани и Эки Чичуа — славилась своей красотой по всей Мегрелии. Многие домогались ее любви, но овдовевшая Эка пока не желала расставаться с дочерью, хотя исподволь присматривала ей жениха — он обязательно должен был быть знатного рода и хорош собой. Таким был, по ее мнению, Отиа Дадияни, недавно вернувшийся на родину после окончания Петербургского университета. Но приглашать в дом одного лишь завидного жениха было неудобно, и Эка устроила обед, на который позвала не только Отиа, но и близкого родственника его князя Нико Мегрельского с супругой.

За обедом Эка держала себя так, словно она по-прежнему была женой управляющего мегрельским двором, а Нико — правителем Мегрелии.

Тамадой, само собой разумеется, стал Нико. Он сразу пришел в хорошее настроение, увидев Дзабули. Приняв бразды правления за столом, Нико стал изощряться в остротах, желая красноречием привлечь к себе внимание девушки. Он нарочно соединил в один тосты за Дзабули и Отиа и, воспевав на высокой ноте их достоинство, поцеловал Отиа в щеку и приложился к руке Дзабули. От Нико не ускользнуло явное смущение девушки, и он, как говорится, наматал это себе на ус. Тост следовал за тостом, пир все разгорался, и Нико удалось так незаметно для всех приручить Дзабули, что вскоре она каким-то непонятным образом оказалась рядом и, потупившись, выслушивала его горячий шепот.

Эка страшно обиделась на Нико — вот уж не думала она, что сын ее подруги и благодетельницы так неблагородно поведет себя в ее доме.

А Нико было совершенно безразлично, что думают о нем и Эка, и все другие, — ему все больше и больше нравилась Дзабули, и князь Мегрельский смотрел на нее глазами владыки, как на свою неотъемлемую собственность.

Дзабули не осталась равнодушной к ухаживаниям князя, ее волновали ласковые слова, которые он ей нашептывал. Правда, наступил момент, когда ей волей-неволей пришлось чуть отодвинуться от слишком уж осмелевшего князя. И тут Эка решила вступить за дочь и положить конец ухаживаниям Нико. Эка подошла к князю и не очень громко, но решительно сказала:

— Мне кажется, князь, что вы по ошибке приняли мою дочь за какую-то другую девушку. Я осмелюсь просить вас, князь Нико, ведите себя достойно. Ну, а если вы не посчитаетесь с моей просьбой, тогда уж извините...

Нико растерялся, он просто не ожидал, что в доме Эки его так обрежут. А кто она? Мелкая дворянка, бывшая прислужница матери. Нет, он не унижится до объяснения с этой женщиной, решил князь и, не сказав ни слова, вышел прочь.

Прошло какое-то время, и Нико уже в доме сестры, в новом дворце Мюратов, встретился с Дзабули. Она была прекрасней всех женщин, которые собрались в этот день, и Нико окончательно потерял голову. Ему стоило немало сил держаться так, будто он не замечает Эку и ее дочь. Но Саломе попыталась примирить их — пусть забудут все старые обиды. И Эка сделала шаг к примирению.

— Нехорошо у нас тогда получилось, князь, — мягко сказала она, — поверьте, я сожалею об этом.

Нико безмерно обрадовался тому, что конфликт улажен и теперь он вновь может наслаждаться обществом прелестной Дзабули.

Через некоторое время Дзабули вышла замуж за двоюродного брата Нико Отиа Дадияни. Тотчас же после свадьбы Отиа пришлось отправиться на турецкий фронт. Там он был ранен, и его привезли домой в тяжелом состоянии. Беременная Дзабули почти три месяца не отходила от его постели. Молодая женщина так измучилась за это время, что сама занемогла и потеряла ребенка. Дзабули тяжело переживала эту потерю. Хотя она и вырвала мужа из лап смер-

ти, он все же оставался инвалидом. Другого ребенка от него у нее уже не будет. Это она понимала. И кроме того, ей было теперь очень трудно с мужем — болезненный, нервный, Отиа раздражался из-за каждого пустяка и иной раз становился просто невыносимым. Дзабули молча, в одиночестве страдала от всего этого — кому ей жаловаться на мужа, а тем более, кому расскажешь о гложущей ее тоске по материнству. Жизнь казалась теперь этой молодой цветущей женщине злой-презлой мачехой.

А большой Отиа Даднани, считая, что всегда грустная жена наводит на него невыносимую тоску, и вовсе отвернулся от Дзабули. Молодая женщина еще больше замкнулась в себе, целые дни проводила теперь в полном одиночестве, в четырех стенах своей комнаты. Плохо, очень плохо стало в доме молодоженов, и Отиа с горя начал все чаще и чаще прикладываться к бутылке. Теперь уже нередко он с утра пил водку и во хмелю ссорился со всеми, кто попадался ему на глаза. В таком состоянии он не вспоминал о жене — зачем она ему; а Дзабули, поняв однажды, что семейного счастья ей уже не видеть, что надеяться на мужнюю ласку уже нет смысла, насухо вытерла заплаканные глаза и как в прежние времена стала принимать участие во встречах и увеселениях своих сверстниц. Нет, не станет она говорить подругам о своем горе, у каждого человека есть свое, пусть лучше они видят ее всегда веселой и беззаботной.

Вот в это время на одном из званых обедов Дзабули и встретила вновь с князем Нико. Увидев князя, она вдруг поняла, что нет, не погас в ней тот совсем не случайный интерес к нему, который возник еще тогда, при встрече в доме ее матери.

О, как оживилась и развеселилась вчерашняя затворница! А Нико... Он не был бы Нико Даднани, если бы не воспользовался этой идущей ему в руки добычей. На то он и охотник на всякого зверя, светлейший князь Мегрельский. Он умело и быстро сплел любовные сети — те самые сети, в которых Дзабули и сама была не прочь запутаться.

От людей не укрылась эта любовная связь, да и Дзабули не очень-то старалась сохранить ее в тайне. Начинаясь день, и она ни о чем другом не могла уже думать, как о новой встрече с Нико. А люди пусть говорят, что им угодно. И люди заговорили. И тогда вмешался в дело отец Отиа. Он понимал, что Дзабули не сладко живется с его пьянчужой сыном, но честь семьи... Надо прибрать невестку к рукам, уж слишком распустилась, решил он.

Но строгие внушения свекра ничуть не подействовали на Дзабули. Тогда он решил поговорить с ней по-хорошему о женской чести и добром имени его семьи. Дзабули выслушала все эти его наставления нетерпеливо и даже с нескрываемой враждебностью. «Во всем виноват ваш Отиа», — зло ответила она и, не сдержавшись, зарыдала. Она и сама не понимала, отчего плачет — от обиды на своего опустившегося мужа или от нестерпимой жалости к самой себе, к своей зря загубленной юности.

Свекор был добрым человеком и принялся утешать горько рыдавшую невестку.

Подобные сцены стали повторяться, они ни к чему хорошему не привели. Однажды Дзабули решила даже покончить с этой безрадостной семейной жизнью и ушла в дом Эки. Но из этого тоже ничего путного не вышло — свекор почти силой вернул ее домой. Домой-то вернулся, но удержать влюбленную молодую женщину в четырех стенах никто не смог. В эти летние вечера Дзабули тайком уходила на берег Чхауши, где ее поджидал князь Нико. Все вытерпела бы, на любые страдания и пытки готова была пойти Дзабули, лишь бы в назначенный час увидеть Нико, заглянуть в его глаза, прижаться к его груди.

Но вот однажды ни с того ни с сего вспыхнула между Дзабули и Нико первая ссора, а потом все чаще и чаще они при встрече стали говорить друг другу обидные слова, чувствуя, как уходит, ускользает от них любовь.

— Меня не обманывает моя интуиция, — сказал Нико прибежавшей на свидание Дзабули. — Ты несчастна в доме Отиа. Ни он тебя не любит, ни ты его. Вы говорили неправду и тогда, когда под венцом покланись друг другу в любви. А сейчас еще и я стал между вами. Но видит бог, не я виноват в вашем неудачном супружестве. Это судьба так распорядилась — и тобой, и Отиа, и мною. Судьба. Нет, моя Дзабули, я не оправдываюсь, я сам искал встречи с тобой, я жаждал твоего внимания, твоей любви, мне хотелось растопить твое оледеневшее в холодном супружестве сердце, я хотел стать для тебя таким верным другом, каким подобает быть меджуну.

Смущенная этими словами, Дзабули отвернулась, а Нико показалось, что она обижена и сейчас уйдет, и он схватил ее за руку:

— Погоди, Дзабу, я говорю о твоём оледеневшем сердце не для того, чтобы обидеть тебя, очень возможно, что я ошибся. Хочешь, Дзабули, я попрошу прощения. Ты пойми меня правильно, милая, я уважаю Отиа и всю вашу

семью и, кроме всего прочего, Отиа мне двоюродный брат... И я не должен быть причиной его несчастья.

Дзабули с удивлением посмотрела на князя. Для чего он все это говорит? — Отпусти мою руку, Нико, — сказала она, пытаюсь преодолеть и смущение, и внезапно возникшую тревогу. — Я никуда не собираюсь уходить.

— Спасибо, не уходи, — сказал князь. — Позволь мне продолжить свою мысль. Я убежден, что для женщины самое главное—это любовь и ласка. Мы приходим в этот проклятый всеми мир однажды и коли уж живем на свете один раз, то зачем нам лишать себя тех радостей, которые даровал нам бог. Не так ли, моя Дзабу? Зачем же нам идти наперекор судьбе!

Теперь Дзабули догадалась, к чему клонит князь, и он, как бы подтверждающая догадку, обнял ее и привлек к себе.

— Я по своему личному опыту знаю, как сложна семейная жизнь, — продолжал Нико, — я затрудняюсь назвать даже двух замужних женщин среди множества моих знакомых, которые довольны своей долей.

Дзабули впервые за этот вечер улыбнулась:

— О, бедный Нико! Тебе, значит, приходится утешать всех этих недовольных жен.

Нико промолчал.

— А я знаю немало счастливых супружеских пар, — уже без улыбки сказала Дзабули. — Они довольны своей судьбой, потому что нежно любят друг друга. В одном ты безусловно прав, мой Нико, — любовь для женщины превыше всего. Ты, наверное, был знаком с моей кузиной Ирине. Когда ее друга Шалву ранили на турецком фронте, Ирине объявила себя его невестой и не отходила от его постели ни на минуту. Она все делала, чтобы спасти его, но, увы, не спасла — несчастный Шалва умер. Ирине в дни панихид молча сидела у гроба своего возлюбленного, а когда его предали земле, покончила с собой — бросилась в Ингури. Она не захотела жить без любви.

— Это исключительный случай, — сказал Нико. — Твоя кузина проявила слабость в минуты скорби, а останься она в живых, все бы пошло по-другому: успокоилась бы, нашла бы себе другого возлюбленного и радовалась бы жизни, как и все... Как говорит один французский писатель — влюбленные и пьяницы похожи: кто однажды выпил, тот захочет выпить и еще раз, кто однажды любил, тот полюбит и во второй, и в третий раз и будет любить, пока любитя. Нет, люди не должны идти против законов природы.

Нико еще крепче прижал к себе Дзабули и принялся целовать ее. В какой-то момент Дзабули вновь почувствовала себя счастливой, но вдруг, вспомнив все свои обиды, сомнения и тревоги, решительно и резко отстранилась от князя.

А Нико, не желая упустить такую редкую охотничью добычу, опять начал оплетать Дзабули коварной словесной сетью...

— Нет, Дзабули, я все же убежден, что женщина не может быть довольна семейными узами. Какой бы хороший муж ни достался женщине, все равно семья для нее тяжелое ярмо. Чаще всего семейного счастья хватает только на медовый месяц, от силы на два, еще реже на год. А там начинаются неприятности, дрязги, ссоры, заботы о детях... и прощай любовь. Вся эта жизненная проза опустошает наши души, и от романтических прелестей любви ничего в них не остается. Сердца возлюбленных супругов охладевают, затем на сцену выступают тещи, свекры, тести и прочие милые родственники. И вся семейная жизнь превращается в смертельную тоску. Ведь это правда, Дзабули, а?

Нико сделал еще одну попытку обнять и приласкать Дзабули, но она опять вырвалась и на этот раз убежала без оглядки.

Два дня Дзабули не выходила из своей комнаты и никого не допускала. На третий день к ней явился свекор.

— Что с тобой, моя Дзабули, почему ты сидишь взаперти и не показываешься нам, чем ты недовольна, доченька? — допытывался свекор, но так и не вытянул у Дзабули ни слова. Что же касается Отиа, мужа Дзабули, то он в дни ее затворничества даже к дверям не подошел.

Спустя какое-то время Дзабули в одной знакомой семье случайно встрети-лась с Нико. Князь поздоровался с ней так, будто между ними ничего плохого не произошло. Он спросил Дзабули о самочувствии, и та, всем своим существом жаждущая примирения, ласково улыбнулась ему в ответ. Они условились о свидании и на следующий день встретились в давно облюбованном месте — на берегу реки, как в старое время.

— Все-таки объясни мне, Дзабули, какое затмение на тебя тогда нашло, почему ты убежала от меня, не сказав ни слова? Пойми меня, милая, я никогда не кривлю перед тобой душой и говорю только то, что думаю. Иной раз тебе это может не понравиться, но обижаться... ну как можно, милая Дзабули, обижаться на меня за это? И потом: у меня нет никакой власти над тобой. Единственно чем

я могу тебя убедить — это словом. А слово я хочу тебе сказать вот какое: супружество я все же считаю только обязанностью перед богом и обществом, но никогда не путаю его с любовью. И то, что человеку недостает в супружестве радостей любви, — он, естественно, ищет на стороне. И если нам выпадет счастье найти такую любовь, то наша святая обязанность не чураться ее, а наоборот, беречь и лелеять. Я лично предпочитаю во всех случаях беспрекословно подчиняться велениям сердца. Согласись, Дзабу, я прав, когда говорю, что все мы всюду ищем радостей любви — ищем вначале в семье, и, когда она в доме, мы за дверь и не выглядываем, но стоит ей только покинуть наш дом, как и мы тоже уходим из него. На поиски счастья уходим.

Слушая князя, Дзабули подумала о том, что в доме своем, с мужем своим она никогда не чувствовала тех радостей любви, о которых так красноречиво говорит Нико. Эту радость или подобие ее — этого она еще не знает — Дзабули нашла вне дома, с Нико. Нашла ли? А может, эта встреча с Нико принесет ей только несчастье и горькое разочарование во всем? Дзабули подумала и о том, что князь может развестись с женой и жениться на ней. Вот это будет для нее настоящим счастьем. А Отиа? Отиа, не задумываясь, даст ей свободу.

Но Нико не дал ей возможности насладиться этой сладкой мечтой, он тут же опустил Дзабули на землю:

— Не стану скрывать от тебя, Дзабу, я тоже не очень счастлив в браке, — сказал князь. — И из моей семьи уже давно ушли любовь и тепло. Я страшно ошибся, когда привел в свой дом чужеземку. Чужая она нам и никогда не станет своей. Правда, в то время, когда я боролся за свои права, за свой трон, — это заполняло пустоту в моем сердце. И тогда я не жаловался на судьбу. А сейчас что мне осталось — все отнято у меня, все ушло, и в сердце моем, как в пустом доме, холод и тоска. Вот я как неприютный и ищу хоть каких-то радостей вне своего дома. Иногда нахожу их, а чаще всего нет. И все же, что бы ни случилось, я не могу оставить больную жену и обездолжить своих детей. Но это я говорю о своем долге, скрепленном клятвой, которую я не осмелюсь нарушить, а чувства мои... они долгу неподвластны, они влекут меня к тебе, моя Дзабули. Только ты можешь дать мне радость любви и вернуть мне веру в жизнь. Я знаю, как опостылела тебе твоя семейная жизнь. Но я не могу сказать — разведись с мужем. И кроме того — тайная любовь и слаще, и сильнее. Каждая встреча с тобой для меня счастье, и если ты тоже счастлива при этом, то зачем же нам расставаться.

Дзабули горько усмехнулась.

— Так вот чего ты добиваешься, князь, ты хочешь, чтобы я стала твоей наложницей.

— Ты удивляешь меня, Дзабу, — возмущился князь. — Что значит наложницей?! Я ведь сказал только то, что мы не должны с тобой разлучаться.

— Не должны разлучаться друг с другом только любящие муж и жена, — глотая слезы и дрожа всем телом, сказала Дзабули.

— Нет, Дзабули, с женой меня связывают общий долг перед детьми и заботы о них, а с тобой — любовь. А она превыше всего на свете.

— И я должна верить этому, — сказала Дзабули, — нет, не верю. Если ваша любовь к жене так быстро погасла, то ваши чувства ко мне тоже скоро исчезнут. Никогда не поверю, что огонь любви может долго гореть в душе человека, который смотрит на женщину как на товар, как на выставленную на базаре вещь. Такие люди думают только о том, как бы завладеть этой вещью, как бы удовлетворить свои минутные желания. И они еще осмеливаются называть это любовью! Мне противны такие люди, князь, отвратительны. Они просто больные, эти люди, и их болезнь всегда и везде называли развратом, а не любовью. Вот как я думаю об этом, князь. И потому прошу вас запомнить: я пришла сюда не для того, чтобы стать вашей тайной любовницей, а хочу иметь законного и любимого мужа, хочу стать матерью законных детей, хозяйкой своего дома и никогда, слышите, князь, никогда не стану предаваться тайным страстям, которые вы так красиво именуете счастливой любовью. Я такое счастье считала бы для себя великим несчастьем.

Так закончилось и это свидание — Дзабули ушла, и князь не посмел ее удерживать.

Шли дни, но ничто не могло избавить Дзабули от чувства обиды, досады на самого себя, раскаяния. Молодая женщина проклинала и тот день, когда впервые позволила князю встревожить ее сердце, и те вечера, которые она провела с ним на берегу Чхауши, под старой липой. Дома тоже все не радовало ее, все мучило израненную душу: и поведение непутевого мужа, и упреки недовольного свекра.

Тоска.



Отиа Дадiani продолжал думать, что он своим невниманием и небрежением губит и бесповоротно отвращает от себя молодую жену. Но и он ничего не мог поделать с собой — в его сердце не было места для Дзабули, оно было пустым и холодным, и самое страшное заключалось в том, что Отиа и сам не знал, когда он возник, этот ужасный холод. И это мучило его. Онпил теперь беспрепятственно и стал, что называется, горьким пьяницей.

Семьи по существу ни у него, ни у Дзабули уже не было. В мужнем доме все для молодой женщины было чужим и недобрым. И неудивительно, что беспокойство и тоска вновь привели ее к Нико. Но радость от новых встреч была недолговечной: пресытившемуся Нико явно наскучил весь этот «провинциальный роман», и если прежде, добываясь любви Дзабули, он все время говорил и говорил, то теперь чаще всего молчал, а больше говорила Дзабули, словно она боялась, что даже минутное молчание может затянуться навсегда. И тогда уже ничего не будет.

Нико слушал ее без интереса, и принимал ее ласки без интереса, и думал лишь о том, когда все это кончится и можно будет наконец уйти.

На войне Отиа был ранен в живот, никакое лечение ему не помогало, и незаживающая рана все время мучила его. А тут еще беспробудное пьянство — оно скрутило его, пригнуло к земле, он ходил едва волоча ноги, ко всему равнодушный, мрачный, и даже для обыденного житейского разговора у него часто не хватало сил. Все на свете было теперь немилостиво больному, опустошенному человеку. Но когда вокруг уже открыто, чуть ли не в лицо ему заговорили о связи Дзабули с князем Нико Мегрельским, когда над ним, рогоносцем, уже начали потешаться, у него откуда-то взялись силы, чтобы мстительно мучить жену. Целыми днями он изводил ее нудными упреками, а по ночам, не способный на любовь, доводил Дзабули до отчаяния мучительными ласками.

Дзабули какое-то время молча и покорно переносила эти пытки, но однажды, когда терпение ее иссякло, она заперлась в одной из комнат. Но Отиа не оставил ее в покое — он устроил шумный скандал у ее дверей, и Дзабули вынуждена была впустить его к себе.

Уйти бы ей из этого крошечного ада. Но куда? К кому? Был на свете только один человек, к которому она хотела бы уйти — князь Нико. Она любила его и перед богом и совестью своей считала себя его женой, но перед законом и людьми... а закон и люди осудили ее. Все осуждали Дзабули, считая, что она потеряла всякий стыд. «Вчера ее видели в горах вместе с Нико, — захлебываясь, сообщали друг другу сплетницы и сплетники. — Она даже глаз не опустила, она просто гордится тем, что князь Нико сделал ее своей любовницей». И все принимались при этом жалеть несчастного Отиа и ухитрялись так взвинчивать его, что однажды он ворвался к Нико и рассек бы ему голову саблей, не окажись рядом с князем его управляющий. Тот вытолкнул пьяного ревнивца вон.

Узнав об этом, Дзабули тотчас же перебралась к матери. Рассвирепевший свекор Дзабули велел погрузить ее приданое на три арбы и отправился с ними ко дворцу князя Мегрельского. Его, конечно, не пустили, и тогда он повернул эти арбы к дому Эки Чичуа.

Возмущенная, потерявшая самообладание Эка набросилась на дочь и вцепилась ей в волосы.

Дзабули убежала и из материнского дома. Вечером того дня она встретила с Нико. Дзабули плача уткнулась ему в грудь, и князь, поглаживая ее вздрагивающие плечи, сказал:

— Что-то уж слишком много стали о нас говорить, моя Дзабу. Я думаю, что нам следует пока прекратить встречи. Так будет лучше и для тебя. Пройдет время, люди позабудут о нас, и мы опять будем счастливы с тобой, Дзабули. Вот увидишь.

Дзабули хотелось сейчас верить любимому, и она согласилась: пусть будет так.

Но заглушить молву и предупредить скандал князю Мегрельскому не удалось. Мери, жена князя, от какого-то доброжелателя или доброжелательницы узнала, не без подробностей, о почти ежевечерних встречах Нико с Дзабули. Оскорбленная, Мери тут же собралась и уехала в Петербург. Успокоенный было покорностью Дзабули, князь Мегрельский встревожился не на шутку — о его провинциальной любовной интрижке теперь узнает петербургский высший свет, — а там никого не щадят, — и помчался здогону за женой, авось удастся уговорить ее. Он уехал, даже не попрощавшись с Дзабули, и, конечно, ни строчки не написал ей из Петербурга. Дзабули написала письмо, но ответа не получила. Еще одно ее письмо тоже осталось без ответа. Умом она понимала, что броше-

на, обманута, что Нико к ней никогда уже не вернется, но в сердце еще теплилась какая-то надежда.

И вот тут-то на нее обрушился еще один безжалостный удар: умер законный супруг Отиа Даднани.

Дзабули уже давно не жила в доме Отиа, но все же сочла себя обязанной облечься в траур, прийти к его гробу и оплакать безвременного умершего человека.

Этот ее поступок всколыхнул всю округу — пошли разговоры о том, что Дзабули чуть ли не силой ворвалась в так бесчестно брошенный ею дом, и о том, будто свекор прогнал прочь от гроба плачущую бесстыдницу.

Дзабули молча страдала от всех этих пересудов и сплетен, теперь любое, даже просто неосторожное слово причиняло ей боль, и самое страшное, что никому ее защитить, никому она не нужна — ни матери, ни свекру. Разве только Нико, узнав, как невыносимо тяжело ей сейчас, примчится из Петербурга, чтобы прижать ее к своему сердцу.

Нико вскоре приехал, но он не сделал ни одной попытки встретиться с Дзабули и даже избегал ее.

Так для чего же мне теперь жить — решила Дзабули.

В темную дождливую ночь она, одетая в траур, оказалась на берегу Ингури у деревни Лиа, у самого глубокого и узкого места, где бешеная эта река отчаянно бьется о каменный утес. Даже предсмертного крика Дзабули не услышал никто — шумный Ингури потащил несчастную к морю.

\* \* \*

В письме к Ивану Тургеневу Проспер Мериме спрашивал: «Кто такая эта мегрельская княжна, вышедшая замуж за юного Мюрата? Не дочь ли княгини, похищенной в свое время Шамилем и описавшей это свое приключение, о котором я где-то читал?»

Этот вопрос возник у Мериме не случайно. Когда дочь Екатерины Чавчавадзе вышла замуж за Ашила Мюрата, в европейских столицах вновь заговорили о некогда нашумевшей истории похищения Шамилем семьи брата Екатерины Давида Чавчавадзе.

После того как люди Шамиля захватили в чавчавадзевском поместье Циндандали жену Давида Анну с малыми детьми, в России и за рубежом много писали об этом в газетах, приукрашивая эти действительно трагические события экзотическими «подробностями». И вот в связи со свадьбой Саломе опять замелькали на страницах европейских, в первую очередь парижских, газет фамилии Чавчавадзе и Даднани.

Как известно, свадьба Саломе и Ашила была отпразднована пышно и торжественно — на ней присутствовали Наполеон III и императрица Евгения. Много писала об этом браке и грузинская пресса, а в некоторых статьях со свадьбой Саломе и Ашила связывали и какие-то надежды на изменение исторической судьбы Грузии. Но наивным надеждам этим не суждено было сбыться — история шла своим путем.

13 мая 1868 года «Дроэба» сообщала о том, что пишут парижские газеты в связи с бракосочетанием Ашила Мюрата и Саломе Даднани: «Российский император назначил им ежегодно по двадцать тысяч франков, а император Наполеон один миллион. Кроме того, молодоженам был подарен прекрасный дом».

24 мая «Дроэба» писала: «Свадьба Ашила, внука неаполитанского короля Иохима Мюрата, и Саломе, дочери покойного мегрельского правителя Давида Даднани, состоялась 1(13) мая в час полудни. Обряд венчания был совершен в придворной церкви в присутствии французского императора и его супруги».

Еще при жизни Екатерины Ашил Мюрат покинул Францию и поселился на родине своей жены. Мюрат избрал тогда своей легкой резиденцией Салхино и в этом поместье завел прекрасное хозяйство, которое во многом служило примером для тамошних земледельцев. Это обстоятельство также немало способствовало популярности Ашила — о нем в то время довольно часто писала грузинская пресса.

«Село Салхино по сравнению с соседними селами, — писала газета «Квали», — как по зажиточности, так и по грамотности отличается в лучшую сторону. В Салхино на ровном берегу реки Чачхура еще в давние времена был построен дворец. Вот этот дворец лет десять-двенадцать тому назад Екатерина Чавчавадзе отдала своему зятю и дочери. Здесь не было прежде дорог, и Мюраты проложили их. Мюраты выделили под новый виноградник тридцать десятин земли, которые обрабатывают сегодня сорок-пятьдесят работников. Эти работники получают в день до пятидесяти копеек.

У людей этого края появилась работа».

11 января 1884 года, «Дроэба»: «Из Зугдиди пишут: как уже сообщалось в вашей газете, дочь правителя Мегрелии Саломе обещала построить зугдидскую городскую школу. Она пожертвовала на постройку школьного здания деньги и

положила ежегодно по двести рублей для бесплатного обучения крестьянских девочек. Школа пока не имеет собственного здания, и занятия проходят в павильоне для этой цели доме, но мы надеемся, что с помощью Саломе Дадиани школьное здание скоро будет построено. Это тем более приятно, что среди мегрелов, весьма распространено желание учиться».

Журнал «Меурне» в 1894 году писал с ссылкой на газету «Кавказское сельское хозяйство», что «принцу Мюрату дано разрешение выписать побеги американского винограда с помощью Кавказского филоксерного комитета. Упомянутые побеги должны пройти дезинфекцию, чтобы страшная болезнь виноградников не проникла в нашу страну».

В одном из номеров газеты «Иверия» за 1890 год сообщалось, что «...почтово-пассажирским поездом в Тбилиси приехал из Вагуми французский принц Людовик Наполеон, который зачислен в 44-й Миргородский драгунский полк. Его сопровождал принц Ашил Мюрат. На другой день в честь Людовика Наполеона был устроен прием генерал-адъютантом главнокомандующим Шереметьевым».

\* \* \*

На большом балконе дадиановского дворца в Зугдиди сидели Нико Мегрельский, Саломе и Ашил Мюрат. Всю неделю шел дождь. Сырость в такие осенние дни обычная для Зугдиди пронизывала до костей. Саломе плотно закуталась в теплую шаль, а Нико и Ашил сидели в пальто.

Брат и сестра недавно помирились, но прежней близости и взаимопонимания между ними не было. Их теперешние отношения были очень похожи на этот пасмурный невеселый день.

Ничего уже не осталось и от прежних честолюбивых замыслов князя Мегрельского — судьба сначала лишила его отцовского трона, затем, поманив, не дала ему болгарский, и Нико на все махнул рукой. Теперь он был просто помещиком и только помещиком.

Большая политика его уже не привлекала, хотя нет-нет да и просыпался в нем дух прежнего искателя трона.

Принц Ашил Мюрат, так же как и князь Нико Мегрельский, решительно отдалился от тревожной политической жизни, и его уже мало интересовала судьба наполеоновской династии, к которой он принадлежал по рождению. Озабоченный только тем, как бы получше обеспечить своих детей, он еще окончательно не решил, где ему обосноваться со своей семьей — в Грузии, к которой он уже успел привязаться, или вернуться на родину. Впрочем, судьбу Грузии он тоже связывал с Францией. Ашил постоянно внушал жене и детям, что Грузия может быть счастливой только под рукой французоз. Он пытался навязать эту мысль не только Саломе и детям, но и всем, с кем общался. Сейчас он об этом спорил с князем Нико, который придерживался совсем иной ориентации. Нико азартно утверждал, что Грузия может обрести счастье только под рукой единоверной России.

— Я на этом стою и детям своим оставляю как нерушимый завет — верность России.

## РАЗДЕЛЯЮ СЛЕЗЫ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Илья Чавчавадзе и его единомышленники приложили немало стараний для того, чтобы перевести прах великого поэта Николоза Бараташвили из Гянджи в Тбилиси.

Труды и хлопоты их завершились успехом — 18 апреля 1893 года в воскресном номере газеты «Иверия» вместо передовой было напечатано:

«В воскресенье, 25 апреля будет совершено перезахоронение останков Николоза Бараташвили».

Доводим это до сведения родственников и почитателей поэта, дабы они пожаловали в назначенный день в девять с половиной часов утра на Тбилисский вокзал, ибо прах поэта будет похоронен в Дидубийской церкви богоматери».

Обществом по распространению грамотности среди грузин была создана комиссия под председательством Александра Чкония, которая и выехала в Гянджу, чтобы разыскать и перевезти в Тбилиси прах Николоза. По слухам, он был похоронен у дверей Гянджинской православной церкви, но за минувшие годы церковная ограда обветшала и обвалилась, прихожане протоптали через церковный двор тропу, и она прошла по могиле поэта. Люди ходили прямо по надгробной плите, на которой были высечены имя и фамилия поэта, а также даты его рождения и смерти. И кто-то, желая спасти эту мраморную плиту, перенес ее в церковь, там она и хранилась. Могила сравнялась с землей и затерялась, а единственный, кто знал точно, где она находилась, — священник этой церкви — умер.

И все же комиссии удалось за сутки разыскать могилу поэта, и Илья Чавчавадзе тут же было сообщено об этом телеграммой.

И вот наступило воскресенье, 25 апреля. Великое множество людей собралось в то пасмурное утро на Тбилисском железнодорожном вокзале. Тут можно было увидеть и писателей, и художников, и разодетых, как на парад, дворян, дворянок, и рабочих в черных косоворотках, и отставных генералов, и уездных предводителей, крупных чиновников и мелких канцеляристов, купцов и ремесленников, типографских наборщиков и разносчиков газет. В царском зале находились в ожидании поезда Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели, предводитель дворянства Тбилисского уезда, депутаты, прибывшие из различных уголков Грузии, и духовенство во главе с епископом Александром.

На перроне и в залах ожидания стояла необычная для этого южного вокзала тишина, и потому колокол, возвещающий о приближении поезда, прозвучал необычайно громко. Тесно стоявшие на перроне люди расступились, пропуская вышедших из царского зала Илью, Акакия, следовавшие за ними депутаты и духовенство с хоругвями. На Мтацминде еще лежал заночевавший там туман, и вершина горы была сокрыта от тбилисцев, но Акакий мысленно увидел ее и негромко — это услышал только Илья — произнес удивительные строки из бараташвилевских «Дум на Мтацминде»:

За ночью день настанет,  
И солнце вновь взойдет.  
И свет разгонит мрак.

— ...Каждый удар пульса причинял бы нам боль и сердца наши всю жизнь кровоточили бы, не будь на свете поэзии, — начал свою речь Илья. — Когда всевышний пожелает проявить благосклонность к народу, то он явит ему человека, помазанного миром поэзии, — так сказал мудрец. Тот, кто захочет познать величие или достоинство нации, тот первым долгом спросит, сколько у нее писателей. Достоинство и величие нации измеряются только этим мерилом, а раз так, то сейчас должно быть ясно, кем является для нас Николоз Бараташвили, перед прахом которого мы сейчас склоняем головы. Поэзия — это благодать, дар, которыми наделяются только люди избранные. Она благодать и вместе с тем тяжкое бремя, ибо она явлена на свет, чтобы во имя жизни остановить текущую из наших ран кровь. Эта благодать и это бремя требуют огромных душевных и телесных сил, и потому, когда бог послал нам на радость и утешение Николоза Бараташвили, то благословил его язык даром речи, глаза — способностью видеть, уши — слышать, а в грудь вложил негасимый пламень, чтобы согреть людские сердца. И приказал: «Ступай и возвести своим людям высший завет мой и зажги их сердца словом».

...С того дня, как Илья познакомился в петербургском доме Екатерины Дадизи с тетрадью Бараташвили, в которой рукой Николоза были вписаны двадцать шесть стихотворений и поэма «Судьба Грузии», ему не давала покоя мысль о трагической судьбе безвременного погибшего поэта. И теперь глазами и сердцем признанного вождя нации Илья необычайно отчетливо и ясно увидел место Бараташвили в грузинской литературе. И это чувствовалось в каждой фразе его надгробной речи.

— Да, поэзия — благодать и дар, — продолжал Илья. — Но вы ведь видите, что она и великое бремя. Таким бременем и осознал ее наш славный поэт и всем пожертвовал ради нее, только бы нести это бремя неустанно, только бы служить ей, все, все ей отдать, вплоть до стона обреченной души. И эта обреченность исторгла из груди его за год до смерти слова, которые стали предвидениями.

Пусть я не буду дома погребен,  
Пусть не рыдает обо мне супруга.  
Могилу ворон выроет, а вьюга  
Завоет, возвращаясь с похороп.  
Крик беркутов заменит певчий хор,  
Роса небесная меня оплачет...

Это горькое предвидение оправдалось — он не был похоронен на своей родине, на его могилу не упали слезы сынов его отечества. И эту печаль унес с собой человек, который нас возвеличил.

Сегодня мы, к нашей чести, перевезли сюда его прах, его останки, чтобы отныне родное небо оплывало его росой, родная земля приняла его прах для его успокоения и наших молитв. Правда, мы это сделали спустя сорок семь лет, и нам могут сказать, что поздно. Но что такое сорок семь лет перед бессмертием? Лишь одно мгновенье. Николоз Бараташвили бессмертен, а для бессмертного ничто не поздно и не рано. Это замечательное мгновение, которое собралось здесь предста-

вительство всей Грузии, — пример того, что наша нация возвышена духом, ибо только широко мыслящие и глубоко чувствующие люди могут так достойно оценить и с такой почитательностью вспомнить поэта с великой душой.

...Эти слова Илья были не только данью уважения великому поэту, но и выражали и то духовное обновление, которое уже началось в Грузии.

Илья говорил о том, о чем думали собравшиеся здесь люди, и они шепотом повторяли каждое его слово.

— Великодушным был тот, перед чьей могилой мы стоим, — сказал Илья. — Ведь Бараташвили предрек:

Пусть я умру, порыв не пропадет,  
Ты протоптал свой след, мой конь крылатый.  
И легче будет моему собрату  
Пройти за мной куда-нибудь вперед.

И этот след остался — он в сердце каждого грузина...

Мы собираемся поставить здесь памятник, но идет ли в сравнение памятник рукотворный, даже дорогостоящий, с тем нерукотворным памятником, который воздвиг его гений!

Я не говорю — «вечная память тебе», потому что в сердце каждого грузина вечная память ему. «...Крик беркутов заменит певчий хор, роса небесная меня оплачет...» Долгое время это предсказание Бараташвили оправдывалось, но сегодня на его могиле стоят, плача, его родственники и почитатели, и их слезы сливаются со слезами всей Грузии.

Закончив свою речь, Илья низко склонился перед гробом Бараташвили. Глаза Илья были полны слез.

После Илья со стихами и речами выступили Нико Орбелiani, представитель Кутанси Лолуа, Дмитрий Баградзе, Георгий Церетели, Ованес Туманян и Бидзина Чолокашвили. И вот начал свое надгробное слово Акакий Церетели:

Я б солнцем быть хотел, чтоб на восходе  
Увенчивать лучами гор верхи.  
Чтоб мой приход сопровождали птицы  
Безумным ликованьем вдали.

Об этом мечтал молодой поэт полвека назад, и эта мечта превратилась в предвидение. Он стал провозвестником восхода нашей новой жизни, и там, вдали от родины, на чужбине, он успокоился, как успокаивается солнце в час заката, чтобы ныне здесь с еще большей силой засиять. Мы это видим, и сегодняшнее наше собрание не стон и плач, а встреча с солнцем. Да, пусть никто из вас не подумает, будто вы стоите у подлинной могилы Бараташвили. Эта могила лишь условный знак того места, над которым отныне будет сиять наш светоч, чтобы озарить всю Грузию своими лучами. И лучшего места мы не нашли бы. Правда, каждый уголок Грузии свят для всех нас, но это место, это Дидубе — святая святых... До сих пор наше воображение рисовало рядом с Тамар великого певца Руставели, а теперь рядом с нею встал еще и Бараташвили. Отныне наша икона будет более совершенной и более дорогой нам... Руставели и Бараташвили...

— Как семьсот лет назад из Западной Грузии, то есть из Имерети, пришел сюда народ, чтобы воздать почести великой Тамар и принять участие в общем ликовании, так и мы пришли сегодня из Имерети, чтобы в знак вечного братства и нерасторжимого единства возложить венок к гробу Бараташвили, — сказал Илья, и тут же члены возглавляемой им делегации — Церетели, Дадiani, Шервашидзе и Джапаридзе — вышли из толпы и почтительно возложили венок на гроб Бараташвили.

Илья, Акакий и несколько молодых людей в национальной одежде бережно опустили гроб с прахом в могилу. Снова застонали колокола и грянул многоголосый хор. И опять, в который уж раз в этот день, люди преклонили колена. В это время из толпы вышла женщина в черном бархатном платье старинного грузинского покроя. Она остановила уже взвешенных за лопаты могильщиков и опустила на колени, держа в руках небольшой белый мешочек. В глазах женщины отразился страх, когда она заглянула в разверстую могилу, но она перестала его. И все услышали ее слова.

— Наш дорогой Тато, когда ты, несчастный, безвременно ушел из жизни, слезы моей матери не оросили твоей затерянной на чужбине могилы. И вот я вместо нее принесла сюда, к твоему гробу, взятую мартильскую землю, которой укрыта теперь навеки моя незабвенная матушка. Пусть земля с могилы моей матушки принесет облегчение твоей исстрадавшейся, истерзанной душе. — Проговорив это, женщина высыпала землю из мешочка на гроб поэта. Илья обнял

женщину за плечи и помог ей встать. Это была Саломе — дочь Екатерины Чавчавадзе и Давида Дадиани.

\* \* \*

საქართველო  
საბჭოთაო

На следующее утро, делаясь своими впечатлениями с женой, Илья Чавчавадзе, сказал:

— Ты знаешь, Ольга, вчера был печальный день, но вместе с тем он влил в мою душу новые силы и надежды. Не спит наш народ. Одного клича достаточно, чтобы вся страна поднялась на ноги, — в этом я вчера непоколебимо убедился. Вчерашний день был днем нашего национального пробуждения. В нашей жизни ничего подобного еще не было — море людское было охвачено волнением, но и в скорби, и печали своей народ выразил не только любовь к поэту и безмерную признательность ему за все, что он сделал для нашей родины, но и готовность идти его путем.

В глазах у Илии стояли слезы, и Ольга, желая утешить его, сказала:

— Слава богу, что этот долгожданный день наступил. Это ведь было твоей мечтой, мой Илья.

— Да, ты права, Ольга. Не так плохи наши дела, как хочется нашим врагам. Грузинский дух жив, грузинский народ наш уже никогда не собьется с избранного пути и сумеет постоять за свою отчизну. Наш народ борется и не устает в борьбе.

Чавчавадзе попросил принести газеты, в том числе и вчерашние, которые он еще не успел прочитать. Первой, как всегда, он просмотрел свою «Иверию». Ее вчерашний номер был полностью посвящен Бараташвили. Над передовой, озаглавленной «Через столетия прах Бараташвили вернулся в Грузию», было напечатано стихотворение Николоза. На той же странице «Иверия» опубликовала посвященное Бараташвили стихотворение Н. Дадиани и большую статью Ионы Меунаргия «Жизнь и поэзия Бараташвили».

Строгий редактор, Илья в какой уже раз придирчиво, от строчки до строчки прочитал все посвященные Бараташвили материалы и остался довольным номером.

Отложив «Иверию», Илья принялся за чтение «Квали». Эта научно-литературная газета начала выходить в том году, и она еще держалась той же линии, что и «Иверия». Ее вдохновителем и гордостью был Акакий Церетели. В том номере «Квали», который просматривал Илья, была напечатана передовая Акакия: «Черные думы по поводу похорон Бараташвили». Илья заинтересовался ею и прочитал такие слова: «При жизни я заставляю тебя плакать, а после смерти оплакиваю тебя». Это общая для всего нашего общества черта, и мимо нее ни один общественный деятель не может пройти стороной».

Илья задумался, прочитав эти слова, затем его внимание привлекло стихотворение брата Важа Пшавела — Тедо Разикашвили «Праху Бараташвили». Илья прочитал также письмо в редакцию писательницы Екатерины Габашвили. «Посылаю вам, — писала она, — немного денег (тридцать рублей), которые собрали мы, грузинские женщины. И пусть они станут основанием фонда помощи нуждающимся литераторам. Мы считаем, что сегодня, когда каждый грузин скорбит и славит нашего бессмертного поэта Бараташвили, лучшим памятником ему будет учреждение вышеназванного фонда его имени. Надеемся, что нашему примеру последуют и другие и тем самым будут способствовать благу делу... Надеемся, что это ясно всем, кто принимает близко к сердцу нужды грузинской литературы и грузинских писателей».

«Да, вчера я был свидетелем, как свершилось чудо, — подумал Илья, — это были не только похороны Бараташвили, это была проба наших национальных сил. И это испытание наш народ выдержал прекрасно. Те зерна, которые посеял Бараташвили, сейчас пожинает народ. И надо поддержать его, возглавить, повести за собой. Лучшего времени для этого у нас еще не было».

Илья поднялся, прошелся по комнате. «Да это было не столько скорбью, сколько схваткой с черной судьбой, с порабощающими национальными духами. Бараташвили — это наша крепость, неприступная для темных сил».

\* \* \*

В дни, когда в Тбилиси произошли эти знаменательные события, Важа Пшавела находился у себя в горах. Он очень обрадовался, узнав, что прах Бараташвили будет перевезен на родину. Важа тотчас же решил отправиться в Тбилиси, но тут в его горное селение Чаргали пришла весть, что прах великого поэта уже перевезен в Грузию и захоронен в Дидубийском храме.

Важа отложил поездку в Тбилиси, но пламень бараташвилевской поэзии обжигал его сердце. Почти два месяца вынашивал Важа в душе строки, посвященные Николозу, и, когда они наконец легли на бумагу, он немедленно отправил

них в газету «Иверия». И редактор «Иверии» Илья Чавчавадзе тут же опубликовал это стихотворение на видном месте.

В том же одна тысяча восемьсот девяносто третьем году десятого декабря скончался в возрасте сорока пяти лет Александр Казбеги, создатель «Элгуджи», «Отцеубийцы», «Хевисбери Гоча», «Элисо». Грузинский народ отдал дань уважения и любви своему знаменитому писателю и верному сыну.

«Умер... Но какое отношение имеет это слово к бессмертному? Что может сделать одна смерть дважды рожденному? А Казбеги родился во второй раз тогда, когда посвятил свой талант родине. Родился так, что его колыбель качалась в сердце каждого грузина, а возвращенному в такой колыбели человеку смерть не может причинить никакого вреда. Он будет жить, пока не исчезнет Грузия, пока будут жить грузины, пока будет кому слушать и произносить грузинские слова», — писала «Иверия».

В донесении российскому императору жандармское управление сообщало по поводу перезахоронения Бараташвили и похорон Казбеги:

«В декабре прошлого года скончался в грузинской больнице грузинский беллетрист Александр Казбеги. Едва он умер, как грузины подняли шум. Его смерть дала им повод заявить если не всему миру, то хотя бы Кавказу, что и они существуют... Тело покойного не предавали земле целую неделю, ежедневно по нескольку раз устраивали панихиды, которые собирали большое общество... Они рассчитывали на то, что и перезахоронение Бараташвили, и похороны Казбеги вызовут столкновения с полицией, во время которых, несомненно, имело бы место кровопролитие, если учесть самолюбивость и вспыльчивость грузин».

*Конец первой части*

Авторизованный перевод Эммануила ФЕЙГИНА  
и Бориса ГАССА



# ПУТИ И ВСТРЕЧИ

## ПОЭТ, КОТОРЫЙ СИЛЬНЕЕ ХУНТЫ...

Поразительно динамичен XX век.

Я начал писать о Пабло Неруде, когда этот необыкновенный человек был еще жив, когда билось его пламенное сердце поэта. Под пером последние строки, а телетайп уже доносит черную весть с другого конца света, из Чили: умер Пабло Неруда...

Динамичен XX век.

В Чили, в этой далекой стране, где история совсем недавно разыграла кровавую трагедию, какая и во сне бы не привиделась Эсхилу или Шекспиру — всемирно признанным отцам старой и новой трагедии, есть небольшое местечко, носящее экзотическое название, — Исла Негра. В переводе с испанского это название означает «Черный остров»...

Сегодня к Исла Негра приковано внимание всего мира.

Черные тучи клубятся сегодня над Исла Негра...

Здесь, на этом клочке суши, затерянном в Тихом океане, в доме, похожем на белую яхту, жил Пабло Неруда — один из самых выдающихся поэтов наших дней.

Белый дом окружают суровые скалы, о которые разбиваются свирепые океанские валы.

Тихий океан совсем не тих, и поэтому дом поэта всегда наполнен шумом, нескончаемым и постоянным, как сама вечность...

Здесь среди изумительных деревянных скульптур, в мире огромных экзотических раковин, вечных ветров, пронизанных резкими криками мятущихся пернатых моря, рождались стихи Неруды, отражающие постоянное стремление их автора к свободе и подобно океанским волнам набегающие на берега континентов...

В Исла Негра творил свою грандиозную поэтическую эпопею Неруда — автор таких произведений, как «Всеобщая песнь» и «Испания в сердце», «Гимны Кубы» и триптих о Сталинграде.

Пабло Неруда писал: «Я родился, чтоб воспеть Сталинград».

Он не раз бывал в Советском Союзе. Одно из его интереснейших стихотворений «Сталин» перевел на грузинский язык поэт Ило Мосашвили.

Позже стихи Неруды перевели на грузинский и проложили им путь к сердцу нашего читателя Мухран Мачавариани, Арчил Сулакаури, Морис Поцхишвили, Гиви Дзенадзе и другие известные грузинские поэты.

На грузинском языке были изданы книги Неруды «Стихи» и «Всеобщая песнь». Творчеству поэта посвятили много интересных статей Гурам Асатиани, Карло Киларджиани, Гурам Гогнашвили и другие.

Мы признали и полюбили поэзию Пабло Неруды, исполненную философской мудрости и согретую немеркнущими лучами гуманизма.

Но мрачные тучи реакции нависли над Чили и над маленьким белым домиком в Тихом океане...

Не только Европу, но весь мир потрясла кончина Неруды...

В последние дни радиостанции мира посылали в эфир тревожные слова: Где Пабло Неруда? Но никто ничего не знал о нем.

Видно, палачи Пиночета даже людские голоса держат в темнице...

Маяковский считал, что стихи, если только они настоящие, должны быть страшны врагу, словно мины.



Страна Чили была минирована стихами Неруды, боевыми стихами коммуниста Пабло Неруды...

И нет для главы хунты Пиночета оружия более страшного, чем стихи Пабло Неруды. Поэтому никто не сомневался, что хунта сведет счеты с поэтом! К сожалению, прогнозы эти оправдались.

Европа присудила Пабло Неруде Нобелевскую премию...

Еще раньше он был удостоен Ленинской премии за укрепление мира между народами.

И вот в Чили разразилась потрясающая трагедия.

Мир взывал к своему избраннику:

— Где ты, Пабло?..

Но безмолвствовало все и вся.

Луи Арагон требовал из Парижа:

— Дайте слово супруге поэта Матильде! Больше я никому не поверю. Мир ничего не знает о Пабло Неруде.

Луи Арагон опасался, что в условиях кровавого режима Пиночета никто не даст слова Матильде. Это тем более вероятно, что Ортенсии Буси де Альенде даже не дали взглянуть на тело мужа... Его похоронили в спешке, ночью, как некое частное лицо, а не главу государства.

Писатель сравнивает положение в Чили с тем, что имело место в Индонезии, — «ночи длинных ножей», когда варвары XX века вымостили телами коммунистов и их жен все дороги этой страны.

Друг Пабло Неруды печально смотрел в своей квартире на кресло, в котором сидел Пабло Неруда, гостя в Париже, он смотрел на кровать, в которой отдыхал Пабло Неруда, на стол, за которым писал поэт свои замечательные стихи, и призывал вырвать из кровавых лап хунты Пабло Неруду — светоч Чили.

Хунта возвела вокруг Чили стену более высокую, чем Анды, чтоб скрыть от мира чудовищное кровопролитие, содеянное на этой многострадальной земле.

Но правде нельзя подрезать крылья. И для нее сущий пустяк преодолеть не только Анды, но даже Эверест...

И вот долетели до Европы первые вести с края земли...

Глава хунты Аугусто Пиночет дал интервью французскому журналисту Бернару Розо. Это интервью было получено по телефону. Видимо, главарь хунты опасается покидать свое логово. В ходе интервью французский журналист заметил, что в мировой прессе появились сообщения о том, что во время боев в Сантьяго погиб лауреат Нобелевской премии, народный поэт Чили Пабло Неруда. Другие же сообщения гласят, что поэт скончался, не вынеся трагедии, разразившейся в стране.

Глава хунты ответил: «Нет, Неруда не умер. Он свободен. Он пользуется полной свободой передвижения, если только можно говорить о свободе передвижения столь разбитого и больного человека. Мы никого не убиваем, и если он умрет, то умрет естественной смертью».

Но мир знает, что в Чили погибли десятки тысяч патриотов. Какую же цену могут иметь на этом фоне откровения Пиночета типа «мы никого не убиваем»?

На второй вопрос о том, где находится Пабло Неруда в настоящее время, генерал-путчист ответил: «Он у себя дома, в Исла Негра. У него достаточно большая усадьба».

Что можно сказать об этом ответе?

Кровавый генерал пытается разыграть роль эдакого гуманного человека. Но известное дело, волк, прикрывшийся овечьей шкурой, не перестает быть волком.

Луи Арагон сказал так:

— Какие бы заявления ни делали убийцы или те, кто пытается скрыть следы массовой бойни, нельзя молчать по поводу того, что делается в Чили...

Возмущена мировая совесть... Растоптаны справедливость, закон, конституция, воля народа и завоевания цивилизации... Но ошибается хунта, когда думает, что смерть Неруды облегчит ей безнаказанный разгул на земле Чили.

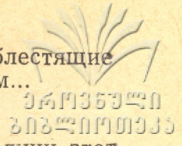
Поэзия Пабло Неруды — это сила, которая намного грознее танков и реактивных самолетов кровавой хунты. Как сказал один поэт, взрывная сила поэзии Неруды способна стереть с лица земли всю армию хунты.

Генералы хунты господствуют, уповая на бомбы, но поэты побеждают их стихом. Поэты и из могил наводят трепет на вооруженные до зубов армии.

Мир называет Пабло Неруду «совестью Чили». Генерал Пиночет намеревался заточить совесть в тюрьму.

Но как смехотворна и жалка фигурка генерала Пиночета рядом с гигантом Пабло Неруда!

Несколько раз довелось мне видеть Пабло Неруду на трибуне, слышать



его божественную испанскую речь, его стихи.

Я слышал воспоминания о нем, да скорее и не воспоминания, а блестящие новеллы, рассказанные Константином Симоновым, Назымом Хикметом...

Нет, не умер Пабло Неруда!

Я так представляю себе поэта:

На острове, затерянном в Тихом океане, гремит, извергает молнии этот неистовый Прометей...

Его не посмели заковать в цепи коснеющие в ничтожестве генералы. Поэзию не сковать никакими цепями.

Перед смертью безумствующие генералы отвели поэту для жизни ничтожный клочок земли, но они забывали, что поэзия Пабло Неруды безбрежна, она не знает границ, ей тесна мировая арена.

Генералы хунты заблуждались. В плену у них был не Пабло Неруда, а гражданин Нафтал Рикардо Рейес. Поэт Пабло Неруда — сын всего человечества. Он вечно свободен и вечно жив. Имя Неруды будет жить вечно. Его поэзия — это песня всего человечества.

Хунты приходят и уходят, но остается Чили и его свободолюбивый народ.

В 1948 году, свидетельствует летопись, сенатор Пабло Неруда произнес в чилийском сенате вдохновенную речь, гулкое эхо которой и сегодня звучит под сводами разбомбленного парламента страны. Голос поэта не смогли заглушить взрывы путчистских бомб.

В речи, которую слушал весь народ Чили, Неруда назвал президента Гонсалеса Виделу, наложившего запрет на компартию, изменником родины и демократии.

Неруда закатил такую пощечину президенту, что звук ее достиг берегов Европы.

Как видно, пощечина жгла щеку и военного диктатора Пиночета двадцать пять лет спустя.

Неруда отпустил ту хлесткую пощечину не только Виделе, но и всем его реакционным преемникам-президентам, в назидание всем могущим появиться «виделам».

После этой акции Неруда, как известно, бежал из Чили и три года находился в эмиграции.

К тому периоду относится блестящее стихотворение Пабло Неруды «Ты, Рекабарен — отец Чили!». Посвящено оно основателю и вождю Чилийской компартии Луису Рекабарену.

Стихотворение Неруды «Испания — в сердце» печатали в окопах в грозном 1936 году.

В стихотворение Неруды в 1937 году стреляли палачи Франко, но им не удалось убить стихов поэта.

Б те годы Неруда был консулом Республики Чили в Испании.

В 1942 году консул Чили в Мексике поэт Пабло Неруда, словно прокламация, расклеивает свои стихи о Сталинграде на улицах Мехико.

Фашисты стреляют в Европе по стихам Неруды, но они продолжают жить. Сенатор шахтеров поэт-коммунист Пабло Неруда в 1943 году создает монументальную эпопею «Всеобщая песнь». Это великий гимн национально-освободительного движения Латинской Америки, гимн свободе.

Поэзию Неруды сравнивают с океаном.

Да, это поистине плещущий через край безбрежный океан, который рушится на сушу беспощадным потоком, сметающим без остатка всякое проявление зла.

Потому-то и трясется эфемерная хунта Пиночета перед этим вечно действующим вулканом и ужасающим грандиозным океаном.

Существовало достаточно причин для того, чтоб великий поэт умер «естественной смертью» в первые же дни диктатуры хунты<sup>1</sup>...

Имя Пабло Неруды, трибуна, поэта-коммуниста, будет жить в веках.

На Черном острове, затерянном в океане, наперекор ураганам стоит небольшой белый дом. Он светит лучом надежды многострадальному чилийскому народу. Сияние этого света вечно, как грозоносное молчание суровых андских скал.

Новые вулканические извержения сулят горные вершины Анд, мощно ворвавшиеся в небо.

1973 г.

<sup>1</sup> В статье «Мемуары Пабло Неруды», опубликованной недавно газетой «Тбилиси», автор вновь возвращается к этой теме и клеймит чилийскую хунту, совершившую новое святотатство: ее агенты выкрали из могилы тело поэта. Этот позорный факт непосредственно связан с выходом в свет мемуаров поэта, написавшего 11 сентября 1973 года, что никто еще так не предавал нацию, как фашистская хунта генерала Пиночета.



Арам Хачатурян (мы находимся в московской квартире композитора) дает интервью миловидной девушке, корреспонденту Московского радио.

— Скажите, чем похож Тактакишвили на Римского-Корсакова? — спрашивает композитор и, не дожидаясь ответа, говорит: — Конечно же, тем, что оба они самобытные, оригинальные композиторы...

Встреча Арама Хачатуряна и корреспондента Московского радио состоялась в связи с откликами канадской прессы на выступление Отара Тактакишвили, который в Канаде дирижировал оркестром, исполнившим его симфоническую поэму «Мцъри».

«Концерт Отара Тактакишвили вызвал большой интерес в Канаде. Часть критиков признала поэму «Мцъри» новым словом в музыке, но другая придерживалась мнения, что, напротив, эта поэма — возвращение к Римскому-Корсакову, — пишет Араму Хачатуряну музыкальный критик радиокорпорации Канады. — Мистер Хачатурян, — говорится далее в письме, — просим вас высказаться по этому поводу».

Вот что ответил Арам Хачатурян Канадскому радио:

«Вопрос новаторства в музыке — сложный вопрос. Это тема для специальных лекций, можно сказать для целых книг. Я считаю, между прочим, что современная музыка должна быть конкретной, ясной, вылепленной скульптурно. Она должна быть зримой, следовательно, должна читаться. Если это определение покажется вам странным, в другое время, я, возможно, дам к нему комментарий.

Мне кажется, что музыка Отара Тактакишвили, талантливого советского композитора, подлинно современная музыка. Великий русский композитор Римский-Корсаков дал нам гениальные образцы творческого использования восточного фольклора. Этот факт бесспорен. Но столь же бесспорна оригинальность талантливейшего композитора Отара Тактакишвили в разработке восточного фольклора в симфонической поэме «Мцъри», и не только оригинальность, но и новаторство. Музыка «Мцъри» вовсе не схожа с музыкой той эпохи, когда Римским-Корсаковым писалась «Шехерезада». Это музыка наших дней, подлинно современная музыка. Если американские и канадские критики не поняли этой истины, тем хуже для них. Я еще раз подчеркиваю: «Мцъри» — не возврат к Римскому-Корсакову. Это — новаторская музыка, музыка наших дней».

На Московском радио нам сказали, что американским радиослушателям был передан ответ Арама Хачатуряна.

\* \* \*

Второй встрече с Арамом Хачатуряном я обязан композитору Андрею Балачивадзе. На сцене Большого театра была осуществлена постановка его балета «Страницы жизни» (либретто народного артиста РСФСР профессора Л. Лавровского).

«Неделя» опубликовала такой отзыв: «Лирические дуэты, которыми открывается и завершается балет, картина фронта, пластический реквием безымянным и бессмертным солдатам, вариации финала — блестящи».

«Страницы жизни», по мнению многих критиков, волнующая эпопея о людях наших дней.

Вспомним сюжет балета.

Возрожденный, залечивший раны войны Севастополь... В прибрежном парке ликует народ. Здесь мы впервые встречаемся с героями балета — с участником боев за Севастополь Андреем и его дочерью Нино, с Георгием, сыном погибшего друга Андрея, и его матерью Тамар.

Тамар вспоминает страницы из своей жизни...

...Гимн любви. Встреча Тамар и Георгия (в память отца и сын назван Георгием). Неповторимые дни юности.

...Гимн труду. Рыбаки празднуют трудовую победу. Георгий — лучший среди рыбаков — испытывает величайшую радость: отец Тамар объявил всем, что Тамар и Георгий связывают свои судьбы. Радость затрепетала в их сердцах, но...

...Грянул гром войны. Тамар провожает Георгия на фронт.

Перед зрителем разворачиваются полные мужества и трагизма сцены. Андрей и Георгий сражаются на подступах к Севастополю. Сраженный вражеской пулей Георгий перед смертью передает Андрею боевое знамя и белую косынку — подарок Тамар.

Горжественно звучит героическая симфония освобождения Севастополя.

...Перелистана еще одна страница воспоминаний... Тамар узнает о гибели Георгия. Она бежит на прибрежную скалу, все выше и выше, к самому горизонту, словно там ищет ответа на мучительный вопрос: как быть, в чем же теперь смысл ее жизни?



Арам Хачатурян (мы находимся в московской квартире композитора) дает интервью миловидной девушке, корреспонденту Московского радио.

— Скажите, чем похож Тактакишвили на Римского-Корсакова? — спрашивает композитор и, не дождавсь ответа, говорит: — Конечно же, тем, что оба они самобытные, оригинальные композиторы...

Встреча Арама Хачатуряна и корреспондента Московского радио состоялась в связи с откликами канадской прессы на выступление Отара Тактакишвили, который в Канаде дирижировал оркестром, исполнившим его симфоническую поэму «Мцыри».

«Концерт Отара Тактакишвили вызвал большой интерес в Канаде. Часть критиков признала поэму «Мцыри» новым словом в музыке, но другая придерживалась мнения, что, напротив, эта поэма — возвращение к Римскому-Корсакову, — пишет Араму Хачатуряну музыкальный критик радиокорпорации Канады. — Мистер Хачатурян, — говорится далее в письме, — просим вас высказаться по этому поводу».

Вот что ответил Арам Хачатурян Канадскому радио:

«Вопрос новаторства в музыке — сложный вопрос. Это тема для специальных лекций, можно сказать для целых книг. Я считаю, между прочим, что современная музыка должна быть конкретной, ясной, вылепленной скульптурно. Она должна быть зримой, следовательно, должна читаться. Если это определение покажется вам странным, в другое время, я, возможно, дам к нему комментарии.

Мне кажется, что музыка Отара Тактакишвили, талантливого советского композитора, подлинно современная музыка. Великий русский композитор Римский-Корсаков дал нам гениальные образцы творческого использования восточного фольклора. Этот факт бесспорен. Но столь же бесспорна оригинальность талантливейшего композитора Отара Тактакишвили в разработке восточного фольклора в симфонической поэме «Мцыри», и не только оригинальность, но и новаторство. Музыка «Мцыри» вовсе не схожа с музыкой той эпохи, когда Римским-Корсаковым писалась «Шехерезада». Это музыка наших дней, подлинно современная музыка. Если американские и канадские критики не поняли этой истины, тем хуже для них. Я еще раз подчеркиваю: «Мцыри» — не возврат к Римскому-Корсакову. Это — новаторская музыка, музыка наших дней».

На Московском радио нам сказали, что американским радиослушателям был передан ответ Арама Хачатуряна.

\* \* \*

Второй встрече с Арамом Хачатуряном я обязан композитору Андрею Балачивадзе. На сцене Большого театра была осуществлена постановка его балета «Страницы жизни» (либретто народного артиста РСФСР профессора Л. Лавровского).

«Неделя» опубликовала такой отзыв: «Лирические дуэты, которыми открывается и завершается балет, картина фронта, пластический реквием безмянным и бессмертным солдатам, вариации финала — блестящи».

«Страницы жизни», по мнению многих критиков, волнующая эпопея о людях наших дней.

Вспомним сюжет балета.

Возрожденный, залечивший раны войны Севастополь... В прибрежном парке ликует народ. Здесь мы впервые встречаемся с героями балета — с участником боев за Севастополь Андреем и его дочерью Нино, с Георгием, сыном погибшего друга Андрея, и его матерью Тamar.

Тамар вспоминает страницы из своей жизни...

...Гимн любви. Встреча Тamar и Георгия (в память отца и сын назван Георгием). Неповторимые дни юности.

...Гимн труду. Рыбаки празднуют трудовую победу. Георгий — лучший среди рыбаков — испытывает величайшую радость: отец Тamar объявил всем, что Тamar и Георгий связывают свои судьбы. Радость затрепетала в их сердцах, но...

...Грянул гром войны. Тamar провожает Георгия на фронт.

Перед зрителем разворачиваются полные мужества и трагизма сцены. Андрей и Георгий сражаются на подступах к Севастополю. Сраженный вражеской пулей Георгий перед смертью передает Андрею боевое знамя и белую косынку — подарок Тamar.

Горжественно звучит героическая симфония освобождения Севастополя.

...Перелистана еще одна страница воспоминаний... Тamar узнает о гибели Георгия. Она бежит на прибрежную скалу, все выше и выше, к самому горизонту, словно там ищет ответа на мучительный вопрос: как быть, в чем же теперь смысл ее жизни?

Надо, необходимо жить ради сына, ради памяти любимого человека, для того чтобы воспитать достойного сына.

...Тамар возвращается к действительности. Солнце и розы Севастополя Войны будто и не было. И снова звучит гимн любви и жизни. И так же, двадцать лет назад клялись в любви молодой Георгий и Тамар, повторяют клятву любви и верности Нино и Георгий.

Праздник на севастопольской земле, праздник мира, жизни и любви.

После премьеры я встретился с народным артистом Советского Союза, профессором Московской государственной консерватории Арамом Хачатуряном. Вот что он сказал:

— Андрей Баланчивадзе — замечательный советский композитор. Оставаясь предельно национальным, он в то же время выработал такой музыкальный язык, который одинаково понятен не только грузинскому, но и другим народам.

Грузинская музыка, как и музыка вообще, претерпела процесс разрушения этнографических рамок и возвышения до общечеловеческих философских обобщений. В этом процессе композитору Андрею Баланчивадзе принадлежит не последняя роль.

— Я подумал об этом, — продолжал Арам Хачатурян, — когда шел на спектакль. Балет, конечно, великолепный. Большинство его музыкальных страниц — подлинно классическая музыка с характерными для нее элементами истинного симфонизма. Музыкальные образы яркие и вылеплены мастерски, балет инстинктивно ориентирован на самом высоком уровне. Музыка к «Страницам жизни» современна, она глубоко содержательна, эмоциональна, выразительна и национальна.

Московский зритель тепло принял балет, который по праву считается одной из лучших постановок Большого театра.

На вопрос, кто из героев ему больше понравился, композитор ответил:

— Конечно, Тамар в исполнении народной артистки СССР Раисы Стручковой-Лапаури. Музыка и хореография этой роли особенно волнуют. Мне понравился и Марис Лиела в роли Георгия. У этого солиста большое будущее.

В заключение нашей беседы Арам Хачатурян сказал:

— Хотелось самому написать рецензию на этот балет, но сейчас в Большом театре ставят мой балет «Спартак», и я очень занят. Поздравьте ваш народ от моего имени с победой грузинской музыкальной культуры.

Как было отмечено в московской прессе, в балете «Страницы жизни» принимали участие звезды балетной труппы Большого театра. Московский зритель по достоинству оценил совместный труд композитора, исполнителей главных ролей, балетмейстера-постановщика, народного артиста РСФСР Л. Лавровского, дирижера заслуженного артиста РСФСР Е. Светланова, художника В. Дорера и всей балетной труппы Большого театра.

Москва — Тбилиси

## НА СКЛОНАХ ЭЛЬБУСА

В то лето я выехал в Закавказье на своеобразную «охоту» в поисках «хлеба насущного» для газеты. А Ваню Мурадели в это время охотился на туров в горах Кабарды, на склонах Эльбруса...

— Ваню Мурадели часто приезжает к нам. Мы многим ему обязаны. Благодаря его помощи наши художественные коллективы так успешно выступили на декаде искусства нашей республики в Москве. С тех пор он наш кунак, — сказал мне один из охотников.

Мы прошли пешком одни ущелья, над другими летели в вертолете и наконец очутились в заповедном лесу.

Здесь нам лесники сказали, что Ваню Мурадели и кабардинские писатели вылетели в Нальчик.

Лес уже окутали сумерки, а вертолет мы ждали только на следующий день. Выхода не было: ночь предстояло коротать в лесничьей сторожке.

...Взошла луна, и в ее серебристом свете с кабардинской земли отчетливо видны были силуэты гор и вершин Грузии.

— А вон Сванетия, — сказал мне один из моих попутчиков. — Наши орлы выводят птенцов в сванских горах, а орлы Сванетии нередко вьют гнезда в горах Кабарды.

Гостеприимные хозяева потчевали меня в Долине нарзана.

— Этот тур — добыча Ваню Мурадели, — сказал лесничий. — Он любит охотиться здесь.

— А вы знаете, что он пишет новую оперу? О Георгии Саакадзе, — спросил один из охотников.

Я об этом не знал.

А Долина нарзана час от часу становилась прекраснее. Под лунной серебряной отливала окрестности, напротив, на зеленом луге, из земли били струи нарзана, возле сторожки же на раскаленных угольях шипел шашлык.

Когда на второй день я прибыл в Нальчик, то не застал уже Мурадели. Моя встреча с ним состоялась несколько недель спустя в Москве. Первый мой вопрос, естественно, был о произведениях, созданных им за последнее время.

— Большой театр принял к постановке мою новую оперу «Октябрь», повествующую о бурных днях Великой Октябрьской социалистической революции, — сказал композитор. — Мне опера особенно дорога тем, что в ней языком музыки написан образ гениального вождя революции — Владимира Ильича Ленина. Уже идут репетиции оперы.

На мой вопрос, какое из последних произведений он считает наиболее удачным, композитор ответил:

— Думаю, «Бухенвальдский набат». Я слышал, что его поют уже повсюду. Все последние годы я мечтал написать гимн о мире, лирический и в то же время звучащий столь же публицистично, как слова Юлиуса Фучика — «Люди, будьте бдительны!» Долго я не находил подходящих стихов. Песня, которая мучила меня, не давала покоя несколько лет, была написана за два часа, едва я нашел необходимые стихи. Это было стихотворение поэта Соболева «Бухенвальдский набат».

Я попросил композитора поделиться своими творческими планами.

— У меня сейчас одна забота — написать народную оперу «Георгий Саакадзе». Я родился в сердце Картли — в Гори и этой оперой хочу отдать своеобразную дань родному уголку земли. Признаться, — продолжал Вану Мурадели, — мне нелегко работать над этой оперой. Я долго писал ее первое действие, но оно получилось уж слишком академичным. А я мечтаю о том, чтоб опера эта была такой же народной, яркой и понятной, как, например, опера Палиашвили «Абесалом и Этери». Поэтому я решил объездить Картли, пожить в Ностэ, собрать образцы грузинского музыкального фольклора, которые смогу использовать в дальнейшей своей работе над оперой.

\* \* \*

Вану Мурадели не успел завершить работу над оперой «Георгий Саакадзе»...

А в Кабарде все еще ждут его лесничие и охотники. Вот-вот появится Вану и будет охотиться на склонах Эльбруса, и они будут подолгу беседовать у яркого костра...

Недавно я проездом оказался в тех краях и встретил одного лесничего. Он не узнал меня, не знал он и о смерти Вану Мурадели. Он по-прежнему ждал его, и я не решился раскрыть ему правды.

Человек живет надеждой, так пусть и кунак Вану Мурадели верит, что он жив и скоро приедет в Кабардино-Балкарию, и тогда они вместе поохотятся на склонах Эльбруса... Пусть ждет он тот благословенный день, думать о котором ему столь отратно.

Кабардино-Балкария

## ФРАГМЕНТЫ ИЗ ДНЕВНИКА

### МАРИНЭ ГОГЛИДЗЕ-МДИВАНИ

Это было в Москве, более десяти лет тому назад. Стояли удивительно мягкие майские дни.

Третий тур Второго Международного конкурса пианистов имени Петра Ильича Чайковского вызвал небывалый интерес зарубежных музыкантов. В Большом зале консерватории, где проходил конкурс, было больше иностранцев, нежели самих москвичей. Играла пианистка из Грузии Маринэ Гоглидзе-Мдивани. В ложе прессы сидит московский корреспондент французской газеты Виктор Самаре. Обычно иностранные корреспонденты присутствуют только на выступлениях соотечественников. Сегодня французы не участвуют в конкурсе, но Виктор Самаре на своем рабочем месте. Дело в том, что Маринэ завоевала горячую любовь французам на конкурсе имени Маргариты Лонг и Жака Тибо и удостоилась высшей награды. Тогда газета «Либерасьон» писала: «Маринэ Гоглидзе-Мдивани достойна пальмы первенства».

Всегда деловые американские корреспонденты «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк геральд трибюн», пришедшие послушать пианиста Роя Винсента Богаса, были покорены мастерством грузинской пианистки.

Маринэ виртуозно исполнила Третий концерт Прокофьева и Первый концерт для фортепиано с оркестром Чайковского. Согласно условиям третьего тура конкурса, Маринэ выступала с симфоническим оркестром Московской государственной филармонии, которым дирижировал заслуженный артист РСФСР К. Кондрашин.

Долго не смолкает после концерта овация... К Маринэ подходят члены жюри. Поздравляют... Маринэ приветствуют также советский пианист Лев Оборин и народный артист Советского Союза И. Козловский, художник Л. Говоров, который за время выступления Маринэ набросал ее портрет.

В фойе беседуют композиторы Д. Кабалевский и А. Мачавариани. «Прекрасно, великолепно, — говорит грузинский композитор и добавляет: — Таково мнение моих коллег», Маринэ поздравляют зарубежные друзья.

Правое крыло первого амфитеатра Большого зала консерватории, отведенное обычно участникам конкурса, на этот раз переполнено слушателями. Такое бывает не часто. С большим вниманием слушала Маринэ и почетная гостья международного конкурса королева Бельгии Елизавета.

Пресс-бюллетень, в котором сотрудничали советские и аккредитованные в Москве зарубежные корреспонденты, уделял большое внимание грузинским пианисткам Элисо Вирсаладзе и Маринэ Гоглидзе-Мдивани. В его восьмом номере была опубликована беседа с известным советским пианистом В. Мержановым. По его мнению, Маринэ продемонстрировала «широкий масштаб пианизма, подлинный артистизм».

В пресс-бюллетене была напечатана также интересная статья музыкального обозревателя газеты «Известия» А. Зотова, в которой он, отдавая должное мастерству Маринэ, ее таланту, выступил с критическими замечаниями по поводу исполнения пианисткой Сонаты си-минор Ф. Листа, хотя «исполнение этого произведения, — как он писал, — связано с большими трудностями даже для больших мастеров музыки».

## ЭЛИСО ВИРСАЛАДЗЕ

Вот что говорил о грузинской пианистке Элисо Вирсаладзе замечательный советский пианист В. Мержанов: «Это прекрасный и светлый талант, в котором сочетаются темперамент, светлая фантазия, замечательное мастерство. Меня обрадовало ее глубокое проникновение в замысел автора, например, во Второй сонате С. Прокофьева».

Во время последнего выступления Элисо (во втором туре) в пресс-бюллетене писали: «На сцене — Элисо Вирсаладзе. Зал слушает заворуженно. Пианистка играет с необычайной тонкостью, с большим вдохновением. Очень эффектно и артистично исполняет она «Испанскую рапсодию» Листа. Гремят аплодисменты. Зал отдает должную дань чарующей притягательности молодой пианистки».

Величайший поединок музыкальной молодежи мира, длившийся более месяца в музыкальной столице мира — Москве, закончился седьмого мая 1962 года.

Государственные флаги тридцати трех стран мира, участвовавших в конкурсе, гордо реяли перед зданием Московской государственной консерватории, на фасаде которого надписи на русском, французском и немецком языках извещали о том, что в Москве царствовала всемирная музыкальная весна.

В огромный венок московской музыкальной весны последнюю красочную розу вплела Элисо Вирсаладзе.

Зал консерватории собрал в те дни всех звезд музыкального мира: здесь было много советских и иностранных гостей. В правительственной ложе пребывала гостья конкурса королева Бельгии Елизавета.

Казалось, добрая половина тбилисцев приехала в те дни в Москву. Но не только тбилисцы и москвичи, весь музыкальный мир внимал тогда Элисо Вирсаладзе. Виртуозно исполнила она Концерт Шумана ля-минор и Первый фортепианный концерт П. И. Чайковского. Концертную программу Элисо, как и Маринэ Гоглидзе-Мдивани, исполняла с симфоническим оркестром государственной филармонии, которым дирижировал К. Кондрашин.

Глубоко проникнув в замысел автора произведения, Элисо сумела продемонстрировать оригинальность воплощения. Как отмечал один из корреспондентов журнала «Советская музыка», техникой и манерой исполнения она покорила московских и зарубежных любителей музыки.

Бурной овацией встречал зал полюбившуюся пианистку. Не многие на конкурсе заслужили подобную признательность, а когда Элисо исполнила первую часть программы, ей преподнесли огромный букет цветов.

Выступлением Элисо Вирсаладзе был завершен большой музыкальный форум молодежи мира.

Лауреат Ленинской премии, народный артист Советского Союза Арам Хачатурян сказал в беседе с нами: «Прекрасна Мдивани, виртуозна Вирсаладзе. Грузия может гордиться такими пианистами». Член жюри выдающийся советский композитор Д. Кабалевский высоко отозвался о мастерстве Элисо Вирсаладзе.

С успешным выступлением на конкурсе поздравили Элисо французский музыкант Де Гонто Бирон, народный артист Советского Союза И. Козловский, композитор А. Мачавариани, американская пианистка Сьюзанн Стар и другие.

Поздно ночью заседало жюри конкурса пианистов. А затем председатель жюри Эмиль Гилельс объявил имена победителей.

Первая премия была присуждена Джону Эндрию Говарду Огдону (Великобритания). Вторая премия — Сьюзанн Стар (США). Третья премия — Элисо Вирсаладзе (СССР). Четвертая — Маринэ Гоглидзе-Мдивани (СССР). Пятая — В. Камышеву (СССР). Шестая — А. Насадкину (СССР) и Кристиан Бийе (Франция). Почетной грамотой конкурса были награждены Д. Сахаров (СССР), Рой Винсент Богас (США) и Жан Бернар Помей (Франция).

И вот позади московская музыкальная весна, завершен грандиозный пеединок молодых музыкантов со всех концов мира. Чувством большой гордости и радости преисполнены наши сердца. Ведь столь блестящая победа Элисо Вирсаладзе и Маринэ Гоглидзе-Мдивани — это не только их личная победа, но и триумф всей грузинской фортепианной школы.

## ЕЛИЗАВЕТА ВТОРАЯ И ЭЛИСО ТРЕТЬЯ

*(История, рассказанная с улыбкой)*

И вновь рассказ пойдет о Втором Международном конкурсе музыкантов-исполнителей имени П. И. Чайковского в Москве в 1962 году.

Королева Бельгии Елизавета II — известный меценат и любитель музыки — прибыла в Москву как почетная гостья конкурса.

Мне, естественно, она не присылала своей визитной карточки, но, как известно, журналиста этим не смущишь. В таком случае, как говорится в известной притче о Магомете и горе, журналисты сами идут к королеве — нельзя же обойтись без интервью с самой королевой...

«Елизавета II и Элисо III» — сделал я заметку в записной книжке, и вот я, далекий потомок крестьян Гелатского монастыря и сын самурзаканских вольных крестьян, так смело направился к венценосной бельгийской королеве, словно был наследным принцем супергигантского государства.

По дороге я патетически повторял известные строки:

У советских собственная гордость,  
На буржуев смотрим свысока.

Но в душе, признаться, я все же волновался. И как было не волноваться, когда рядом с королевой Бельгии видишь гениев XX века Дмитрия Шостаковича, Арама Хачатуряна, Эмиля Гилельса и других больших и малых звезд музыкального мира.

Не так уж часто приходится встречаться с королевами, и важно было не упустить момент и вовремя обратиться к ней с интересующим тебя вопросом.

— Ваше величество, — говорю я и сам вздрагиваю от собственного голоса. Видимо, произнес я эти слова несколько громче положенного, зато королева немедленно обратила на меня внимание.

— Ваше величество, — повторил я, — как вам нравится исполнительское мастерство Элисо Вирсаладзе?

Королева улыбнулась. Вероятно, такая милостивая улыбка королевы стоила бы целой империи, когда ей было восемнадцать лет, но и теперь она чего-то стоит...

— Когда играет Элисо, мне кажется, что я нахожусь в волшебной стране, — услышал я голос королевы и так почтительно склонил голову, что и сам испугался, как бы у меня не получилось древнее грузинское «челобитье».

Я стремительно поднял голову, но королева отвечала уже на вопросы других.

— Какого вы мнения о других грузинских пианистах? — Я назвал Гоглидзе-Мдивани и Циалу Квернадзе.

И снова милостиво взглянула на меня королева:

— Мне очень понравились ваши пианисты, — сказала она. — Они музыкальны и самобытны.



Я поспешил передать интервью с королевой по телеграфу в Тбилиси. Беседа заняла в газете «Коммунисти» около ста строк, но живи я сто лет, я все еще буду помнить тот день и час, когда снова спросил королеву:

— Ваше величество, Элисо, завоевавшую третье место, журналисты называют Элисо III. Как вы думаете, не есть ли это посягательство на титул подлинных королев?

— Элисо III? — улыбнулась королева. — А что? Хорошо! Элисо действительно королева музыки. Она по праву может носить столь почетный титул.

— Элисо III может стать Элисо I, — ввернул один из журналистов, — тем и отличаются королевы музыки от королев трона.

Пророческими оказались эти слова. Сегодня Элисо Вирсаладзе с гордостью может носить высокий титул Элисо Первая.

И когда мой сыниска просит перед сном рассказать ему сказку, я рассказываю ему о том, как любовь к музыке превратила в королеву совсем простую девочку Элисо, у которой была совсем не королевская фамилия, и как она стала волшебницей музыки. И ей, наверное, завидуют все королевы на земле.



В августе этого года исполняется 60 лет со дня рождения одного из крупнейших современных грузинских писателей, большого мастера советской литературы Григола Григорьевича АБАШИДЗЕ.

Чудесные качества его подлинного и многогранного таланта принесли ему известность и искреннее уважение многомиллионного советского читателя.

Высокая реалистичность и содержательность, глубина замысла и идейная четкость, эмоциональная насыщенность и высокохудожественность произведений Григола Абашидзе — результат вдохновенного творчества этого самобытного писателя, внесшего весомый вклад в развитие грузинской советской поэзии, художественной прозы, драматургии. Его литературно-критические и публицистические статьи, так же как и все его творчество, отличаются высокой гражданской ответственностью, широтой кругозора, особой заинтересованностью сегодняшним днем, партийной принципиальностью.

Свое шестидесятилетие Григол Абашидзе встречает в расцвете творческих сил. Недавно он закончил третью книгу своей трилогии, исторический роман «Цотне, или падение и возвышение Грузии». К этому изданию на грузинском языке было написано авторское послесловие, в котором Г. Абашидзе касается ряда вопросов исторической романистики и отношения писателя к историческому материалу (в частности к древним грузинским летописям).

Публикуя это послесловие, редакция надеется, что затронутые автором актуальные и острые проблемы советского исторического романа, имеющие широкое практическое значение, вызовут живой интерес читателей «Литературной Грузии».

Материалы, посвященные 60-летию Григола Абашидзе, будут опубликованы в одном из последующих номеров журнала.

Григол АБАШИДЗЕ

## ПИСАТЕЛЬ И ИСТОРИЯ

**М**ОИ ИНТЕРЕС к историческому прошлому имеет глубокие корни и большую давность. Откровенно говоря, с самого начала моего творческого пути источником вдохновения для меня, наряду с современностью, неизменно являлась история моей страны. История значила для меня больше чем потребность: она жила во мне, и я писал стихи и поэмы на исторические темы еще тогда, когда история Грузии была не в особом почете. История вдохновила меня на первое прозаическое произведение — роман «Лашарела». За «Лашарелой» последовала «Долгая ночь», и вот теперь мое путешествие в прошлое завершается последней, третьей книгой грузинской хроники трина-

дцатого века, книгой, которую я назвал «Цотне, или падение и возвышение Грузии».

Почти двадцать лет меня занимала история Грузии тринадцатого века. И хотя за это время мною написано не одно произведение, посвященное современности, на моем рабочем столе постоянно лежали летописи Рашид ад-Дина и Ибн аль-Асира, Несеви и Джувеини. Васафа и Киракоса и многих других, основной же для меня всегда оставалась «Картлис цховреба» («Жизнь Картли»). Перелистывая ее страницы, я вновь и вновь неотступно возвращался к отдельным летописям «Картлис цховреба» в ожидании новых открытий. Я пытался вычитать между строк скры-

тый, подразумеваемый смысл и, сопоставляя со свидетельствами иностранных источников, пролить свет на события интересующей меня эпохи. Изучение иностранных источников и ознакомление со многими исследованиями еще более утвердили во мне доверие к достоинствам «Жизни Картли».

Теперь, когда завершена последняя книга моей «Хроники» и мне захотелось поделиться с читателем мыслями о принципах, которые были положены мною в основу работы над историческим материалом, я невольно вновь оказался в плену «Картлис цховреба», и настоящее послесловие посвящено восхвалению этого величайшего памятника нашей национальной культуры (вернее, одной из частей его «Летописи времен» — «Жамта агцера», как условно называют книгу неизвестного летописца, также условно именуемого Жамтаагмцереда).

Я надеюсь, читатель простит, что мои исторические размышления посвящены прошлому Грузии. Этот недостаток, быть может, явится и достоинством, ибо читателя должны интересовать мысли, возникающие у грузинского писателя при работе именно над историей Грузии.

\* \* \*

Книга многовековой истории Грузии похожа на сказку из «Тысячи и одной ночи». Подобно основному сюжету Шехерезады, разветвляющемуся на бесчисленное множество ветвей-притч, имеющих независимые сюжеты, «Картлис цховреба» является собранием рассказов о приключениях отдельных людей. Эти рассказы, имея самостоятельное, независимое значение, в то же время являются неотделимыми частями единого целого.

Древо истории Грузии бесконечно разветвлено, и каждая из этих ветвей отягчена плодами. Многие из них сладки и душисты, но еще больше плодов горьких, вызывающих слезы. Я с малолетства следил за многовековым путем, пройденным нашим народом. Он, этот путь, возник давно, почти в предыстории, и достиг наших дней. Обращаясь к этому прошлому, меня изумляла жизнеспособность моего народа, а неисчерпаемость его жизненных сил наполняла гордостью. На этом тяжком и длительном пути давно пали Ассирия, Вавилон и Египет, финикийцы и хетты, древние греки и мидийцы, а грузинский народ, вовлеченный в бурное море опустошительных войн и великих переселений народов, раз и навсегда опершись на Кавказиони, уже не отступал, глубоко пустил корни и донес неодолимую жажу жизни до наших дней.

Что сохранило ему существование? Что вновь и вновь вдыхало жизнь в тысячи раз смертельно раненный грузинский народ? Этот вопрос невольно возникал у каждого, кто прослеживал наполненную драматизмом историю Грузии. Григол Орбелиани сравнил наш народ с мифической птицей Феникс, которая горит в огне, превращается в пепел, а потом, восстав из пепла, обновленная, является вновь. Сколько раз была опустошена и испепелена Грузия! Не оставалось камня на камне, и уж ни у кого не было надежды на ее возрождение, но она вновь возникала из пепла и мощно простирала крылья, чтобы начать новую жизнь.

Иногда сами сыны ее были причастны к падению ее, и на страницах «Картлис цховреба» встречаемся мы с многими сильными личностями, которые ради личного благополучия поступались благодеянием родины. Но ведь такое бедствие было характерно не только для грузин. Разве английские хроники не полны имен похитителей тронов — отцеубийц и братоубийц, которым ничего не стоило во главе неприятельских войск вступать в родную страну и сокрушать ее мощь ради того, чтобы хоть на время удовлетворить свое тщеславие. Не эти ли хроники послужили пищей для создания общечеловеческих образов непревзойденному гению всех времен, бессмертному Шекспиру?

Изучение мировой и отечественной истории подсказало Вольтеру слова, исполненные отчаяния: «Еще и еще раз приходится признать, что вся история — это цепь преступлений, безумств и несчастий, среди которых лишь изредка, подобно оазисам, разбросанным там и сям среди дикой пустыни, вы встретите добродетельного человека или счастливую эпоху... Другие народы были не более гуманны, но ни одна нация не была так опозорена убийствами и преступлениями, как французская»<sup>1</sup>.

Так было везде, так было и у нас, ибо и в самой природе рядом со светом соседствует тьма, рядом с пшеницей — плевелы, рядом с изменой — верность...

Ничего не стоили бы старые грузинские хроники, если б они не свидетельствовали о возвышенных примерах моральной чистоты и рыцарского благородства, равных которым трудно отыскать в истории многих народов мира. Самая большая заслуга «Картлис цховреба» перед историей грузинского народа заключается именно в том, что она сохранила бессмертные уроки моральной чистоты и самоотверженности ради народа и ближнего и тем самым навеки запечатлела в думах потомства не-

<sup>1</sup> Вольтер, Философия истории, Избранные страницы, СПб, 1914, стр. 136, 145.

преодолимое стремление к моральному совершенствованию.

Изучение истории нам нужно ради лучшего познания настоящего и для предвиденья будущего. Считается общепризнанной истиной, что история служит уроком для потомков. На закате старого мира при всеобщем крушении надежд буржуазных мыслителей создавалась атмосфера недоверия и неприятия и в отношении истории.

Современный поэт и мыслитель Поль Валери пишет: «История — самый опасный продукт, вырабатываемый химией интеллекта. Свойства ее хорошо известны. Она вызывает мечты, опьяняет народы, порождает в них ложные воспоминания, углубляет их рефлексы, растравляет их старые язвы, смущает их покой, ведет их к мании величия или преследования и делает нации горькими, спесивыми, невыносимыми и суетными... История оправдывает любое желание. Она, строго говоря, ничему не учит, ибо содержит все и дает примеры всего...»<sup>1</sup>.

В этих рассуждениях Валери, наряду с остроумными наблюдениями явно можно разглядеть беззаботность сына, разнеженного судьбой большой нации, перед которой не стоит вопрос о бытии или небытии родного народа и которая не нуждается в привлечении уроков истории для восстановления и ободрения пришедшей в упадок родины.

Каждое новое поколение рода человеческого само пробивает себе дорогу в жизни, каждая новая трудность, возникающая как перед отдельной личностью, так и перед каждым поколением, требует по преимуществу новых решений, и даже в сходной ситуации опыт предков не всегда способен выполнять роль руководителя.

Большинство людей живет повседневностью своего времени, и ничто так не влияет на нас, как разнообразные явления или факторы этого времени. Эта истина образно выражена в арабской пословице: «Люди больше похожи на свое время, чем на своих отцов». Да, это так, но во времени и в природе действуют силы, влияние которых не определяется только их отдаленностью или близостью. В наше время, рядом с нами происходят многочисленные события, не имеющие на нас никакого влияния, равно как возле нас живет много людей, существование которых никоим образом — ни положительно, ни отрицательно — не влияет на нашу жизнь.

Но в прошлом каждого народа были явления и были люди, которые и нын-

не способны оказывать влияние на нас, несмотря на их отдаленность. Сила, которая, подобно магниту, несмотря на даты времен, оказывает на нас воздействие, — это примеры самоотверженного служения своему народу, духовной чистоты и духовного рыцарства. Эти примеры, подобно вершинам, возвышающимся над горными хребтами, — на пути, преодоленном народом. Навеки остаются они образцами для потомков.

Люди, не обладающие этим мерилом, не имеющие примеров высокой нравственности, никогда не познают самих себя и никогда не смогут оценить своих или чужих действий. Прошлое, увы, располагает и иными примерами: примерами духовной низости и падения. В прошлом создан обобщающий образ изменника и продажного человека — Иуды. У каждого народа есть свой Иуда, и он чернеет на длинном пути, пройденном народом, где-то неподалеку от образцов духовной чистоты. Разница лишь в том, что Иуда никого не привлекает и никто не старается уподобиться ему. Наоборот, потомки предадут его забвению и, намечая линию своего поведения, исключают его из своих ориентиров. Но Иуда все же существует на всех этапах человеческой истории. Он не напоминает нам о себе в ожидании подходящего времени, чтобы объявиться и еще раз обесславить те или иные личности.

Отрицатели опыта и уроков истории почему-то не принимают во внимание примера борющихся за независимость народов, входящих в Российскую империю девятнадцатого века, в Австро-Венгерскую империю. Грузинский и армянский, польский и болгарский народы, оживив историю с помощью примеров прошлого, обрели именно тот боевой дух, который в конечном итоге и принес им долгожданную и желанную свободу.

На памяти ныне живущего поколения «Картлис цховреба» сыграла необычайно активную роль и вдохнула живительную силу в духовное обновление народа.

Знаменосцы великого национально-освободительного движения девятнадцатого века черпали вдохновение из тех страниц «Картлис цховреба», которые повествуют о самоотверженности Цотне Даднани и Дмитрия Самопожертвователя, героев Бахтриони и священника Тевдорэ.

«Дмитрий Самопожертвователь» Ильи Чавчавадзе, «Натела» и «Баши-Ачуки» Акакия Церетели, «Бахтриони» Важа Пшавела явственно обрисовали грузинскому народу идеал героя, жертвующего собой ради родины, и создали для народов, борющихся за свободную жизнь, образец высокой нравственности, достойной подражания.

<sup>1</sup> Поль Валери, Избранное. Заметки о величии и упадке Европы, Госиздат «Хужественная литература», Москва, 1936, стр. 279.

**О бесстрашные герои,  
Наша гордость вы и слава,  
Поколенья не забудут  
Ваших подвигов и сеч.  
Услыхав о ваших битвах,  
Прослезится старец слабый,  
Пылкий юноша в восторге  
Грозно схватится за меч, —**

писал Григол Орбелиани, а Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели в течение всей своей многотрудной жизни неустанно пестовали этих героев, призывая их к борьбе и ратному подвигу. Пробуждая народ ото сна, одержимые идеей его подготовки к свободной жизни, Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Важа Пшавела и Яков Гогобашвили одним из главных видов оружия борьбы считали оживление героического прошлого народа. Отмечая их неоценимую заслугу, мы тут же с благодарностью вспоминаем и вдохновлявший их живительный источник — «Картлис цховреба», который является активным участником в борьбе за формирование самосознания. Это отличный пример для демонстрации отношения живых людей к истории, пример применения исторического опыта и использования исторического опыта в современных условиях.

Но мы располагаем и более близкими примерами привлечения истории, воодушевления нынешних бойцов самоотверженными делами героев прошлого. В самые критические дни битвы с гитлеровцами под Москвой советские войска, направлявшиеся на фронт для спасения столицы, были воодушевлены примерами прошлого, именами полководцев прошлого, славой и величием победоносных знамен, под которыми они сражались.

\* \* \*

Грузия принадлежит к числу той малочисленной группы цивилизованных народов, которые издревле имеют написанную на родном языке свою собственную большую историю. Эта история создавалась в течение веков, продолжалась как слитоеоедино повествование и формировалась как одно из первейших доказательств высокой культуры народа. Этот свой паспорт наши предки называли «Картлис цховреба». На длинном пути нашего народа ни в чем так не выражена грузинская душа, беды и радости родной земли, ее творческая сила, как в этой книге. «Картлис цховреба» — монументальный памятник грузинской культуры, который по своему значению равен самым значительным творениям прошлого, созданным гением нашего народа. Более того: «Картлис цховреба» является одним из значительных памятников мировой историографии, которому без какой-либо скидки принадлежит достойное место наряду

с лучшими летописями. Собственно говоря, книга «Картлис цховреба» состоит из нескольких великолепных летописей. Я считаю, что среди них история Грузии XIII века является замечательной. Эта моя уверенность создана и зиждится на многолетней неразлучной дружбе с летописью, продолжительными наблюдениями над сочинением, сопоставлениями его с другими источниками.

Мы располагаем и другим свидетельством о Грузии начала тринадцатого века: имеется в виду так называемая «Летопись времен Лаши» — краткий и сухой рассказ придворного официального историка-панегириста. Эта история, изложенная в возвышенном стиле, не содержит почти ничего живого. Конечно, для романиста знакомство с ней обязательно, но «Летопись» дает слишком скудную пищу для вдохновения.

Иное дело — хроника Жамтаагмцерели! Я много думал о положительных и отрицательных качествах личности ее неизвестного автора, о его патриотизме и научных писательских интересах, а поэтому позволю себе более обширно остановиться на этой замечательной книге грузинской истории.

\* \* \*

Грузинский летописец, который в нашей исторической науке прозван Жамтаагмцерели, повествует о столетней истории родной страны, рассказ ведется непрерывно с начала XIII века до начала XIV века. Это был несказанно трагичный век не только для Грузии. В результате внезапного и опустошительного нашествия монголов многие цветущие в экономическом и культурном отношении страны были повергнуты, попали под тяжелое иго поработителей, и на долгие времена для них закрылся путь к развитию.

Монголы с неслыханной безжалостностью, крайне жестоко сломили противодействующие силы. Значительно раньше, чем появились восседавшие на неподкованных лошадях орды Чингисхана, с молниеносной быстротой распространялась молва об их непобедимости, о бессмысленности борьбы против них. Эти слухи вселяли ужас: очередная жертва бросала оружие, не выходя на поле брани. Так монголы захватили огромную территорию и создали бескрайнюю империю, в которой «никогда не заходило солнце».

Народы, очнувшись после объявленного их ужаса, глубоко задумались над происшедшими явлениями величайшего значения, пытались объяснить их и, выясняя причины и следствия, старались найти в них закономерности. Воспитанным в религиозных учениях Христа и Магомета, образованным, но сле-

по верующим людям казалось невозможным, чтобы в простом противоборстве побеждали стоящие на низком уровне развития и сравнительно малочисленные монгольские орды, чтобы они уничтожали великие своим богатством и мощью государства, сокрушали их многочисленные армии, сравнивали с землей города, укрепленные согласно новейшим достижениям фортификации, свергали великих государей. В безжалостном уничтожении сотен тысяч ни в чем не повинных людей, в бесчисленных жертвах, во всем этом ужасе, обрушившемся на них, они видели только перст господень, не находя иного объяснения, кроме ниспосланного свыше наказания. И Чингисхан представлялся им божьей карой за «грехи и неверие» людей.

Эту концепцию разделила и приняла как обязательную вся созданная в XIII—XIV веках историческая литература. В этой богатейшей литературе, словно драгоценные камни, блещут произведения Ибн аль-Асира и Несеви, Рашид ад-Дина и Джувейни, Киракоса Гандзакци и нашего Жамтаагмцерели.

Произведения грузинского летописца Жамтаагмцерели возвышенными патристическими идеями, верностью исторической правде, художественными особенностями стиля повествования заслуженно занимают достойное место среди тех первоклассных источников, которые изумляют европейских ученых, разбалованных греческими и римскими авторами. Жамтаагмцерели считается деятелем начала XIV века, современником Георгия Блистательного. XIII век, начало падения мощной и цветущей Грузии, для Жамтаагмцерели уже прошлое, и он с беспристрастностью потомка взирает на действия предков и на общественные явления, которые определили снижение великой Грузии времен Давида Строителя и Тamar до ранга страны — монгольской даницы. Взгляды его — это не взгляды какой-нибудь одной группы общества. Его интересы имеют широкое общественное значение, его мнение — это общенациональное мнение. Его приговор — основанный на анализе свершившихся фактов приговор грядущих поколений. Это мнение — результат глубоких раздумий патриота, объективности которого уже ничто не препятствует, и он способен делать правильные заключения из своих длительных наблюдений.

Из деятелей прошлого он никого не выделяет своей любовью или ненавистью. Его симпатии и антипатии определяются делами предков. Их он взвешивает и оценивает только по результатам их дел. Более того: даже одну и ту же личность он характеризует по-разному, в зависимости от того, какую пользу или вред принесли государству его действия в то или иное

время. Например, повествуя о начале деятельности царя Дмитрия Самобо-жественного, летописец так подробно говорит о привлекательной внешности царя и добром нраве его, что впоследствии скажет случая упомянуть, сколько раз преклонял он колена во время молитвы («Тысячу пятьсот раз преклонял он к земле колена»), но впоследствии, когда «с годами начал помалу склоняться и смешался с язычниками», научился их «прелюбодеяниям и ненасытности», летописец, не стесняясь, умаляет царский авторитет и называет его злым и распущенным. В борьбе, которая завязалась против царя, летописец явно на стороне его противников и не жалеет слов для подчеркивания их чистоты и правоты. Но впоследствии, когда тот же царь обрек себя на гибель, летописец с большой художественной силой и душевной болью описывает самоотверженность царя ради народа: «Многоволнителен бренный мир непостоянен и преходящ. Дни нашей жизни пройдут как сон и видение. Безболезненно и быстро надлежит отойти из этого мира. Какой прок от моей жизни, если из-за меня погибнут многие и я, отягченный бременем грехов, стойду из этого мира... Жаль мне простой народ как агнцев. Я отдам душу ради моего народа».

Так же изменчиво его отношение к Лаше-Георгию. После Тamar на трон поднимается Лаши, и это событие, как начало царствования, летописец описывает так: «В то время веселился и радовался он. И повсеместно была радость и веселье». Но как только колесо судьбы завертелось вспять и на небосклоне Грузии появились первые тучи, летописец одну из причин «гнева господня» усмотрел в поведении главы государства и нагаждает «богом венчанного царя» жестокими эпитетами.

Наш летописец выше всего ставит интересы родины и своего народа и если в причинах бед родного народа видит чью-нибудь вину, то осуждает и порицает виновника. В таких случаях не существует для него непогрешимого авторитета, ибо родина — выше всего, выше самих царей, даже выше «слуг господних». Приговор летописца суров и беспристрастен, но в нем содержится и душевная боль, ибо он вынужден изобличать «помазанника божья». Летописцу тягостно рассказывать горькую правду: «Мне стыдно осмелиться говорить, но и не могу молчать, ибо сама обесчестила себя, восставовив против племянника своего», — пишет он по поводу зла, содеянного царицей Русудан в отношении Давида, сына Лаши. Он далее еще более заостряет эту мысль: «И здесь я вновь пожелал замолкнуть, ибо не подобает говорить о царях порочащее их». Но автор этих строк знает и то, что кни-

га истории народа находится между содеявшими добро и зло и что потомки помилуют его за правду и беспристрастность, ибо «писать летопись — это говорить истину, а не вводить кого-нибудь в заблуждение». Жамтагмцереги руководствуется таким подходом, когда несколькими меткими фразами намекает на негативные бытовые эпизоды царского двора. В некоторых иностранных источниках (например у Ибн аль-Асира) они рассказаны пространно и неприкрыто. Этот факт говорит о достоверности источника и национальном самолюбии автора. Грузинский летописец полностью разделяет историко-политическую концепцию историков монгольской эпохи: беззаботность правителей страны, их моральное падение, взаимное соперничество и вражда настолько ослабили могучее государство, что когда «господь в наказание за грехи и злодеяния» ниспослал монголов, то государство было бессильно противостоять им и отбросить их орды. Мол, если невозможность победы над монголами была заранее предопределена провидением, летописцу только остается почаще напоминать об этом «господнем промысле» и, отчаявшись, неоднократно повторять слова Екклезиаста: «Суета сует и всяческая суета». «И продлилось опустошение и уничтожение страны за безверие наше...» — повторяет историк неоднократно высказанную им мысль.

Ему прекрасно известно, что это несчастье обрушилось не только на Грузию: «Не только на Грузию, но и Персию, Вавилон и Грецию постигло горькое пленение и безжалостная смерть... Не было никому пощады. Грады и веси, поля, леса, горы и овраги полны были мертвыми».

Книга Жамтагмцереги охватывает самый темный и тяжкий период жизни Грузии и изобилует потрясающими картинами. Летописец нигде не старается смягчать факты. Наоборот, он обнажает истину и даже сгущает краски, чтобы сделать рассказ еще более впечатляющим и достойным размышлений. Таково подробное описание ужасов избития младенцев на глазах матерей, беспощадного и хладнокровного уничтожения мирного населения страны. На страницах летописи жуткие описания не уступают картинам Апокалипсиса. Жестокый драматизм повествования соответствует событиям и отлично передает сущность и значение описываемых ужасов. Вековая история страны разворачивается в летописи как эпопея, в которой драматизм рассказа как в целом, так и в отдельных эпизодах является главным, определяющим признаком стиля автора, его искусства.

В повествовании Жамтагмцереги мастерски сочетаются возвышенная па-

тетика и интонация безнадежности. Их полная согласованность создает ту своеобразность стиля, тот артистизм повествования, которые очаровывают читателя. Композиция произведения определяет его стиль. Перед летописцем стояла сложная задача: в ограниченной по объему одной книге передать события, разворачивающиеся в течение целого века, изложить явления, имеющие величайшее значение в жизни нации. Из великого множества событий он должен был отобрать самое существенное и значительное, самое главное. В отличие от историков, поведавших о Давиде и Тамаре, он должен был рассказать о жизни не одного царя, а изложить исполненную страданий и раздоров столетнюю историю родного народа. Эти сто лет включали жизнеописания нескольких поколений царей. И каких жизнеописаний! Это было время, когда жизнь и существование всего народа висели на волоске и постоянно находились под страхом уничтожения. Для художника такая эпоха была более привлекательной, чем уравновешенная, мирная жизнь государств, управляемых мудрыми венценосцами. Во времена единоправия самодержавных царей инициатива отдельных личностей подавлена, в государстве властвует одна воля, для выявления сильных характеров поле действия ограничено или вообще отсутствует. Во времена же ослабления или ликвидации центрального правления предоставляются широкие возможности для возвышения отдельных деятелей, и сильные личности именно в такую пору проявляют волю и характер.

Грузинский летописец объединил интересы художника и историка. Из огромного материала он отобрал только факты, имеющие решающее значение в жизни народа. Одновременно он удовлетворил и потребность читателя в высокохудожественном произведении. Даром автор, излагая столетнюю историю в книге столь ограниченного объема, встал бы перед опасностью схематизма. Но, к чести Жамтагмцереги, надо сказать: с задачей краткого, сжатого изложения обширных событий он справился мастерски, схватывая самую сущность явлений. Казалось бы, в условиях такого ограниченного объема он не мог задерживать внимания читателя на подробностях, которые ярко живописуют природу, на своеобразии исторических героев и характере эпохи. Но ограничивая себя скудным изложением второстепенных явлений и правильно подбирая основной материал, летописец достигает почти невозможного. Ему удается вдохнуть жизнь в героев рассказа, раскрыть их характеры. Он находит место и для повторного пространного изложения некоторых существенных соображений. В этом он походит на боль-

ших мастеров сонета, которые в жестких рамках этой формы, строго определяющей место каждого слова, умеют не только блистательно излагать мысль, но и посредством повтора некоторых слов добиваться еще большего подчеркивания этой мысли.

Жамтаагмцереги описывает столкновение войск Хулагу-хана с войсками брата Батия — Берна (по ошибке он называет его сыном Батия). Оказываясь, в этом сражении Хулагу Саргиса Джакели «поставил перед собой». Незадолго до начала войны Саргис вместе с Улу Давидом был вызван в орду, где взял на себя ответственность за отступничество грузинского царя: «Царь не виновен. Это по моей вине отступил он от вашего двора». Предпринимая такой шаг, Джакели спасал царя. И если войско Берна не двинулось в поход и Хулагу-хан не поспешил выступить, самому Саргису грозила верная гибель. Каково же могло быть душевное состояние Саргиса Джакели, когда Хулагу-хан поставил его перед собой. Кто-нибудь другой не смог бы на его месте совладать с волнением, потерял бы душевное равновесие, Саргис же проявил поразительное хладнокровие и, сохранив спокойствие, нашел в себе силы для таких мелочей, которые для воина, находящегося в его положении, не могли иметь значения. «Было и такое: среди отрядов проскользнула лань, и закованный в латы Саргис Джакели убил ее. Продвинулись немного, и тот же Саргис стрелой поразил лису и, пройдя немного, убил зайца». Обреченный на смерть Саргис на глазах у разгневанного хана ведет себя так непринужденно, будто его ничего не тревожит, будто нет у него никаких забот.

У летописца, описывающего великое Шабуранское сражение, казалось бы, не должно было найтись места и времени для рассказа о случайно попавшихся лань, лисы и зайца, которых Саргис поразил своими стрелами. Но летописец — замечательный психолог. Он знает, что этот незначительный на первый взгляд эпизод решил судьбу Саргиса Джакели. Именно его душевное спокойствие, хладнокровие и сила воли восхитили Хулагу-хана. Если бы даже в ходе сражения Саргис и не спас его, все равно хан помиловал бы Джакели, оценив его качества.

\* \* \*

Жамтаагмцереги не простой пересказчик происшедшего. Он пытается проникнуть в законы истории и разгадать побуждения людей, творящих ее. Он оголяет корни начал, присущих человеческой природе: эти начала одновременно существуют в человеке, и Жамтаагмцереги старается показать проявления добра и зла, возвышенных стрем-

лений и низменных побуждений. Он не ограничивается сухим рассказом о действиях. Он старается истолковать, объяснить мотивы, движущие героями; передать их душевное волнение, а частую старается выявить и такие причины, которые даже сами герои повествования скрывают в глубине души. Жамтаагмцереги говорит о возможных причинах и высказывает по этому поводу свои соображения. Присущая Жамтаагмцереги психологическая глубина проникновения в душу человека зачастую напоминает видение и глубинную анализа большого художника. Он глубоко заглядывает в человеческую душу и в личных качествах той или иной фигуры разглядывает общечеловеческое, которое действительно как в прошлом, так и в настоящем и будущем.

Как историк и моралист Жамтаагмцереги более или менее изучен. Но как художник и психолог он достоин особого изучения. Летописец часто не повествует, а живописует, пластически восстанавливая давно прошедшие события. Оживленные им картины будто наяву стоят перед нами.

Мастерски описывает Жамтаагмцереги внешность Улу Давида после пыток. «Вывели Давида. Душа еле держалась в нем. Он был недвижим и видевшим его казался мертвым или окоченевшим, вид его поражал...».

В своих произведениях все историки тех времен уделяют большое внимание внешности монголов. Портрет, нарисованный Жамтаагмцереги, можно считать классическим. Он поражает почти фотографической точностью обрисовки черт лица. И вообще Жамтаагмцереги в своем сочинении уделяет немало места описанию портретов, причем рисует их по определенной схеме (грузинские цари и вельможи, портреты Чингисхана, Ильхана). И хотя в описании намечены только общие черты, все же они не похожи на портретные описания полицейских, ибо им уловлены те черты лица, которые говорят о характере человека. Таковы портреты Дмитрия, Улу Давида, Давида Нарима, в которых, кроме черт лица, даны характер и природа человека.

В отношении сына Лаши — Георгия летописец говорит: «Был он велик и строен. Отличный лучник, милостив к злодеям. Сын Русудан же, Давид, был небольшого роста, лицом прекрасен, редковолос, быстроног, прекрасный охотник, сладкоречив и словоохотлив, добр, бодрый конник, в походе смиренен, справедлив».

В одном этом абзаце лаконично обрисованы не только внешность двух царей (двоюродных братьев), но и черты характера, которые впоследствии



неоднократно проявлялись в их деятельности.

А поскольку, по убеждению летописца, характер царя определяет его политику, он выделяет те черты характера, которые оказывают влияние на царские поступки, на всю его деятельность и вообще на судьбу государства.

\* \* \*

У нас еще не изучены приемы риторики, которыми традиционно пользовалась грузинская историография. Еще не произведен сравнительный анализ взаимосвязи, взаимоотношения отдельных летописей всего свода «Картлис цховреба», не сопоставлены общие места.

Жамтаагмцерели начинает свою историю с воцарения Лаша-Георгия и до конца прослеживает за событиями. Но в летописи часты отступления от хронологий, перемежаемость событий, происшедших в более поздний период.

Большой грузинский историк И. Джавахишвили посвятил изучению произведения Жамтаагмцерели специальный труд. Путем детального анализа летописи ученый приходит к заключению, что «наш летописец был человеком развитым; рассуждения его обычно правильны и грезвы». Изучая Жамтаагмцерели, ученый убеждается, что автор владел несколькими языками (греческий, монгольский, уйгурский, персидский), хорошо знал греческую, римскую и персидскую историческую литературу. Летопись пестрит монгольскими и персидскими цитатами, свидетельствами греческих авторов. Неоднократно привлекает он свидетельства из Священного писания.

Наблюдения И. Джавахишвили явно показывают, что Жамтаагмцерели использовал многие негрузинские, иностранные, источники. Были источники и грузинские. Он часто называет имевшиеся в его распоряжении грузинские источники, приводит свидетельства из них, соглашается с ними или оспаривает. Он не следует слепо этим свидетельствам, а сопоставляет их и дает свои заключения. «Историческую правду он выясняет по первоисточникам. А это уже зачаток критического метода и является первым опытом исторической критики в грузинской литературе», — авторитетно заявляет И. Джавахишвили.

Тщательный анализ произведения Жамтаагмцерели привел И. Джавахишвили к окончательному заключению, что «достоинством грузинского летописца является его нелицеприятие и объективность». «Как выясняется, сочинение нашего летописца надо считать историческим источником, достойным доверия».

Единственное сомнение возникает у И. Джавахишвили только в отношении тех неправдоподобных сказочных элементов, которые так обильно разбросаны в летописи: «...Прямо изумительно, как случилось, что автор включил столько «сказок», как, например, рассказ о любви к сыну Лаша-Георгия змей, сидящих в подземелье, или же о скачке на трехногом коне в течение целого дня и ночи, или же о прорыве в двух местах городских стен и падение города». Некоторые из тех, кому было на руку объявить произведение Жамтаагмцерели источником, недостойным доверия, для того чтобы укрепить собственные необоснованные соображения, воспользовались этим сомнением И. Джавахишвили. Но никакими примерами суеврия нельзя обосновать надежность или сомнительность исторического источника. В качестве иллюстрации можно привести труды многих историков не только времен монгольских нашествий. Можно назвать и Фукидида, и Плутарха, и Тита Ливия, и Тацита, и Ибн аль-Асира, и Рашида ад-Дина, и многих других.

Ни один из классиков исторической литературы не был атеистом-марксистом. Они были идолопоклонниками или исповедовали Христа или Магомета. Их вера была глубока, но они также верили чудесам, как реальным фактам. Эту истину хорошо сознавали мыслители прошлого. Вот что пишет замечательный французский философ Мишель Монтень, говоря о Таците: «Свидетельства его кажутся порою слишком уж смелыми, как, например, рассказ о солдате, который нес вязанку дров: руки солдата якобы настолько оконечели от холода, что кости их примерзли к ноше да так и остались на ней, оторвавшись от конечностей. Однако в подобных вещах я имею обыкновение доверять столь авторитетному свидетельству. Такого же рода и рассказ его о том, что Веспасиан по милости бога Сераписа исцелил в Александрии слепую, помазав ей глаза слюной. Сообщает он и о других чудесах, но делает это по примеру и по долгу всех добросовестных историков: они ведь летописцы всех значительных событий, а ко всему происходящему в обществе относятся также толки и мнения людей»<sup>1</sup>.

В доказательство того, что наш летописец в этом отношении не оригинален и не составляет исключения среди историков прошлого, можно было привести множество примеров из произведений всех историков его времени или их предшественников, причем гораздо неправдоподобных, чем скромные чудеса нашего летописца.

<sup>1</sup> Мишель Монтень. Опыты. Книга третья, изд. АН СССР, Москва—Ленинград, 1960, стр. 204.

Но разве только потому что Плутарх, Тацит, Светоний или Ибн аль-Асир в своих произведениях уступают место чудесам, наука когда-нибудь отказывала им в достоверности повествования?

Современный французский историк Марк Блок заключает по поводу подобных соображений: «Если картина мира, какой она предстает перед нами сегодня, очищена от множества мнимых чудес, подтвержденных, казалось бы, рядом поколений, то этим мы, конечно, обязаны прежде всего постоянно вырабатывавшемуся понятию о естественном ходе вещей, управляемом неизбежными законами. Но само это понятие могло укрепиться так прочно, а наблюдения, ему как будто противоречившие, могли быть отвергнуты лишь благодаря кропотливой работе, где объектом эксперимента был человек в качестве свидетеля. Отныне мы в состоянии и обнаружить, и объяснить изъяны в свидетельстве. Мы завоевали право не всегда ему верить, ибо теперь мы знаем лучше, чем прежде, когда и почему ему не следует верить. Так наукам удалось освободиться от мертвого груза многих ложных проблем»<sup>1</sup>.

И. Джавахишвили прекрасно понимал сущность этого вопроса. Он считал Жамтагмцерели достоверным, образованным и здравомыслящим автором, но в защиту от нападений поспешных посягателей он вынужден был проявить в его отношении излишнюю научную осторожность и под конец сформулировать невольное возникающее сомнение: не включены ли эти места последующими переписчиками?

\* \* \*

Повествование Жамтагмцерели часто напоминает плач Иерами и не только в том, что он оплакивает развалины великой родины. Беспредельно печален и исполнен отчаяния тон повествования. Судьбой уготовано было ему оплакивать победоносную Грузию XII века. Большая часть его истории — горестный рассказ об унижении и падении оскорбленных и разочарованных. Это картина вековой, долгой, темной ночи, на черном фоне которой изредка возникают проблески истинного рыцарства, мужества и редкого благородства.

У хроники Жамтагмцерели утеряны начало и конец. И хотя мы знаем, что автор дождал до желанного освобождения родины от монгольского ига, повествование его, доведенное до царствования Георгия Блистательного, внезапно обрывается на первых же строчках рассказа о новых ужасах. «И начало све-

тило восходить. Язык же мой не позволяет высказать достойное удивления и ужаса». Такой невольный конец так внезапно прерванного повествования полностью соответствует всему содержанию летописи, духа и судьбы самого несчастного летописца, которому было суждено быть повествователем несчастий, автором страниц, написанных слезами и болью.

Историко-политическая концепция Жамтагмцерели патриотична и национальна. Он знает: история, жизнь народа продолжается; зло может присутствовать и в будущих взаимоотношениях людей, а поэтому примеры добра и зла должны остаться в качестве урока людям всех времен, как показатель направления и пути, которым им надлежит следовать. Исходя из этого, подобно библейскому пророку, он ободряет и предостерегает потомство моральными примерами, которым надо следовать или остерегаться. По его мнению, из числа предков образцами добра и совершенства являются Давид и Тamar, а образцами зла и низости — сыновья Вагваши-Кахабера. В соотношении с этими историческими ориентирами оценивает он свершения деятелей монгольской эпохи, сравнивая с их поступками каждый значительный шаг этих личностей. Окончательное решение он выносит, только подводя итоги. Вполне естественно, что, повествуя жизнь Грузии в эпоху падения, Жамтагмцерели живописал бы общую картину разложения нации и представил бы множество примеров моральной деградации отдельных личностей. А в летописи Жамтагмцерели дело обстоит совершенно иначе. Ни в одной из хроник «Картцховреба» не приведено столько примеров моральной чистоты и благородства, самоотвержения ради народа и ближнего. Из многочисленных примеров героизма и нравственного совершенства, пересказанных Жамтагмцерели, выберем несколько:

1. ...Во время осады Аламута был убит Ионон Чагатаи. Заподозренных в убийстве воинов-грузин ожидало полное уничтожение. По совету Григола Сурамели, грузинские военачальники сами предстали перед разгневанными монголами. Они сознательно обрекли себя на смерть, но тем самым избавили войско от гибели.

2. ...Вызванный в монгольскую орду царь Дмитрий безусловно знал, что его ожидает смерть. Близкие и вельможи в один голос отговаривали его. Но Дмитрий предпочел предстать перед ханом и пожертвовать собой, оберегая тем самым от гибели и уничтожения весь народ.

3. ...Отрекшиеся от покорности Улу Давид и Саргис Джакели в конце кон-

<sup>1</sup> Марк Блок, Апология истории, или ремесло историка, изд. «Наука», Москва, 1973, стр. 74.

дов предстали перед ханом. Чтобы отвел от царя ханский гнев, Джакели пошел на верную смерть: он взял на себя вину царя и тем самым избавил его от смертельной опасности.

4. ...Прибывшие к Батюю Аваг Мхаргрдзели и его свита, понаслышавшись о жестокости монголов, боялись, что, лишь увидев их, Батый убьет Авага. Поэтому Давид, церемониймейстер Авага, сын Иванэ Ахалцихели, переоделся в его одежду и такими словами ободрял надевшегося его, Давидову, одежду Авага: «Если пожелает умертвить меня, да буду убитым я, а не ты...». Поступок и поведение Давида так растрогали хана Батюю, что этот трагический эпизод окончился благополучно.

5. ...Двинувшись войной против врага, Хулагу вместе с монголами послал в разведку грузинский отряд. Разведчики напоролась на главное войско. Монгольский командующий Сикадур решил отступить, но грузинский царь уперся и твердо заявил: «Не в правилах у нас, грузин, увидев врага, идущего на нас, не сразившись с ним, показать ему спину, хотя бы смерть ждала нас». Когда Сикадур увидел, что, раз сказав, царь не отступится от сказанного, испугавшись, он послал гонца к хану. Хулагу разгневался на Давида, но царь вновь повторил: «Не в обычае у грузин показывать спину врагу». Пойдя на верную смерть, он проявил беспримерное героismo.

И наконец, краса и гордость не только хроники Жамтагмцерели, но и всей «Картлис цховреба» — повесть о Кхотиставском заговоре и героismo Цотне Дадиани.

Как повествует летописец, все эти примеры неувядающего героизма принадлежат времени, когда и стар и млад, и царь и вельможи, от мала до велика смирились со злом, покинули истину, ибо даже среди священнослужителей замечалось неверие, и весь народ предался пороку.

Во времена всеобщего упадка и деградации грузинский народ проявлял многочисленные примеры героических поступков, благородства и редкой моральной чистоты, тем самым продемонстрировав способность духовной мобилизации.

Естественно, поступков, достойных порицания, в ту пору было гораздо больше. Они наверняка встречались летописцу на каждом шагу. Но он сознательно обходил эти позорные грузинский народ факты и включал их в свое изложение истории народа только в случае крайней необходимости, отдавая предпочтение тем примерам, которые способствовали бы духовному и моральному очищению родного народа. И это великое благо, вероятно, следует объяснить высоким национальным сознани-

ем и безошибочностью исторической концепции летописца. При этом основным все же является большая талантливость и чутье писателя, так как примеров героismo, благородства и моральной чистоты и в другие эпохи истории Грузии можно было бы назвать великое множество. И если другие летописцы не смогли обессмертить их подобно Жамтагмцерели, причину этого следует искать в словах Александра Македонского, которые приводит историк Давид Строителя: «Не так велик был Ахиллес, возвысил его восхваливший великий Гомер».

\* \* \*

В истории человечества много народов исчезло бесследно. Были народы, которые жили за счет разорения других народов и разрушения других государств: они оставили потомкам лишь длинный перечень стертых с поверхности земли городов и сел, сотен тысяч перебитых или же угнанных в рабство ни в чем не повинных людей. Память о таких народах стиралась вместе с их исчезновением, и о них помнят только исследователи-специалисты.

Но были народы, которые создали, которые вносили свою лепту в духовную сокровищницу человечества. Такие народы навсегда обессмертили и утвердили себя в памяти потомства, создав великолепные памятники искусства и литературы. И сегодня, по прошествии веков и веков после их исчезновения, ими гордится человечество.

Но память о тех, исчезнувших народах, сохраняется не только в руковорных памятниках искусства, но в меньшей степени в тех неповторимых примерах нравственности и благородного рыцарства, которые сохранились в истории и которыми эти народы возвышены над своими современниками.

Грузия принадлежит к числу именно таких народов. Наш народ на долгом пути своего существования создал такие памятники духовной культуры, значение которых никогда не ограничится временем и пространством. Среди народов мира немного найдется таких, которые явили бы миру столько великолепных примеров нравственной чистоты и высокой человечности, благородного рыцарства и героического самоотвержения, украшающих историю.

Среди этих примеров одним из самых ярких и привлекательных, одним из самых глубоко человеческих и возвышенных является подвиг Цотне Дадиани. Если бы в истории народа не было бы такого примера героismo и рыцарства, его бы следовало измыслить. Но для того, чтобы вымыслить и создать сходный с этим пример, надо было бы располагать столь же плодотворной почвой, какой является история Грузии. Для оправдания

самого существования народа и всей его истории достаточно одного такого примера нравственной доблести!

Грузинский народ обессмертил себя и тем, что наряду с мхетским Джвари и «Витязем в тигровой шкуре» создал пример героизма Цотне Даднани. Этим замечательным свидетельством духовной красоты он сказал свое слово в истории.

В повествовании Жамтаагмцерели рассказ о Кохтиставском заговоре и подвиге Цотне Даднани более походит на краткий репортаж, чем на маломальски развернутое изложение важного эпизода в жизни народа. Такой лаконизм при рассказе о столь значительном событии непонятен и непоследователен даже такому несловоохотливому автору, каким является наш летописец.

Так как этот эпизод не сохранился в каком-нибудь другом источнике, то нам оставалось только вновь и вновь обращаться к конспективной записи летописи Жамтаагмцерели, внимательно к ней приглядываясь, вычитать ее подтекст и тем самым восполнить существенный пробел, возместив его общим знанием эпохи и фантазией. Если для судебного следствия недостаточность изобличающих свидетельств является большим препятствием, то для художника скудость фактических данных и ограниченность знаний зачастую создают благоприятные условия для фантазии и свободного развития сюжета.

Но Цотне Даднани не простая личность; он является национальным героем Грузии. Создавая его биографию, романист не мог не считаться с этим обстоятельством.

\* \* \*

Грузинская историческая наука и до сегодняшнего дня продолжает накапливать факты и устанавливать их достоверность. Материалов, подлежащих проверке и уточнению, — великое множество. Неотложной и завидной задачей является их сопоставление с иностранными источниками и археологическими находками.

Но история ведь не только накопление фактов прошлого! История — это, в первую очередь, наука о человеческом обществе. С этой точки зрения она предпринимает только первые шаги даже в тех странах, где эта отрасль науки имеет большие и славные традиции. Можно ли упрекать грузинскую историческую науку, если на современном Западе «история как серьезная аналитическая отрасль науки еще совершенно молода» и «только сейчас начинает нащупывать почву в ряде значительных проблем своего народа»?

Читателю, заинтересованному историей Грузии, и художнику, увлеченному изучением этой истории, пожелав-

шему проанализировать проблему, сегодня пока еще могут оказать помощь лишь только собственное прилежание и труд, так как у нас еще не изучены не только отдельные значительные проблемы нашей истории, но даже не полностью изданы все источники истории Грузии (это осуществляется только сейчас, в наши дни неустанными стараниями академика С. Каухчишвили, взявшим на себя это патриотическое, многотрудное дело), не изучено и зачастую не разыскано и не найдено много негрузинских источников, касающихся исторического прошлого нашего народа.

В этих условиях писателю, работающему в области истории Грузии, придется самому исследовать факты и устанавливать истину. Сколь нелегко этот труд, явствует из того, что многие свидетельства зачастую приходится разыскивать в архивах и музеях, а библиография соответствующих иностранных источников и по сегодня является недостижимой роскошью.

В то же время писатель, художник не должен бы копаться в материалах и разыскивать факты, а предметом его разысканий должны явиться объяснение внутренних мотивов, побуждающих героев к действию, их душевные движения и волнения. Писатель должен располагать установленными, несомненными истинами и заботиться только лишь об их истолковании и выяснении своего отношения к ним, на основании научно изученного материала.

\* \* \*

Прошлое нам представляется своеобразным театром, ареной, где предки на виду у многих поколений потомков действуют и борются, трудятся и размножаются, веселятся и горюют, любят и ненавидят...

А поскольку и в прошлом жили подобные нам люди, надо предполагать, что и для них ничто человеческое не было чуждо. В соответствии с законом, открытым Марксом, в основу исторического процесса положены изменения социально-экономического уклада.

Человек принадлежит к определенному социальному кругу, и его сознание определяется общественным строем. Этот строй и круг формируют его сознание и управляют его действиями. Сегодня мы не можем разделить остроумной мысли Макиавелли, будто «в теные времена одно остается неизменным — человек...» Изучение социальной психологии ярко выявило влияние социальной среды на человека, с изменением этой среды меняется и психика человека, и его сознание, вкусы, отношение к вещам и явлениям. Новая историческая наука признает, что в природе человека, в человеческом обществе имеется некий постоянный фонд, кото-

рый остается неизменным во все времена. Если б не было этого «фонда», для нас было бы непонятным не только поведение и характер античного и средневекового человека, но также мысли и побуждения, чувства и переживания наших отцов, непосредственных предков.

Задолго до того, как историческая наука установила эту истину, художники интуитивно догадывались о ее существовании. Мудрый художник, рисуя характер исторической личности, всегда старался снабдить своего героя взятыми из этого «фонда» атрибутами, неизменно сопутствующими людям всех эпох. Не случайно же люди одних времен понимают людей, живущих в другие времена...

Если художник не углубится в понимание этого основного «фонда ценностей», который одинаков и у босоного пастуха античных времен, и у закованного в лагь средневекового рыцаря, и у современного нам покорителя космоса, то образ, созданный художником, будет нежизненным. Не воздействуя на чувства, он никого не заинтересует. Сила таланта художника и его жизненность измеряются не тем, насколько точно воссоздает он внешние аксессуары определенной исторической эпохи (это под силу любому дилетанту средней руки, ибо для выполнения этой работы нужно только добросовестное изучение материала и точное копирование). Настоящее творчество начинается тогда, когда художник, изображая исторического героя, углубляется в то «неизменное», которое является общим для людей всех времен.

В официальных летописях показ прошлого ограничивается демонстрацией действия появляющихся на сцене героев. Художник же, работающий над историческим материалом, имеет право рассказать и о том, что происходит за сценой. Он имеет право заглянуть даже в альковы венценосцев и показать происходившие там драмы. В отличие от историка художник не только правомочен, но и обязан глубоко заглянуть в душу исторического героя, передать его волнения и сомнения, заставить нас почувствовать силу его страстей.

В наше время не может заслуживать одобрения художественное произведение, в котором нет глубокого психологического анализа характеров, живых жизненных деталей, полноправных человеческих страстей, рассуждений, располагающих к раздумьям, внутренних движений души, не заметных для обыкновенного глаза...

Однако историческому произведению мы почему-то прощаем отсутствие всего этого. Героями исторических произведений большей частью бывают главы государств или выдающиеся деятели,

обычно окутанные ореолом сверхчеловека, и поэтому мы подчас миримся со скукой и холодом, веющими от

Неоспоримо, что в художественном произведении на историческую тему определенное и даже немаловажное значение имеет реставрация внешних черт и аксессуаров одежды, оружия, украшений, мебели и др. Они придают книге аромат древности, создают определенное настроение, хотя иногда нагромождение этих аксессуаров оставляет незамеченными людей, создавших их и пользующихся ими.

Но есть еще одно обстоятельство: политико-социальные и научно-технические революции еще больше отдалили эпохи друг от друга, увеличили расстояния между поколениями разных времен.

Поэтому, говоря о «неизменном фонде», мы с самого начала хотим ограничить его контуры, не расширяя их до таких пределов, когда героям прошлого гридаются чуждые им современные эмоции, приписываются современные нормы поведения и речи. Установление этих истин принуждает нас решить еще одну проблему: в какой мере для разговорной речи героев художник должен пользоваться языком описываемой исторической эпохи?

Все языки существующих ныне народов в той или иной мере претерпели изменения. Языки некоторых народов существенно изменились, другие языки разделяют по эпохам — на древний и новый языки (например новый и старый французский, новый и старый армянский). Если современный французский писатель напишет роман из жизни прованского трубадура, то это никого не удивит, но если роман будет написан на старофранцузском языке, то этому не будет никакого оправдания, и роман останется без читателя. Роль и значение языка в литературе безгранично велики, и первым признаком величия писателя является и богатство его языка. Главнейшим и обязательным признаком, определяющим классика, является и чистота языка, и уточненность стиля. Но ни один классик не писал еще на мертвом или вышедшем из употребления языке (или на таком, которым редко пользуются). Если и были такие попытки, то разве что, как говорится, из спортивного интереса. Наоборот, язык больших писателей всегда был близок к народной речи, и проводимые художником реформы всегда заключались в приближении литературного языка к живой, разговорной народной речи.

Если бы автору исторического романа вменялось в обязанность писать на древнем, мертвом, языке, то как бы описал Флорбер жизнь своего карфагенского героя, каким был бы роман Генриха Манна о французском короле

Генрихе Четвертом или эпопея Томаса Манна о библейском патриархе Иосифе?!

При работе над историческим романом чрезмерное увлечение языковыми формами соответствующей эпохи лишено какой-либо функции. В первую очередь это бросается в глаза при переходе произведения на иностранный язык. Переводчик вынужден пассажи, написанные на древнем языке, перевести обычным, современным разговорным языком или же обращаться к стилизации. В этом отношении грузинский язык находится в особом положении, и грузинский романист, создавая историческое произведение, имеет определенное преимущество, обусловленное тем чудом, что древний грузинский язык для нас еще доступен и язык Руставели сегодня более или менее понятен каждому грузинскому читателю.

Но разве не было бы совершенно неоправданным анахронизмом, если кто-нибудь вознамерился бы писать роман сегодня языком Цуртавели, Мерчуле или даже Руставели?

\* \* \*

В этом послесловии я попытался поделиться с читателем своим отношением к историческому материалу и теми основными принципами, которыми руководствовался в работе над тремя книгами «Грузинской хроники тринадцатого века».

Вырабатывая историческую концепцию, я, конечно, не мог разделить веру летописцев времен монголов в фатальную непреложность победы Чингисхана и вместе с ними считать причиной поражения поработенных монголами

народов навлеченной на них «божьей карой за безверие» или же личными качествами глав низвергнутых государств. Рассматривая фактический материал, накопленный на современном уровне исторической науки, я глазами художника видел исключительно трагические картины жизни нашего народа и пытался проникнуть в причины тех явлений, которые были порождены и обусловлены сложными социальными и политическими взаимоотношениями.

В исторических романах я хотел показать народ как творческую, созидательную силу истории и этим восполнить тот большой пробел в летописях, который одинаково тревожил и французца Мари-Франсуа Вольтера, и грузина Илью Чавчавадзе.

В завершенной уже трилогии я старался, подобно Жамтаагмдерели, быть «глаголящим истину», увидеть исторических героев с высоты любви к родине и судить об их действиях и поступках в зависимости от того, какое благо принесли они своей отчизне.

На этом тягчайшем перегоне истории Грузии подвиг Цотне я полагал апофеозом истории грузинского народа. В самоотверженности Цотне мне виделось очищение не только одного поколения, но и духовное возвышение падшей Грузии, ее, подобное Фениксу, возрождение и победу.

Самоотверженность Цотне — неповторимый пример доблести и величия духа. Моральный пример всегда оказывал на потомков благотворное влияние, а урок Цотне должен иметь исключительное значение теперь, когда весь наш народ с таким единым духом борется за утверждение высоких нравственных идеалов.



# Н У Ж Е Н Г Е Р О Й, ДОСТОЙНЫЙ ПОДРАЖАНИЯ!

За последние годы грузинская литература сказала правду о многих теневых сторонах, еще, увы, встречающихся в жизни нашей республики, чем в значительной мере способствовала формированию правильного общественного мнения, созданию атмосферы непримиримости к недостаткам. В пафосе этой работы не уступали друг другу грузинская кинематография, театр, а также сатирическая проза. Это была совершенно естественная реакция на те негативные явления, которые имели место в нашей действительности.

Бесспорно, нелюбезная критика отрицательного, воспитывающая у читателя или зрителя глубокое осуждение недостатков, помогает рождению положительного, возникновению полезных эмоций и мыслей и в конечном счете — торжеству положительного над отрицательным. Положение это, безусловно, правильное, но далеко не новое, так же как и признание за литературой воспитательной функции. И тем не менее забывать этого нельзя. Конечно, показ отрицательного вовсе не означает его пропаганды. В доказательство этого можно привести множество примеров из литературы, в том числе и классической. Шекспир создал образ Яго не для того, чтобы проповедывать зло, а для низвержения его силами добра. В грузинской литературе тоже немало тому примеров. Следовательно, показ того или иного недостатка, создание отрицательных типов вполне оправданы, но осуществляется это таким образом, чтобы содействовать утверждению положительного.

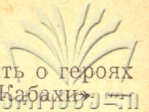
Однако воспитание масс, особенно молодежи, являющееся высоким назначением литературы, невозможно осуществлять только таким путем. **Необходимо также создание такого положительного героя, который станет объектом подражания.** Конечно, и это тоже не ново, я только повторяю известную исти-

ну, ибо считаю, что сейчас время снова о ней напомнить.

На протяжении столетий замечательным примером для грузинского читателя были герои Шота Руставели. Существует мнение, что все грузинские витязи старались походить на Тариэла и Автандила, а женщины — на Нестан и Тинатин. Но меняются времена... Переменам подвержен и герой, которому хотя бы подражать. Поэтому возникает необходимость в новом примере. Изменившиеся общественные отношения, иная психология и нормы нравственности, другие человеческие свойства порождают потребность в новом герое.

Для советской молодежи в нашей стране был и остается признанным литературным героем, достойным подражания, Павка Корчагин, вставший рядом с ним герои Фадеева — молодоговардейцы. Но каких же новых литературных героев дала советской молодежи наша современная литература, какой образец для подражания? Все, за что приходится ей ныне бороться, обстановка, в которой надо действовать, по сравнению с 30—40-ми годами изменились. Соответственно иными стали конкретные цели и соответствующие им содержание и формы действий.

Сегодняшняя молодежь или учится, или работает, или же совмещает и то, и другое. Поэтому ее интересует судьба такого литературного типа, деятельность такого человека, который находится в такой же ситуации, как они. Нашим девушкам и юношам хочется видеть и узнать жизнь своих ровесников. Им интересно знать, как они учатся, трудятся, любят. Как проявляются в разных обстоятельствах те или иные их человеческие качества, какие препятствия возникают перед этими героями и как они их преодолевают; по каким нравственным нормам действуют, кто стоит рядом с ними; что они одобряют и что осуждают и так далее. Одним словом, **совре-**



## менному читателю нужен современный герой для подражания.

Такого — безупречного, идеального, без изъяна — героя, на которого бы хотелось походить, в нашей сегодняшней литературе нет. Возможно, это мое утверждение вызовет возражение. Но я постараюсь на примере ряда значительных произведений грузинской литературы последних лет сделать это положение более убедительным.

Возьмем персонажи Нодара Думбадзе. Они полны солнца, света, добра, и поэтому читатель полюбит их. Зурике-ла, Сосоя, Темур Барамидзе, Автандил Джакели, Заза Накашидзе — каждый из них в отдельности и все вместе — это, безусловно, положительные герои. Они выражают настрой, мораль, психологию молодого человека определенного периода, оказавшегося в конкретной исторической обстановке. Их поведение и человеческие качества нравятся нам, вызывая симпатию к ним. Все это так. Но сейчас на смену Зурико, Сосоя, Темуру пришли другие, ибо изменилась сама жизнь. Что же касается Автандила Джакели и Зазы Накашидзе, то они действуют в такой специфической ситуации, что для подавляющего большинства читателей она необычна и представляет собой исключение (едва ли многим доводится служить на границе или сидеть в тюрьме, будучи невиновными). Окружение Авто и Зазы и большей части читателей не совпадает. Поэтому им трудно найти точку опоры в поведении этих персонажей.

Тамаз Яшвили и Отар Нижарадзе — главные герои романа Гурама Панджикидзе «Камень чистой воды». Это — образы представителей сегодняшней грузинской молодежи. В чем-то они все же оставляют впечатление непопучности. Тамаз, например, одарен большим талантом, но физически слаб, лишен способности бороться. У него столько недостатков, он допускает так много ошибок, что трудно считать его идеальным героем, достойным подражания. В противоположность ему Отар Нижарадзе вполне современен, и энергичен, и силен... Казалось бы, ему совсем немного не хватает до совершенства. Но вызывает досаду его «наигранный», показная флегматичность, превратившаяся в позу. Следовательно, и он не дотягивает до образца, с которого можно брать пример. Одним словом, он ни Тариел, ни Автандил, ни Арсен из Марабды, ни Корчагин, ни какой-либо другой общепризнанный герой, которому будут подражать во всем. Он — только Отар Нижарадзе. И нам он нравится, мы готовы поддерживать его, сочувствовать ему, но принять его безоговорочно не можем.

То же самое можно сказать о героях романа Ладос Мрелашвили «Кабани» — Русядан и Шавлего Шамрелашвили. Они безусловно положительные, активны, деловиты, являются олицетворением высокой нравственности... Но оба лишены того главного, что могло бы сделать их совершенными, достойными подражания литературными типами.

Вспоминается состоявшаяся пятнадцать лет назад дискуссия, на которой некоторые писатели говорили о невозможности взвешивать на аптечных весах положительные и отрицательные качества своих героев. Они утверждали, будто положительный герой обязательно должен характеризоваться каким-то недостатком, в противном случае он окажется неинтересным и схематичным. Я далек от намерения утверждать, что любой положительный персонаж должен быть непременно идеальным, лишенным каких бы то ни было недостатков. Вовсе нет! Большинство литературных героев именно таково. Но положительное в них, как правило, является определяющим. Поэтому они и положительны. А разве это исключает существование идеально положительного, достойного подражания героя? Разве эти два понятия противоречат друг другу? Думается, нет.

В поэме Руставели, например, есть образ Фатман, о которой нельзя сказать, что она — отрицательный персонаж, но в то же время никто не назовет ее и положительным образом, которому можно подражать. Однако в той же поэме автором создан образ Тинатин, поистине идеальный, лишенный недостатков, достойный подражания. Она и внешне столь прекрасна, что даже поэт не смог удержаться от возгласа восхищения: «Тинатин затмевала солнце, но солнце старалось быть как Тинатин». Что же касается ее ума и души, тут она тоже идеальна: высоконравственна, разумна, мудра, рассудительна; Тинатин — воплощение доброты и щедрости; она несправедливая возлюбленная и дочь; великая повелительница своей страны; к чужому горю Тинатин всегда внимательна — отказывается от личного, когда другой нуждается в помощи... Вот сколько эпитетов понадобилось для ее характеристики. Пожалуй, даже самый пристрастный, тенденциозный читатель не сможет назвать хоть малейший недостаток Тинатин. Она беспорочна и совершенна. И поэтому являет собой тип литературного героя, достойного подражания. Нам нужна современная Тинатин, так же как необходимы современные Тариел и Автандил, именно современные, в лучшем и многогранном понимании этого слова.

Черты их можно найти в наших современниках — рабочих, колхозниках,



студентах, в любом члене нашего общества, хотя некоторые полагают, что литературный образ сильного человека может быть создан лишь на материале биографий великих людей... Это неверно. Георгий из «Отаровой вдовы» Илья Чавчавадзе не был принцем Датским, но это не помешало писателю вылепить из него тип сильной личности. Георгий — крестьянский парень, показан он в обычной крестьянской среде, трудится в своем хозяйстве или у Арчила, ухаживает за виноградной лозой, скирдует солому... Но эта обычная трудовая среда, которая подана как фон, не мешает автору нарисовать Георгия человеком сильного характера, сильных переживаний и чувств. Этот тип — яркий пример того, как так называемый «простой человек» в руках большого мастера становится «большим человеком». Что же касается самой отаровой вдовы, то это — редкий пример того, как писатель обессмертил образ простой крестьянки. Илья Чавчавадзе поднял ее на такую высоту, наделил такими качествами, что она воспринимается как обобщенный образ прекрасного человека — справедливого, щедрого, доброго и честного, матери мужественного сына, вдовы достойного мужчины.

Показом только отрицательных фактов и явлений и в соответствии с этим созданием отрицательных типов, какой бы большой ни была ненависть писателя и читателей к ним, литература не сможет сохранить за собой высокой воспитательной функции, так же как невозможно ее выполнить и созданием одних положительных образов. А вместе им под силу справиться с этой высокой миссией.

Идеальный положительный герой, достойный подражания, наряду с обыкновенным положительным героем (т. е. имеющим какой-либо недостаток) способен осуществить свое воспитательное назначение. Поэтому наша литература должна уделить ему особое место, поставить его на высокий пьедестал, осветить светом прожектора, чтобы привлечь к нему внимание, как к достойному объекту для подражания, у которого есть чему учиться, с действием которого стоит сверять свою жизнь.

Дело это, конечно, нелегкое. Хотя бы потому, что, по мнению многих, в дей-

ствительности такого идеального человека в чистом виде не существует и поэтому не может быть его и в литературе. Вряд ли этот довод убедителен, но если даже это и так, создавать образы идеальных положительных героев в литературе, которые явились бы обобщенным, собирательным типом, концентрирующим в себе все хорошее и возвышающее нас, насущно необходимо.

Но не только это обстоятельство мешает решению данной проблемы. Главное все же в большом таланте и мастерстве писателя, способного создать такой образ идеального героя, который со страниц книги шагнет в жизнь, как живой с живыми говоря, станет соучастником всех наших дум и чаяний, увлечет за собой, заставит действовать так, как это свойственно ему. А это значит: он должен быть полнокровным, совершенным и заразительным. Читатель должен видеть в нем сильного, привлекательного, волевого человека с возвышенной душой, непоколебимым характером, сильными страстями, способного на большие дела. Создание именно такого образа и представляет особую трудность. Оно требует огромного мастерства.

Такой герой должен быть наделен большой внутренней силой, которая бескорыстно отдается общественным делам. Но суть в том, что эта сила неисчерпаема. Герой всегда готов на новые и новые подвиги. Он обязательно должен быть членом нашего общества, который имеет свое место в жизни или борется за него. Передовой в труде, учебе, творчестве, быту, он и духовно выше окружающих. Все эти качества, вместе взятые, делают его борцом против отсталости, безнравственности, нечестности, всякого рода извращений. В борьбе за победу этих идеалов постепенно и выкристаллизуется, а затем встанет в полный рост тот герой, которого читатель непременно не только полюбит за его человечность, но и сделает предметом для подражания.

Литература должна показать читателю не только то, чего он не должен делать, каким он не должен быть, но и то, что ему надлежит делать, каким ему надо быть. Успешное решение этой задачи под силу именно положительному герою, достойному подражания.



## ДВА ХУДОЖНИКА — ДВА ТЕАТРА

**Т**ВОРЧЕСКИЕ взаимоотношения, точнее творческое соревнование, двух выдающихся театральных деятелей Котэ Марджанишвили и Сандро Ахметели, способствовавшие росту и становлению советского грузинского театра, до сих пор мало изучены, хотя давно назрела такая необходимость. Многие исследователи, касаясь этой темы, высказывают мнение о необходимости сравнительной характеристики их деятельности (Ш. Мачавариани, Д. Антадзе, В. Кинадзе) и отмечают беспредметность препирательства между сторонниками К. Марджанишвили и А. Ахметели, отголоски которого дают о себе знать и сегодня.

Заслуживает пристального внимания исследование Ш. Мачавариани «Основные пути развития советского грузинского театра». Призывая к творческому осмыслению и научному анализу деятельности Котэ Марджанишвили и Сандро Ахметели, автор писал: «Оба служили построению нового грузинского театра, но каждый шел к цели своим путем... Для того чтобы хорошо разобраться в творческих взаимоотношениях этих двух крупнейших грузинских режиссеров, следует подвергнуть научному анализу творчество каждого в отдельности, чтобы выявить то общее, что было у них, и то, в чем они разошлись. При объективном изучении этого вопроса каждый из них займет надлежащее ему по заслугам место в истории грузинского советского театра».

С этих же позиций предпринимается и нами скромная попытка анализа творческого наследия К. Марджанишвили и А. Ахметели. При этом мы ограничиваемся определенным периодом — двадцатыми годами — и главным образом опираемся на материалы постановок русских советских пьес на сценах театров им. Ру斯塔вели и им. Марджанишвили.

Интересны творческие портреты режиссеров в момент, когда они приступают к реформации грузинского театра. За плечами К. Марджанишвили почти двадцатилетняя актерская и режиссерская деятельность в России, огромный опыт, приобретенный в процессе работы с различными театральными коллективами, близкое знакомство с видными деятелями литературы и искусства. Совместная работа с К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко во МХАТе, знакомство с реалистическими традициями русского театра не могли не оказать влияния на становление Котэ Марджанишвили как художника, тем более что система Станиславского во многом близка ему. Но это не означало, что Марджанишвили занялся ее копированием. Как режиссер-новатор, вечно ищущий новых путей в театральном искусстве, он вынашивал идею создания нового, синтетического театра, в котором гармонически сплетаются в единое монолитное целое искусственно разведенные элементы слова, ления, пантомимы, танца, музыки, света.

Творцом нового театра мог быть лишь настоящий художник, одинаково и легко владеющий всеми элементами многогранного актерского искусства. Отсюда и требования, которые предъявлял режиссер к главному действующему лицу — актеру.

В лице К. Марджанишвили в Грузии появился режиссер талантливейший, ищущий, знающий театр и ясно представляющий себе новое, созвучное социалистической эпохе искусство.

Сандро Ахметели к этому времени стоял на первой ступени своей режиссерской деятельности, только начинал поиски и вынашивал, попутно освобождаясь от формалистических увлечений, свои творческие принципы и идеалы.

Художническое содружество опытного режиссера с молодым, подающим большие надежды, вылилось в дружбу, в сердечный контакт. Первые годы совместной работы принесли огромную пользу способному ученику, которому учитель передал свой большой опыт. Позднее, после конфликта К. Марджанишвили с корпорацией «Дуруджи», их творческое содружество переросло в творческое соревнование, которое почему-то многие люди, как близкие театру, так и

далекие от него, сумели истолковать как вражду. И это при том, что главные действующие лица событий в каждом своем письме друг к другу, в каждом выступлении подчеркивали взаимную любовь и глубокое уважение. Оба боролись за создание нового пролетарского искусства, отражающего идеологию победившего класса. Оба прекрасно понимали, что ввиду дефицита оригинальной драматургии, отражающей величие происходящих исторических явлений, строительство молодого искусства следует вести в двух направлениях: осовременивания классического наследия и учебы у классиков («Овечий источник» Лопе де Вега, «Гамлет» Шекспира), а также воспитания нового актера, способного донести до зрителя проблемы современной драматургии. Процесс воспитания молодых актерских сил шел параллельно с ломкой многих отживших свой век, тормозящих движение театральные традиции. И поддерживая полезное начинание корпорации «Дуруджи», решившей заняться самообразованием и самоусовершенствованием, К. Марджанишвили считал, что это единственно реальный путь воспитания актерской молодежи, которой следовало сказать свое веское слово в дальнейшем. Само собой разумеется, что как один из организаторов «Дуруджи» Сандро Ахметели придерживался сходных взглядов на призвание актера в новых условиях. Занятия пластикой, работа актеров над собой, укрепление дисциплины в коллективе во многом способствовали созданию того ансамблевого сплоченного коллектива, который во весь голос заявил о себе в конце второго десятилетия.

Конфликт между сторонниками «Дуруджи» и Котэ Марджанишвили возник не на почве столкновения его с Ахметели, а из-за несогласия первого с требованиями корпорантов подчиниться дисциплине. Он, человек, увлекающийся, по духу свободный художник, стремящийся к активной деятельности и в других видах искусства — в кино, оперетте, балете, стал тяготиться строгой дисциплиной, которую сам же поддерживал вначале.

Вместе с Котэ Марджанишвили постепенно уходят из театра многие приверженцы его школы (У. Чхеидзе, В. Анджапаридзе, Ш. Гамбашидзе, А. Жоржолвани и др.). Объединившись вокруг своего учителя, они создают впоследствии основной костяк Кутаисско-Батумского, а позднее Второго государственного драматического театра.

Интересно сравнить высказывания и мысли обоих режиссеров о новом театральном искусстве и современной им революционной эпохе. Оба они восприняли революцию как близкое им общественное и социальное явление, сразу же осознали, что она затронет все сферы общественной жизни и искусства, и поняли, что театру уготована огромная роль в деле культурного воспитания широких народных масс.

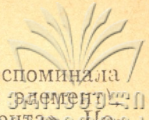
Грузинский театр к приезду К. Марджанишвили представлял собой большой организм, из последних усилий борющийся со смертью. Лишь вмешательство опытного и умелого хирурга могло спасти его. В роли такого хирурга и выступил К. Марджанишвили. Процесс «операции» оказался продолжительным, и, по меткому замечанию исследователя В. Кинадзе, за ней последовали «последооперационные боли», что выразилось в мучительных поисках соответствующего стиля, почерка театра, в увлечении экспрессионистскими постановками. В своих действиях Марджанишвили всегда опирался на реалистические традиции русской и грузинской сцены, на самобытное национальное творчество грузинского народа. И это сценическое, музыкальное и пластическое искусство народа нашло яркое выражение в его спектаклях. В декларации Котэ Марджанишвили мы читаем: «Мы есть строители культуры, и в первую очередь нашей национальной культуры, ее языка, ее национальных особенностей и темперамента».

Несмотря на то, что театр Марджанишвили сильно тяготел к синтетическому, основу каждого его спектакля следует искать в реализме, глубоком психологизме, выдвигавшем на первый план проблему показа психологии отдельной личности, отдельного образа. Один из его учеников Г. Крыжицкий писал: «В центре внимания Марджанишвили всегда стоял человек. В этом зерно гуманизма театра Марджанишвили»<sup>1</sup>. И этому гуманизму он учился у Горького, с которым его связывала большая дружба, учился у русского театра. Поэтому неудивительно, что в центре внимания режиссера в первую очередь стоит актер, сквозь призму его восприятия, через его психологию и раскрывает он главную идею драматического произведения.

Вспоминая первую работу Марджанишвили в Грузии над пьесой «Овечий источник», режиссер Д. Антадзе пишет: «Он лично лепил каждую мизансцену, исправлял каждую деталь в игре актера: движение рук, головы, тела...».

«Сценический образ состоит из трех элементов: текста автора, перевоплощения актера и восприятия зрителя», — учил актеров К. Марджанишвили. «И

<sup>1</sup> Г. Крыжицкий, Марджанов и русский театр, ВТО, М., 1958, стр. 144.



главное внимание уделял работе с актером (второй элемент), — вспоминала Лидия Лесная, — а через него — раскрытию текста автора (первый элемент).<sup>1</sup> Режиссер добивался чуткого восприятия постановки у третьего элемента. Игрок теряет любого из этих трех компонентов театрального представления вела к неудаче, только в их органическом единстве видел Марджанишвили залог успеха, и эта установка красной нитью проходит через его творчество, творчество его учеников, его театра, постепенно выкристаллизовываясь в определенный реалистично-психологический стиль, но ни в коем случае не лишенный, а скорее преисполненный романтического духа.

Закономерно, что многие принципы режиссерского стиля учителя унаследованы его талантливым учеником А. Ахметели. Но он не превратился в копировщика и через ошибки и неудачи вел поиски новых путей развития грузинского сценического искусства. Отметая все ненужное, неизменно и вечно сопровождающее процесс творческого самосозревания и самоопределения, Ахметели в 1928 году прочно становится на позиции социалистического реализма в искусстве. Параллельно с Марджанишвили он борется «за создание национального театра, отличного от театров других народов, театра национального по форме и социалистического по содержанию» И в аспекте разрешения этой задачи, наибольший успех пришелся на постановку «Анзора» (пьеса С. Шаншишвили по «Бронепоезду 14—69» Вс. Иванова).

Чем объясняется успешное разрешение режиссером стоящей перед театром задачи? В первую очередь следует отметить, что успех обусловлен разработкой современного, идеологически выдержанного, актуального драматургического материала («Разлом», «Анзор», «Город вевров») и, во-вторых, тем, что в поисках формы художественного отражения действительности он основной упор (и это его роднит с Марджанишвили) делает на национальную культуру, народное творчество. «Для передачи нового содержания требуются новые средства... — писал Ахметели — Это мы можем взять из наших танцев и песен». В поисках национальных театральных форм Ахметели добился большего успеха, чем его учитель. И если Марджанишвили, выступая с докладом в Коммунистической академии в 1930 году, говорил о стиле работы возглавляемого им театра: «Должен сказать, что никто не сможет его (стиль. — О. Д.) ясно определить, никто не скажет, какой у нас стиль — романтического театра, экспрессионистского и т. д. У нас нет этого. Нет именно потому, что мы сегодня такие, а завтра будем иными», то для Ахметели вопрос стиля его театра вполне ясен. Опираясь на театральные традиции народных празднеств, богатую танцевальную культуру грузинского народа, его музыкальные способности, героическую историю Грузии, он вырабатывает стиль театра героико-романтический и монументальный, как нельзя более созвучный современной ему эпохе.

Так же как и Марджанишвили, «его привлекал театр сильных характеров, столкновений основных тенденций эпохи, неумные человеческие страсти»<sup>1</sup>.

Так же как и его учитель, Ахметели тяготеет к масштабным, монументальным полотнам. Каждый его спектакль и в декоративном плане, и в игровом, лишенный камерности, а порой и некоторых индивидуальных психологических нюансов, сливающийся в органическое единство стремления режиссера, художника, композитора и всей актерской массы, выростал в цельное масштабное зрелище, не вмещающееся в узкие сценические рамки, выходящее далеко вперед, в ряды зрителей и активно вовлекающее зрительный зал в происходящие на сцене события.

В 1928 году с постановкой «Разлома» и «Анзора» наметился резкий перелом в творчестве А. Ахметели. Отбросив сковывающие его оковы формалистских увлечений, он предстал перед зрителем зрелым художником, выработавшим индивидуальный творческий стиль, глубоко национальный по форме и социалистический по содержанию.

Как и К. Марджанишвили, объявив борьбу старому театру, он, будучи руководителем корпорации «Дуруджи», особое внимание уделяет воспитанию актера нового типа, пластичного, гибкого, музыкального, великолепно владеющего родной речью и, что главное, всесторонне образованного. В этом аспекте заслуживают внимания беседы Ахметели о рефлексологии, в которых им выдвинуто следующее положение: только «глубокое изучение психо-физического аппарата актера может обеспечить рост его профессионального мастерства». Главным творцом на сцене является актер, но подход к актеру как к движущей действием единице у него иной, чем у Марджанишвили. Главные герои его постановок глубоко индивидуальны, но в то же время они — равные среди равных в массе, и лишь как носители и выразители ее стремлений они выдвигаются этой

<sup>1</sup> Н. Гурабанидзе, Молодость нашего театра, «Литературная Грузия», 1962, № 12, стр. 76—82.

массой на роль вожаков, вождей. Об этой характерной черте героев его постановок много писалось в рецензиях на спектакли, в критических обзорах, и она достаточно четко выявлена критической литературой. Но в ней же отмечено, что в разработке характеров второстепенных героев этой отточенности и глубины разведки в душу образа не чувствуется. Второстепенные герои, которые также отражают идеи и замыслы автора произведения, в постановках Ахметели нередко настолько растворяются в массе, что им отводится лишь подыгрывающая роль. Если у Марджанишвили — большого мастера разработки индивидуального характера — каждый актер в первую очередь глубоко индивидуален и выделяется в коллективе участников спектакля своими индивидуальными чертами, то у Ахметели, являясь нужным винтиком коллективного организма, он часто выполняет роль вспомогательного механизма, подчиненный замыслу режиссера. Недоработка психологических моментов отдельных ролей ослабляла постановку и вызывала упреки критиков и рецензентов, в то время как в постановках Второго государственного драматического театра трудно отыскать роль недоработанную и психологически не раскрытую. Это обстоятельство еще раз указывает на тот факт, что театр Марджанишвили является театром психологического плана.

Много общего, но и не меньше различия у данных режиссеров в подходе к массовым сценам.

Марджанишвили является опытным мастером постановок с участием массы людей (достаточно вспомнить «Овечий источник», «Петроградское народное представление» — 1920 года, замысел постановки «Мистерии-буфф» на горе Мтацминда), но тут же следует отметить, что для него более характерна работа с малым составом, и путем глубокого раскрытия психологии этой немногочисленной группы персонажей, через их действия и движение он идет к раскрытию идеи произведения.

Совершенно иначе строит массовые сцены Ахметели, он именно в массовых сценах добивается раскрытия идеи пьесы, идеи автора.

В монументальных постановках с большим количеством исполнителей наиболее ярко раскрывается режиссерский талант молодого художника.

Касаясь успешных гастролей театра в Москве, в своих письмах Ахметели отмечал: «Театр показал «массовую индивидуальность» и «индивидуальную массовость» в пьесах «Разлом», «Анзор», «Город ветров». Эти два выражения очень точно определяют его успешные режиссерские искания, ибо для него масса — движущая всеми действиями сила, активная, всепокрушающая в своем единстве и монолитности, настоящий творец истории. И подчиненная воле и замыслу режиссера, масса (даже в 100 человек) двигалась в едином ритме как один человек.

Но одного таланта режиссера для создания блестящих массовых симфоний недостаточно. Он не добился бы успеха без замечательного актерского состава театра. В молодости режиссера и актеров, в коллективной спаянности руставелевцев, заложеной корпорацией «Дуруджи», следует искать причины успеха театра. И эта спаянность, выраженная в девизе «Дуруджи» — «один за всех, все — за одного», помогла руставелевцам в течение нескольких лет оформиться в удивительно слаженный ансамблевый коллектив. Этому обстоятельству почему-то исследователи грузинского театра не уделили должного внимания.

Признавая большие заслуги Ахметели в разработке массовых сцен, мы не можем не обратить внимания на тот факт, что увлечение его массовыми сценами часто приносило вред психологической разработке отдельных образов.

Н. Гурабанидзе, исследователь творчества Ахметели, точно подметил, что в противовес Марджанишвили Ахметели отказывается от второго — психологического, индивидуального плана, подтекста и заменяет его пластикой: «Режиссер давал характеру в целом общий, глубокий, предельно выразительный тон. И поэтому не обязательной становилась психологическая мотивировка каждой детали, показ и логическое распределение по прямой всех извилин человеческой души». Подмечено правильно, но согласиться с выводом исследователя трудно, ибо психологическую мотивировку деталей и раскрытие всех извилин души заменить пластикой и общим каким бы то ни было выразительным тоном невозможно. Может быть, Ахметели, дав общий выразительный тон, не хотел мешать актеру проявить определенную инициативу в раскрытии психологической сущности роли. Может быть. Но в то же самое время, включая каждого актера как составную единицу в общее движение массы, он ограничивал всякую возможность малейшей импровизации, ибо это вызвало бы нарушение общего ритма действия, внесло бы определенный диссонанс в раз узаконенный и неизменяющийся ни в одном спектакле ход действия.

На это же обстоятельство указывал Вахтанг Картвелишвили: «В спектаклях А. Ахметели блестящему пластическому облику не соответствовала пси-

хологическая глубина природы, пространственное восприятие преобладало над глубинным пластом<sup>1</sup>. Правда, следует отметить, что это обстоятельство В. Картвелишвили оправдывал тем, что в этот период еще не был завершен процесс становления героического характера. Последнее обстоятельство может оправдать режиссера отчасти, но не полностью. Этот процесс не завершен и по настоящее время, он неразрывно связан с дальнейшим развитием социалистического общества, драматургия же конца 20-х годов дала галерею образов героев-современников в достаточно резко очерченных контурах.

Для обоих режиссеров характерно заострение внимания на декоративном, музыкальном и световом оформлении спектаклей. Но подход к декоративному оформлению у них различен и подчинен индивидуальному творческому стилю каждого.

Декорация для К. Марджанишвили — один из способов раскрытия внутренней главной идеи и содержания драматического конфликта. Подтверждение этого положения мы можем найти в постановке «Саломея» Оскара Уайльда на сцене тбилисского русского театра. Материал этот интересен и по той причине, что деятельность Марджанишвили в русском театре недостаточно исследована. Для передачи обреченности древнего Вавилона, погрязшего в распутстве, режиссер и художник нашли интересное декоративное оформление в виде движущегося овального задника, закрывающего и боковые кулисы, на котором были изображены крылья, символизирующие дыхание смерти. Окраска их по мере развития драматического, вернее, трагедийного конфликта менялась от зеленоватого до кроваво-лилового в финале. Примеров красочного оформления спектаклей режиссером можно привести немало. Уже оформление «Гамлета» и «Братьев Карамазовых» во МХАТе заставило театральных исследователей обратить внимание на эту сторону режиссерской деятельности Марджанишвили. И не только занавес, костюмы, но оформление сценической площадки всегда подчинялось одной цели — создать удобства для передвижения отдельных исполнителей и групп, способствовать более глубокому раскрытию внутреннего мира образов.

Совершенно иной подход к декоративному оформлению наблюдается у Ахметели. Для него сценическая площадка тесна, и он готов вынести действие в зрительный зал. Поэтому и работа с художником-оформителем спектакля подчиняется основной цели — показу массы, размещению большой массы людей на сцене, созданию простора для ее действия, каждая площадка, каждый метр сценического пространства загружен до предела, декорации обыгрываются как в глубину и в ширину, так при возможности и в высоту (постановки: «Левый руль» В. Билля-Белоцерковского, III картина «Анзора» — горный аул, конструкция крейсера «Заря» в «Разломе» и т. д.).

При художественном оформлении спектаклей оба режиссера особое внимание уделяли световому и музыкальному оформлению. Для синтетического театра К. Марджанишвили свет становится одной из составных и важных деталей художественного оформления спектакля. В той же «Саломее» подсвечивание декоративного задника, чередование света и тени усиливало напряжение, нагнетало действие, приводя к трагическому концу на кроваво-красном фоне.

Очень подробно останавливается А. Ахметели на световом оформлении спектакля «Загмук» в письме к драматургу А. Глебову. Вот отрывок из письма: «...Тут нет самого главного — освещения (речь идет о фотоснимках). Оно у меня очень сложное. Работают на спектакле 5 сильных прожекторов разных цветов... 15 факельщиков все время обходят город с разных точек, и при этом освещении и при вращении сцены идет вся картина...».

Кстати, следует отметить, что в рецензиях на постановки почти никогда не затрагивалась специфика светового оформления. Поэтому мы вынуждены обращаться или к режиссерским записям, или к воспоминаниям актеров.

Иное дело — музыка. Каждая рецензия особо выделяет музыкальное оформление постановок К. Марджанишвили и А. Ахметели. Композиторы И. Туския, Т. Вахвашишвили и другие удачным музыкальным сопровождением спектаклей способствовали полному раскрытию режиссерских замыслов. Оба режиссера часто использовали в своей творческой деятельности народные танцы. Органически влетаясь в общий ход действия, демонстрируя пластическую культуру исполнителей, они придавали постановкам самобытный и оригинальный характер.

Обобщенное внимание режиссеры уделяли внутреннему ритму спектакля. Но в поисках ритма, как указывает Ш. Мачавариани, они шли разными путями, применяли совершенно отличные методы. Марджанишвили ищет ритм в

<sup>1</sup> В. Картвелишвили, Раздумья о театре Руставели, «Сабоча хеловнеба», 1964, № 5, стр. 20.

каждом художественном образе, ибо для него определение внутреннего ритма — один из путей раскрытия психологии образа, его внутреннего мира. И в ритме отдельных образов угадывается общий ритм всего произведения. В его работе ритм, внутренняя музыкальность, как и слово актера и его движения, сливаются воедино, создают законченный сценический образ.

Ахметели же, определив ритм действия всего ансамбля, специфичный и общий для всего спектакля, ритм действия каждого отдельного актера подчиняет общему ритму массы. «Он (Ахметели) огромное внимание уделял определению ритма и темпа. Ритм он считал пульсом внутренней природы вещей, а темп — внешним физическим влиянием на предмет. Он говорил: «Если не найдешь органический пульс пьесы, не выявишь ее ритм и темп, спектакль будет лишен всякой художественной ценности, зритель ничего не поймет, не поверит тебе и покинет зал».

Вышеизложенный сравнительный анализ творчества двух больших художников дает нам право, основываясь на документальном материале, сделать несколько выводов.

Во-первых, как подтверждается материалами исследований и мемуарной литературы, Сандро Ахметели является одним из самых талантливых учеников Коте Марджанишвили, и следовательно, у них очень много общего во взглядах на искусство, на театр, и это общее находит отражение и в его творческих исканиях и методах.

Во-вторых, их соперничество никогда не переросло в неприязнь (для этого достаточно ознакомиться с их перепиской), а носило лишь характер творческого соревнования. Деление актеров на «ахметелевцев» и «марджановцев» всегда было чисто субъективным. «Наш путь, — говорил А. Ахметели, — никогда не был направлен против этого театра (театра Марджанишвили. — О. Д.)... Мои взаимоотношения с Марджанишвили очень искренни. Я — ученик его. В общем же, наши взаимоотношения были осложнены не им и мной, а теми, кто сейчас больше всего об этом говорит»<sup>2</sup>.

В-третьих, в результате творческого соревнования двух грузинских режиссеров в 20-х годах нынешнего столетия в Грузии организовались два великолепных творческих коллектива, два театра, совершенно разностильных, психологическо-реалистического направления: Второй государственный драматический театр, тяготеющий к синтетическому, — и имени Руставели — героико-романтического плана. Достоин удивления, что наши исследователи, принимая как факт, не требующий обсуждения, наличие в Москве столь разностильных театров, как МХАТ, Малый, театр Вахтангова, театр МГСПС и другие, не могут примириться с фактом появления в Грузии двух театров, различных по творческому стилю.

В-четвертых, на становление грузинского советского театра, двух в данном случае исследуемых театров, большое влияние оказала русская советская драматургия, уже выработавшая определенные театральные традиции нового советского искусства.

В-пятых, творческое соревнование Марджанишвили и Ахметели перекликается с большой полемикой и дискуссиями, развернувшимися в 1933—34 годах в советской драматургии между двумя течениями — «психологистами», возглавляемыми В. Киршоном и А. Афиногеновым, и «новаторами», идеологами и теоретиками которых являлись Вс. Вишневский и Н. Погодин.

Грузинский театр, как детище Советской власти, шагал в ногу с современностью, с русским советским театром, и конфликты, возникшие в русском театре, естественно, нашли отражение в творческой практике грузинского театра и его строителей — К. Марджанишвили и А. Ахметели.

<sup>1</sup> И. Шерезадашвили, Большой художник и театральный деятель, «Сабчота хеловнеба», 1958, № 1, стр. 49—52.  
<sup>2</sup> В. Кикнадзе, Беседы на репетициях, «Сабчота хеловнеба», 1964, № 5, стр. 49.



## ТВОРЧЕСКИЙ ТРУД КРИТИКА

Во все времена для литературной критики, как для самостоятельной и исключительно нужной отрасли литературы, губительными были догматизм и нормативность. Губительными потому, что лишали ее права на творчество, права быть открывателем нового. Для догматика с самого начала все было открыто, выяснено и последовательно пронумеровано, под поведение любого героя сразу же подводилась соответствующая статья из, так сказать, эстетического кодекса. Нормативная критика в первую очередь закрывала дорогу новатору, искателю нового и, следовательно, истинному творчеству. Думаю, нет необходимости специально оговаривать, что речь идет не о подмене критики субъективистскими впечатлениями, а о требовании творить и мыслить. При чтении произведения критического жанра мы должны чувствовать, что его автор думает, переживает и мучается в поисках истины, того жизненного начала и возвышающего стимула, выявить которые и призвана художественная литература. В этом и состоит главный принцип как ее, так и, в первую очередь, марксистско-ленинского литературоведения. Именно поэтому великий Ленин писал, что литературное дело меньше всего подчиняется механическому сопоставлению, нивелированию, что необходимо дать больше размаха личному почину, индивидуальным склонностям, мысли и фантазии...

Естественно, что литературная критика, как одна из областей творчества, должна быть основана на том же принципе. Истинный критик не подгоняет алтриорно взятую мысль к тем или иным конкретным событиям и явлениям; он должен быть первооткрывателем мысли, а не описателем точного соответствия литературного персонажа данным нормам. Многие недостатки, которыми сейчас страдает наша критика, являются наследием именно этой нормативности. А ведь грузинская литературная критика славилась живыми, блестящими образцами по-

длинно творческого характера. Когда Константин Гамсахурдиа и Геронтий Кикодзе опубликовали свои первые эссе, они были восприняты некоторыми как результат влияния европейских, в частности французских, авторов, скажем, Монтеня, или других, более поздних. Однако при этом забывалась наша грузинская традиция, которая была такой же. Что представляют собой статьи Ильи Чавчавадзе о литературе, если не доверительную беседу с читателем; или его раздумья в бессонные ночи, в которые читатель вовлекался для того, чтобы вместе с автором найти ответ на тот или иной неразрешимый вопрос.

То же самое можно сказать о богатейшем наследии Акакия Церетели в области литературной критики; он и пошутит с читателем, потом оба смеются над неудачной книгой автора; или с первых же строк вызовет у него слезы и вместе с ним поплачет сам. Вспомним хотя бы его «Раздумья перед каминном». Сколько в них непосредственности, естественности, живости, благодаря которым писатель сразу же становится твоим другом.

Лучший способ донести до читателя высокие идеалы — философские, социальные или патриотические — это искренность, непосредственность, искренность... В таких случаях нет надобности в какой-либо дистанции между критиком и читателем, в каких-либо дипломатических ходах. Читатель — твой друг. Без него твои сочинения и мысли не имеют никакой цены. Поэтому говорить с ним надо по-человечески, не кривляясь и не жонглируя высокопарными фразами...

«Литературные статьи» Лавросия Каландадзе, представляющие собой довольно объемистый том, в который автор включил все свои лучшие работы, в первую очередь привлекают преданностью этим старым хорошим традициям. Именно это придает книге своеобразное очарование, не лишая ее в то же время печати и колорита своей эпохи. И в этом — большое ее достоинство.



Молодому поколению, читающему стихи Галактиона Табидзе или Георгия Леонидзе и не заставшему их в живых, об идеях, манере письма, мировоззрении этих поэтов может рассказать их же творчество. Но самого человека ничто не сможет оживить так, как память умного и чуткого коллеги, его живое слово и любовь к нему.

Книга Лавросия Каландадзе открывается написанными в разное время пятью статьями о Галактионе Табидзе. Позволю себе сказать, что критик нарисовал образ поэта так же пластично и достоверно, как это делает хороший романист, создавая образ своего главного героя. «Знаю, в этих строках, — признается он, — эмоциональное отношение к творчеству поэта превалирует над беспристрастным суждением о нем. Пусть так. Думаю, подобное восприятие его творчества не помешает читателю. Привлекательность лучших творений поэта, я верю, очевидна и без критического анализа, они и так на протяжении столетий будут служить благородному делу воспитания чувства прекрасного».

Для понимания лучших творений Галактиона наша помощь, возможно, действительно не нужна, но она, наверное, способна сделать образ поэта более доступным для читателя. И вот критик начинает, как бы странным ни показалось это несведущему человеку, не рассуждать, а вспоминать, размышлять о нем, рисовать его, стремясь разгадать этот феномен, имя которому Галактион Табидзе. Прежде всего автор книги обращается к личной характеристике поэта. Вот первые ее штрихи: это весьма сложная и многогранная личность, трудно поддающаяся пониманию, трудно постигаемая; непосредственный, как большой ребенок, Галактион любил внимание: он был то хмурый и саркастичный, подобно Мефистофелю, то открытым, то замкнутым; человек исключительно образованный и богато информированный во многих областях знаний, особенно в сфере искусства, поэт порою, по наблюдениям Л. Каландадзе, надевал маску наигранной наивности, наивного удивления. И это будто даже шло ему. Одним словом, Галактион, как личность, был неповторим, подобно его стихам...

Кто знал его близко, согласится со мной, что здесь все сказано емко и точно. Это — настоящий Галактион.

Такими же точными штрихами обрисованы в книге личность и поэтический мир Георгия Леонидзе: «Наверное, с бесконечной тьмой небытия боролось вдохновение поэта, когда он сочинял грустно-утешительное «Не печалься, мама». Кажется это только или действительно так: из этого светлого вдохновения и сегодня глядит на нас своими умными, задумчивыми голубыми глазами элегантный и высокий гост. Он был по-

хож на всех грузин и в то же время ни на кого не походил. Везде выделялся, и не только своим красочным грузинским языком, но и своей внешностью».

Книга Лавросия Каландадзе полна поисков, раздумий о жизни, искусстве, о том, как и какими средствами борется творчество с полной пессимизма и горести формулой: жить — это значит умирать. Эти философские поиски органически сливаются с решением узловых вопросов искусства; во всем здесь ощутимо стремление творчества вырваться из лап быстротечного времени: тот или иной предмет, поймать его дух, его ритм. Желание остановить само время и сосредоточить все это в своем творении показано в книге на основе анализа конкретных произведений современной грузинской советской литературы, будь то стихотворение Галактиона Табидзе «Надпись на книге «Манон Леско» или мудрая фраза Константина Гамсахурдия из книги «Десница великого мастера» — «Действительно, что еще требуется от мастера, если не превращение мгновения в вечность? Что еще требуется от мастера на этом свете, если не борьба с туманом преходящести?»

С точки зрения этой проблематики особое внимание привлекают такие очерки и эссе Лавросия Каландадзе, как «Солнцеликий», «Бормочет Кура», «Поэзия из истоков», «Строки с раздумьями», «Думы и репортаж», «Один отрывок из литературного дневника» и другие. Все они поднимают ту или иную интересную жизненную или литературную проблему. Подробно говорить об этом здесь нет возможности. В качестве примера остановимся лишь на одной статье, называемой «Строки с раздумьями». Она сюжетна, написана в форме рассказа и начинается с воспоминания о больнице, куда одновременно попали академик Шалва Нуцубидзе, инженер Андро Габуня, поэт Габриэл Джабушанури и автор «Литературных статей» Лавросий Каландадзе. Есть еще один человек, находящийся далеко от больницы. Это — сельский учитель, который посылает ему туда письма. Литературный прием это или в действительности существовал такой корреспондент, сейчас не имеет значения. Главное, что этот сельский учитель — человек, размышляющий о жизни, искусстве, литературе. В первую очередь здесь привлекает внимание его бескорыстная любовь к Грузии и грузинской литературе; примечательно также, что историю и настоящее первой он не представляет без второй. Вот эта-то большая любовь и дает ему право говорить о болезненных вопросах развития нашей художественной литературы, о стремлении определенной категории людей к исключительности, что, по его словам, похоже на стремление к получению дворянского титула.

Все это — гримасы нашего литературного быта, горькая правда, но не об этом здесь речь. Более интересной представляется беседа о красоте жизни, «о бесконечно трепещущем свете» на берегах маленькой речки... Разговор идет о том, сколь велико очарование человеческого бытия и труда в этом мире и что должна сделать литература для того, чтобы поднять силу духа человека, взбодрить его, вдохновить на действия во имя более прочного утверждения на земле радости и добра. Автор письма сетует на усиление трагических и драматических мотивов в мировой литературе; и как несомненно верно его замечание о проникновении в литературу яда и отравы отчаяния последователей экзистенциализма и модернизма, также справедливо его суждение о том, что цель истинной литературы не должна состоять в создании «бесконечных сетей трагизма человеческих судеб». Многие в письме этого человека заставляет задуматься...

Впервые в грузинской публицистике здесь поднят вопрос о научно-технической революции в ее этическом аспекте. Спорным представляется положение: «Духовная сущность современного человека уже созрела для того, чтобы больше всего желать искусства как средства избавления от душевных болей; в сущности человек ждет таких гениев, которые поведут будущее развитие литературы и искусства по пути духовного наслаждения. Для этого нужны гении, наделенные новыми качествами».

Затем следует рассуждение о «формуле» и «нектаре». «Я, конечно, всегда за нектар», — признается автор письма. И тут же поясняет: «Когда речь идет о формуле и нектаре, вовсе не подразумевается холодный, сухой или слащавый стиль». Нектар здесь представляет «саму субстанцию, живую мысль и чувство». Понятно, что в данном случае подразумевается не «слащавый стиль», это было бы слишком примитивное толкование авторской мысли; речь идет, с одной стороны, о жизнеутверждающем начале и, с другой, об отрицающем его искусстве. Ясно, что автор поддерживает первое, но понятно, почему направление литературы «по пути духовного наслаждения» должно означать отказ от отображения трагического и драматического; тут все зависит от точки зрения: если

современный поэт или прозаик посмотрит на мир не с позиций экзистенциализма, с точки зрения которого человек — трагически обреченное существо и его бытие бессмысленно, а с позиций здорового реализма, призывающего к преодолению всякой боли и к утверждению в мире добра, тогда почему должен он проходить мимо трагического и драматического? Разве трагедия Гамлета не доставляет человеку то же «духовное наслаждение», разве она не вдохновляет его на борьбу за добро и справедливость?

Решение этих вопросов дается в той же книге, хотя бы в той обширной статье, которую ее автор посвятил разбору трудов по эстетике Георгия Джигладзе.

Вообще сборник Лавросия Каландадзе безусловно порадует нашего читателя, который не избалован хорошими, вдумчивыми трудами из сферы литературной критики и публицистики. Здесь даны прекрасные литературные портреты и грузинских писателей прошлого — «Титан», «Борющийся с судьбой» (о Н. Бараташвили), «Где найти столько земли» (раздумья о Важа Пшавела) и статьи о современных мастерах грузинского художественного слова: о тех, кого уже нет среди нас, и о тех, кто продолжает успешно трудиться на ниве новой грузинской литературы.

В сущности в этой книге глазами непосредственного участника, самозабвенно преданного человека увидана почти вся современная грузинская литература и все те процессы, которые она претерпела на пути своего развития.

Одновременно сборник Лавросия Каландадзе показывает путь, пройденный ее автором в литературе. В его статьях мы узнаем не только мысли и думы критика. Очень скупо, но выразительно выступают в них и его биография, и взаимоотношения с представителями грузинской литературы двадцатого века; мы словно видим тех, с кем он имел счастье беседовать, спорить, мечтать, ходить на охоту по горам и долам Грузии, бывать на литературных вечерах... Все это видится в книге, на страницах которой воссоздается портрет нашего современника, интересного человека, внесшего значительный вклад в сокровищницу новой грузинской мысли.

Георгий НАТРОШВИЛИ.



Сдано в производство 26 июня 1974 г. Подписано к печати 12 августа 1974 г.  
6 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 70×108<sup>1</sup>/<sub>16</sub>.

Заказ 2488

Тираж 4000

УЭ 00124